

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПСИХИАТРИИ И НАРКОЛОГИИ ИМЕНИ В.П. СЕРБСКОГО»
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Васильев Никита Георгиевич

КЛИНИКО-ПАТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТА СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ
ПРИ ПЕДОФИЛИИ

3.1.17 – «Психиатрия и наркология»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата медицинских наук

Научный руководитель:
доктор медицинских наук, профессор
А. А. Ткаченко

Москва-2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ.....	16
1.1. Теоретические модели восприятия объекта сексуального предпочтения	16
1.2. Клинические проявления восприятия объекта предпочтения при педофилии	18
1.3. Психологические механизмы восприятия аномального объекта предпочтения.....	21
1.4. Психофизиологические аспекты восприятия объекта предпочтения при педофилии	24
1.5. Нейрофизиологические паттерны восприятия аномального объекта предпочтения.....	26
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	35
2.1. Характеристика материала и формирование групп исследования.....	35
2.2. Методы исследования	40
ГЛАВА 3. КЛИНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТА АНОМАЛЬНОГО СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ	47
3.1. Клинические особенности восприятия объекта	47
3.2. Клинико-онтогенетическое обоснование типологии восприятия аномального объекта	55
3.3. Характеристика групп испытуемых с учетом типологических особенностей восприятия аномального объекта предпочтения.....	59
3.4. Типологические особенности восприятия объекта.....	64
3.5. Межтиповые различия испытуемых с педофильным влечением	72
3.6. Клинико-онтогенетическая концепция континуальности феномена деперсонификации при педофилии	79
ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТА СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ	84

ГЛАВА 5. ЭЛЕКТРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТА АНОМАЛЬНОГО СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	91
5.1. Общие паттерны восприятия: исследование вызванных ритмов	91
5.2. Общие паттерны восприятия: исследование вызванных потенциалов.	100
5.3. Паттерны восприятия в соответствии с клиническим типом: исследование вызванных потенциалов	108
ГЛАВА 6. СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	124
ВЫВОДЫ	134
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	137

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Согласно внесенным в 2012 г. изменениям в российский уголовный кодекс, наличие диагноза «педофилия» у лица, совершившего правонарушение сексуального характера в отношении малолетних, непосредственно свидетельствует о его общественной опасности и требует применения принудительных мер медицинского характера (п. «д» ч. 1 ст. 97; п. 2 ст. 99 УК РФ). Однако значительное число сексуальных правонарушителей не отвечают медицинским критериям педофилии – встречаемость педофилов среди лиц, совершающих сексуальные правонарушения в отношении малолетних детей, не превышает 20%. То есть более 80% лиц, совершающих подобные действия, не имеют стойкого влечения к лицам детского возраста (Шпорт С.В., Каменсков М.Ю., Введенский Г.Е. и др., 2022). Диагностика педофилии в ходе судебно-психиатрического экспертного обследования лиц, обвиняемых в сексуальных правонарушениях в отношении детей, представляет собой сложную задачу, так как часто проводится в условиях недостатка информации, а также отсутствия самоописания аномальных сексуальных побуждений. С одной стороны, при недостаточности, неоднозначности данных эксперт имеет право дать мотивированное заключение об отказе от ответов на поставленные перед ним вопросы (п. 6, ч. 3, ст. 57 УПК РФ). С другой, эксперт должен придерживаться принципа полноты и всесторонности экспертного обследования с использованием современных достижений науки и техники (ФЗ от 31.05.2001 г. N 73-ФЗ «О ГСЭД в РФ», ст. 4), что указывает на необходимость комплексного подхода в диагностике педофильного расстройства.

G.M. Reed и др. (2016) в рекомендациях по диагностике парафильного расстройства отмечают, что необычное сексуальное поведение, не отражающее стойкий, целенаправленный и интенсивный паттерн парафильного сексуального возбуждения, не может быть основанием для постановки диагноза. Аномальное сексуальное поведение не всегда связано с наличием расстройств сексуального

предпочтения. Оно может наблюдаться при сексуальной расторможенности в рамках органического расстройства личности, также при нарастании негативно-личностных расстройств при шизофрении или когнитивных расстройств при умственной отсталости, деменции, либо при интоксикации психоактивными веществами (Thibaut F. и др., 2020). Исследования показывают, что криминальное поведение в виде сексуальной активности с детьми само по себе имеет нейробиологические, клинические и психологические особенности, не отражающие напрямую патологическое своеобразие парафильного расстройства (Schiffer B., Vonlaufen C., 2011; Massau C. и др., 2017; Gerwinn H. и др., 2018; Kneer J. и др., 2018; Storch M. и др., 2022), что говорит о недостатках диагностики, основанной на изолированной оценке аномального сексуального поведения. Одновременно признается неоднородность самой категории педофилии, которая характеризуется вариативностью клинических проявлений – в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (1998) наряду с указанием на необходимое наличие «постоянного или преобладающего» сексуального предпочтения детей препубертатного или раннего пубертатного возраста параллельно сосуществует модель «привычного обращения к сексуальным контактам с детьми в условиях фрустрации». Также, подобные клинические варианты описываются в Диагностическом и статистическом руководстве Американской психиатрической ассоциации (2013), где различаются эксклюзивный и неэксклюзивный типы педофилии: при первом выявляется сексуальное влечение исключительно к детям, а при втором оно не столь выражено, и возможны сексуальные контакты со зрелыми партнерами.

Ведущим критерием диагностики педофильного (как и любого другого) сексуального предпочтения является стойкость идеаторной и поведенческой активности, отражающая сформированное аномальное влечение. Компонентом данного симптомокомплекса является способ восприятия нестандартного объекта эротической активности, опирающийся на опыт взаимодействия с ним и его особую значимость. Выявление такого своеобразия восприятия может стать

диагностически значимым подтверждением стабильности аномального предпочтения.

Степень разработанности темы исследования

Особенности восприятия объекта при педофилии могут быть оценены в рамках теоретических представлений Т. Ward и R.A. Beech (2006, 2016) о механизмах аномального сексуального поведения, включающих нейрофизиологический, психологический и психопатологический функциональные уровни. Взаимосвязь между последними предполагает, что феномены, выявленные на одном уровне, непременно имеют свое отражение на других, что позволяет вести поиск клинико-феноменологических, психологических и нейрофизиологических признаков своеобразия восприятия объекта сексуального предпочтения при педофилии, оценивая их как отдельные аспекты единого патогенетического механизма.

А.А. Ткаченко (1999) был разработан клинико-психопатологический инструмент выявления феноменологических особенностей парафилий, согласно которому в контексте восприятия наиболее существенными представляются такие феномены, как фрагментарность восприятия объекта, деперсонификация, фетишизация и символизация.

При клиническом обследовании выявляются особенности восприятия лицами с педофилией физических и психологических характеристик образа сексуального объекта. Среди внешних признаков – черты незрелости (особенности строения тела, его пропорции, инфантильные жесты и мимика), а также связанные с образом ребенка предметы (одежда, обувь), которые наделяются особым значением (Wilson G.D., Cox D.N., 1983; Радченко Н.А., 2002; Martijn F.M. и др., 2022). Среди значимых психологических характеристик объекта представлен ряд особенностей, который можно разделить на черты, характеризующие личность ребенка, его нужду в жизненном сопровождении, безобидность, сексуальность, а также признаки, отличающие его от взрослых (Martijn F.M. и др., 2022). R.A.

Knight, D.L. Carter и R.A. Prentky (1989) выделили типы восприятия аномального объекта предпочтения у лиц, совершивших сексуальные действия с детьми: «межличностный» тип, который характеризуется чувством равноправных отношений с ребенком, уверенностью во взаимном удовольствии, и «нарциссический», характеризующийся восприятием детей только в качестве «предметов» для самоудовлетворения, игнорированием их потребностей и запросов.

Субъективная значимость образа ребенка подтверждается результатами применения инструментальных психологических методов: выявлена более продолжительная по времени оценка сексуальной привлекательности изображений детей, а также более длительное решение задач на зрительное внимание при одновременной демонстрации изображений детей у лиц с педофильным поведением (Abel G.G. и др., 1994; Mokros A. и др., 2012; Schmidt A.F., Babchishin K.M., Lehmann R.J.B., 2017; Mokros A. и др., 2010; Poppel T.V. и др., 2011; Dombert V. и др., 2015). Применение теста скрытых ассоциаций показало статистически значимое преобладание ассоциативной связи понятий «ребенок» и «секс» у испытуемых с опытом сексуальных контактов с детьми (Gray N.S. и др., 2005; Brown A.S. и др., 2009; Hempel I.S. и др., 2013). При экспериментально-психологическом исследовании полового самосознания испытуемых, страдающих педофилией (Дворянчиков Н.В., 1998), выявляется патопсихологический симптомокомплекс, содержащий компонент, характеризующий своеобразное восприятие аномального сексуального объекта – детский образ воспринимается ими как более приятный на фоне амбивалентного или отрицательного отношения к мужскому и женскому образам (Демидова Л.Ю., 2017).

Получены нейровизуализационные данные о выявлении фМРТ и ПЭТ признаков аномальной активации структур мозга, задействованных в различных нейронных сетях, при восприятии изображений детей: сети внимания (Dreßing H. и др., 2001, Habermeyer B. и др., 2013; Ristow I. и др., 2019), эмоционального реагирования (Sartorius A. и др., 2008), регуляции поведения и сексуального возбуждения (Schiffer B. и др., 2008; Ponseti J. и др., 2011; Fonteille V. и др., 2019).

Также отмечена сниженная активация структур мозга у испытуемых с педофильным влечением при просмотре изображений взрослых людей (Роерпл Т.В. и др., 2011; Walter M. и др., 2006).

Технологические особенности фМРТ и ПЭТ позволяют с высокой точностью определить участки головного мозга, задействованные в анализируемом процессе. В то же время, этот результат гемодинамически обусловлен и требует временного ресурса – периода между стимуляцией и реакцией на неё, который также является важным параметром оценки, отражающим глубину осознанного восприятия стимулов на момент регистрации реакций. В связи с этим приходится констатировать ограниченную разрешающую способность томографических методов для анализа ранних реакций. При этом оценка эротических стимулов происходит по большей части до включения процессов привлечения внимания, на неосознаваемом уровне, тогда как эротические стимулы вызывают сексуальное возбуждение до сознательной их оценки, а субъективный опыт сексуальных переживаний представляет собой неосознанно усвоенную информацию, преобразованную, преувеличенную вниманием (Spiering M., Everaerd W., 2007).

Электроэнцефалографические методы регистрируют активность головного мозга, имеющую биоэлектрическую природу (Жадин М.Н., 1984), что позволяет регистрировать реакции с очень низкой временной задержкой относительно стимуляции. Это преимущество используется при анализе вызванной активности головного мозга или активности, связанной с событиями, представленной в виде вызванных потенциалов – изменений электрической активности мозга в ответ на сенсорное раздражение. Латентный период данных реакций – время от момента стимуляции до реакции – исчисляется сотнями миллисекунд (Dickter C.L., Kieffaber P.D., 2014). Современные компьютерные технологии, цифровые фильтры, осуществляющие математические процессы обработки и усреднения сигнала, дают возможность регистрировать и анализировать электрическую активность мозга во временных периодах, относящихся к бессознательной или предсознательной активности (Кропотов Ю.Д., 2010).

Результаты нейрофизиологических исследований показали, что применение метода регистрации вызванной активности с использованием энцефалографии позволяет выявить и оценить своеобразие динамики восприятия эротических стимулов при педофилии, в том числе на этапе бессознательной обработки сенсорной информации (Anokhin A.P. и др., 2006; Knott V. и др., 2015; Rosburg T. и др., 2018; Krylova M. и др., 2020; Speer L. и др., 2021).

Таким образом, значение особенностей восприятия объекта при педофилии было констатировано в теоретических положениях, подтверждено в клинических, экспериментально-психологических, нейробиологических и электрофизиологических исследованиях. Им отводится роль важного дискриминирующего фактора, характеризующего фиксированность на аномальном сексуальном объекте, степенью его преференции перед нормативным, а также его субъективную ценность и связанную с ним идеаторную и поведенческую активность.

Цель исследования

Установление клинико-патогенетических механизмов восприятия объекта сексуального предпочтения для разработки комплексной модели диагностики педофилии.

Задачи исследования

1. Уточнение клинических особенностей выбора объекта сексуального влечения при педофильном расстройстве.
2. Установление психологических признаков, характеризующих субъективный образ объекта сексуального влечения при педофилии.
3. Установление нейрофизиологических паттернов, характеризующих процесс восприятия эротических стимулов при педофилии.
4. Выделение критериев диагностики педофилии на основе взаимосвязи между клиническим, психологическим и нейрофизиологическим уровнями

выявления эротической значимости аномального стимула при педофильном расстройстве.

Научная новизна исследования

Впервые разработана типология восприятия объекта педофильного влечения, описывающая три относительно однородных клинических варианта: идентифицирующийся, аутоэротический, манипулятивный. Подтверждена основополагающая роль феномена деперсонификации (обезличивания) как облигатного компонента педофильного расстройства. Предложен объяснительный принцип дизонтогенетических механизмов образования выявленных типов восприятия аномального объекта предпочтения на основе представлений об этапах формирования Модели психического. Выявлены психологические признаки восприятия половозрастных образов и ассоциации с сексуальной сферой, подтверждающие деперсонификацию аномального объекта предпочтения, а также позволяющие оценить дизонтогенетическое своеобразие выделенных клинических типов. Впервые выделен общий нейрофизиологический признак восприятия эротических визуальных стимулов нормативного и педофильного содержания у лиц с педофилией в виде снижения префронтального этапа обработки стимула и межполушарной симметричности реагирования. Показаны различия в динамике обработки стимульной информации при разных клинических типах восприятия педофильного объекта.

Теоретическая и практическая значимость работы

Выделены значимые для диагностики педофилии признаки на основе выявления механизмов восприятия объекта предпочтения, что представляет собой актуальную клиническую и судебно-психиатрическую задачу. Представлена оригинальная клинико-онтогенетическая типология восприятия аномального объекта педофильного влечения. Выявлены психологические признаки, характеризующие деперсонифицированное восприятие объекта предпочтения при

педофилии и нарушения полоролевой идентичности, релевантные для клинической типологии восприятия объекта при педофилии. Выявлены частотно-пространственные характеристики вызванных ритмов и параметры амплитуды и латентности вызванных потенциалов, отражающие аномальную организацию восприятия объекта при педофилии в целом и при её типологических формах. Полученные данные представляются перспективными для дальнейшей разработки дифференцированной оценки осознанно-волевой регуляции и персонифицированного терапевтического подхода в отношении педофильного расстройства. Теоретический материал может быть использован при подготовке обучающих модулей для ординаторов и курсантов, врачей сексологов и судебно-психиатрических экспертов, и клинических психологов.

Методы исследования

В исследовании принял участие 131 мужчина, совершивший сексуальные действия с детьми и проходивший стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в период 2017-2020 гг. в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ.

Критериями включения в исследование являлись мужской пол и наличие аномального сексуального поведения в отношении детей препубертатного и раннего пубертатного возраста.

Критерием невключения являлось наличие выраженной органической патологии (F00-F03) и острой психотической симптоматики.

Все испытуемые были разделены на 2 группы: у 90 (68,7%) человек было установлено наличие сексуального влечения в отношении педофильного объекта (группа 1), у 41 испытуемых (31,3%) расстройств сексуального предпочтения выявлено не было (группа 2).

Для оценки сексуального онтогенеза и актуального психосексуального состояния, выявления клинических феноменов искажений выбора объекта, его

осознавания, связанной с ним активности применялись клинико-психопатологический и сексологический методы.

Для выявления психологических признаков, характеризующих субъективный образ объекта сексуального влечения, использовался Цветовой тест отношений (ЦТО), отражающий эмоциональное отношение к различным полоролевым образам и смысловые связи между ними (Эткинд А.М., 1980). Психологическое исследование проводилось совместно со старшим научным сотрудником, к. психол.н. Л.Ю. Демидовой.

Для выявления нейрофизиологических реакций, ассоциированных с восприятием эротических визуальных стимулов, использовалась электроэнцефалографическая система ЭЭГА-21/26 «Энцефалан-131-03». Для визуальной стимуляции использовался набор цветных слайдов нейтрального (изображения природы) и эротического содержания, которые, в свою очередь, включали нормативные (гетеросексуальные) и педофильные (гетеро- и гомосексуальные) стимулы. Нейрофизиологическое исследование проведено в сотрудничестве с Лабораторией клинической нейрофизиологии под руководством д.б.н. А.В. Киренской.

Статистический анализ данных клинической части исследования проводился с применением критерия χ^2 Пирсона с точным тестом Фишера, однофакторного дисперсионного анализа, а также кластерного анализа по методам Уорда, дальнего соседа и средней связи (внутри групп) (мера близости – квадрат евклидова расстояния). Для оценки различий по результатам психологического тестирования использовался критерий χ^2 Пирсона с точным тестом Фишера. При статистическом анализе результатов электрофизиологического исследования применялись дисперсионный анализ ANOVA GLM (Repeated Measures), критерий Фишера (Fisher LSD) и классический дискриминантный анализ с пошаговым включением предикторов.

Положения, выносимые на защиту

1. Стойкость идеаторной и поведенческой аномальной сексуальной активности, являющаяся основным диагностическим критерием педофильного расстройства, связана с деперсонифицированным восприятием нестандартного объекта влечения, характеризующимся его оценкой как пассивного объекта. Педофильное расстройство может быть представлено в виде трех интранозологических клинических типов. Идентифицирующийся тип отличается пристрастной идеализацией объекта, спаянностью сексуализированной активности и образа аномального объекта. Аутоэротический тип характеризуется фиксацией на самоудовлетворении путем инструментального использования объекта. При манипулятивном типе на первый план выходит подчинение объекта, имитация зрелого партнерского сексуального взаимодействия. Выделенная типология восприятия объекта при педофилии отражает дизонтогенетическую природу патологического формирования элементов модели психического, связанных с сексуальной сферой, и может быть представлена в виде континуума – от нарушений наиболее ранних возрастных периодов к более поздним.

2. На психологическом уровне реагирования при педофилии образ ребенка воспринимается как сексуализированный, пассивный и подчиняемый, а сексуальная сфера чаще имеет амбивалентную эмоциональную окраску и ассоциативные характеристики доминантных отношений, что подтверждает деперсонификацию аномального объекта предпочтения. Общим для лиц с педофилией является неприятие мужской половой роли и сохранение привязанности к образу матери. Особенности формирования полоролевой идентичности дифференцированы в соответствии с выделенными типами и согласуются с их клиническими механизмами: негативное отношение к женскому образу у идентифицирующегося типа сочетается с предпочтением гомосексуального аномального объекта; выраженное неприятие мужской половой роли у аутоэротического типа – с ее неудачной реализацией и отсутствием нормативных отношений; характерная для манипулятивного типа

амбивалентность восприятия стимулов сексуального содержания отражает трудности поддержания отношений со зрелым объектом.

3. Выявленные нейрофизиологические особенности подтверждают дифференцирующее значение восприятия объекта.

3.1. Восприятие сексуально привлекательного зрительного образа в норме и при педофилии различается по числу статистически значимых изменений вызванных ритмов и по их частотно-пространственному распределению. Общим нейрофизиологическим признаком педофилии является дефицитарный и малодифференцированный характер восприятия эротических стимулов нормативного и педофильного содержания в виде межполушарной симметричности реакций на стимулы и редукции префронтального этапа обработки стимула.

3.2. Типологические нейрофизиологические признаки, характеризующие восприятие визуальных стимулов, позволяют оценить характер восприятия при педофилии как дефицитарный. Аутоэротический тип восприятия визуальных стимулов в целом отличается меньшей реактивностью и меньшей дифференцированностью восприятия эротических стимулов, о чем свидетельствует сниженная амплитуда реакций вызванных потенциалов при восприятии эротических (N140) и нейтральных стимулов (P220), в сравнении с манипулятивным типом, который по тем же параметрам вызванных потенциалов приближается к группе сопоставления.

Реализация и внедрение результатов исследования

Результаты исследования используются в работе отдела судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского», отделении судебно-психиатрических экспертиз ГБУЗ «МНПЦ наркологии» ДЗМ, Центре судебно-психиатрической экспертизы ГБУЗ «Центральная клиническая психиатрическая больница им. Ф.А. Усольцева» МО.

Публикация и апробация результатов исследования

Результаты исследования представлены на XVII Съезде психиатров России «Интердисциплинарный подход к коморбидности психических расстройств на пути к интегративному лечению» (г. Санкт-Петербург, май 2021 г.), Всероссийской конференции с международным участием «Молодые лидеры в медицинской науке» (СибГМУ, г. Томск, 17-18 мая 2023 г.), Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной памяти академика А.В. Снежневского (ФГБНУ «НЦПЗ», г. Москва, 23.05.2023 г.). Диссертация апробирована на проблемном совете ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России 24 мая 2023 г. По материалам диссертационного исследования опубликовано 8 работ, из которых 6 – в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Объем и структура диссертации

Диссертация изложена на 150 страницах машинописного текста и включает следующие разделы: введение, 6 глав, заключение, выводы, список использованной литературы (общее число библиографических источников – 124, из них – 24 отечественных, – 100 иностранных). Иллюстративный материал диссертации включает 28 рисунков и 13 таблиц.

ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Теоретические модели восприятия объекта сексуального предпочтения

Комплексный подход в оценке восприятия требует объяснения отношений между клиническими, психологическими и нейробиологическими признаками.

Психопатологические нарушения интерпретируются В.Ф. Pennington как нарушения работы нейропсихологических функциональных систем ЦНС, описанных А.Р. Лурией (1966): 1) система возбуждения/мотивации, включающая активность коры головного мозга, лимбические и стволовые структуры; 2) система восприятия/памяти, регулирующаяся главным образом задним неокортексом и гиппокампом; 3) система регуляции поведения, задействованная лобной корой, базальными ганглиями и частью таламуса. Например, депрессия является расстройством мотивационно-эмоциональной системы, синдром дефицита внимания и гиперактивность – системы регуляции поведения, а нарушения развития речи обусловлены нарушениями в системе восприятия и памяти.

В.Ф. Pennington (2002) в обзоре проблем комплексного психопатологического подхода и их решений предлагает анализировать психическую патологию по четырем типам факторов: 1) генетические и экзогенные; 2) функционирование головного мозга; 3) нейропсихологическое функционирование; 4) клинические феноменологические. Названные факторы или «уровни» находятся в состоянии взаимодействия, изменения на одном из них отражаются на других, формируя сложную, единую картину расстройства. Генетические нарушения и вредные факторы внешней среды влияют на патологическое формирование центральной нервной системы, которые обеспечивают дефицитарное исполнение психологических функций, что при клиническом обследовании квалифицируется как симптомы расстройств.

Ориентируясь на судебно-психиатрическую специфику, Т. Ward и R.A. Beech (2016) расширили представление о четвертом уровне, добавив способность ставить

цели, отражающие субъективную сферу значимого, создавать план действий по достижению этих целей и воплощать их в жизнь, формировать субъективные убеждения на основании полученного опыта, что в целом можно обозначить как способность к произвольному поведению.

J. Redoute и др. (2000) провели тщательную регистрацию активности мозговых структур при эротической визуальной стимуляции, и описали полученные результаты как паттерн активности участков мозга, включенных в многокомпонентную специфическую естественную нейронную сеть, обеспечивающую конкретную функцию — распознавание сексуально предпочтительного объекта во внешней среде. S. Stoleru и др. (2012) предложили схему активности элементов функциональных систем в условиях визуальной эротической стимуляции — интегративную нейрофеноменологическую схему сексуального возбуждения. Согласно данной схеме, переживаемым эмоциям и возникновению мотивации соответствует активация паралимбических структур, активация в области височных долей — когнитивной оценке стимулов, распознаванию сексуального содержания, а активацию верхней поясной коры авторы связали с гуморальными, вегетативными факторами сексуального возбуждения.

Таким образом, теория T. Ward и R.A. Beech (2006, 2016) и нейрофеноменологическая модель сексуального возбуждения при визуальной эротической стимуляции S. Stoleru и др. (2012), дополняя друг друга, предлагают концепцию сети функциональных систем для исследования сексуального поведения. Связь между функциональными системами предполагает, что изменение элементов одной системы отражается на других системах, и что позволяет вести поиск клинико-феноменологических, психологических и нейрофизиологических признаков своеобразия восприятия объекта сексуального предпочтения при педофилии, оценивая их как отдельные аспекты единого патогенетического механизма.

1.2. Клинические проявления восприятия объекта предпочтения при педофилии

Клинико-психопатологический инструмент, разработанный для феноменологической оценки парафилий (Ткаченко А.А., 1999) помимо стрессового феномена искажения объектного выбора, выявляет целый арсенал искажений активности, например, регрессивность, процессуальность и стереотипность, однако для исследования восприятия наиболее значимыми представляются феномены искажения выбора объекта, а также фрагментарность восприятия объекта, деперсонификация, фетишизация и символизация. Кроме того, имеет значение выявление сексуального дизонтогенеза, признаков нарушения половой идентичности (Радченко Н.А., 2002).

Различные типологические описания педофилии в разной степени подразумевают дифференцирующую роль особенностей восприятия объекта.

Разнообразие клинической картины педофильного расстройства отмечалось в ее описаниях уже конца XIX – начала XX века. Еще Р. Крафт-Эбинг (изд. 1996) выделил варианты с исключительной сексуальной преференцией детей и с заместительным значением педофильного выбора. Он также различал «патологические» и «непатологические» формы педофилии, подразумевая под первыми осложненные интеллектуальным дефектом различного генеза, а под вторыми – варианты педофильного поведения как проявление «безнравственности». Л.Г. Оршанский (1927) описал причины «растления малолетних», среди которых «ненормально повышенное влечение старика», и «чрезмерно повышенное влечение алкогольно-измененной личности», и «психопатологическое ненормальное влечение исключительно к детям». Он же отмечал, что если выбранная пациентом аномальная форма сексуальных контактов является единственно приемлемой и доступной для него и объясняется «физиологическими и психологическими» его особенностями, то он «с отталкивающей откровенностью рассказывает подробности своих поступков».

Также Л.Г. Оршанским описан иной тип пациента – он «мог бы быть другим, знает, что его поступок – преступление», прибегает ко лжи, чтобы скрыть свое поведение.

Таким образом, уже первые клинические наблюдения отражали попытку сформировать патогенетические объяснения клинической дифференциации педофилии.

Неоднородность состава лиц с педофилией отражена и в современных исследованиях, отталкивающихся от различных оснований при их разграничении. Обычно указывается на разные варианты предпочитаемой активности – насильственной, контактной и неконтактной, осуществляемой через средства связи, идеаторно-фантазийной. Также отмечается разнообразие в выборе объектов разного возраста, что отражает степень их зрелости (Seto M.C., 2009).

A.N. Groth и др. (1982) в своей классификации приходят к выводу, что лица с педофилией отличаются разными формами дезадаптации, а в плане восприятия объекта отмечают, принимая во внимание объективную сексуальную незрелость ребенка, что сексуальное значение его вторично, его роль скорее адаптационного характера, служит обеспечению психологического комфорта, что иллюстрировано типичными фразами педофилов: «она была рада меня видеть»; «она любила меня»; «он заставил меня почувствовать себя важным».

С криминологической точки зрения аномальное сексуальное поведение в отношении детей R. Holmes, S. Holmes (2009) распределяют по 4 вариантам, также включающим аспекты восприятия объекта. Первый вариант – «ненавидящий детей» (*mysopred*), отличается развернутым садистическим поведением в их отношении, второй – «регрессивный», представители которого имеют нормативную сексуальность и прибегают к сексуальным контактам с детьми под влиянием обстоятельств, третий – фиксированный, когда педофильный объект обретается в качестве предпочтительного на ранних этапах формирования сексуальности, отношение к детям характеризуется нежностью, а четвертый – «наивный», обычно с нарушенными критическими способностями, спонтанно осуществляет эротическую активность в отношении детей.

Наиболее близкую к основанной на особенностях восприятия объекта типологию представили R.A. Knight, D.L. Carter и R.A. Prentky (1989), которыми были выделены «Межличностный» и «Нарциссический» типы. Первый характеризовался чувством равноправных отношений с ребенком, уверенностью во взаимном удовольствии, а второй – восприятием детей только в качестве предметов для мастурбации, игнорированием их потребностей и запросов, стремлением к получению собственного удовольствия. Также оценивалась степень фиксации на аномальном объекте путем определения частоты и длительности взаимодействия с ним как в сексуальном, так и в бытовом плане.

Результаты мета-анализа С. Scarpazza и др. (2021) подтверждают неоднородность педофилии, в их версии она может быть разделена на «идиопатическую», не имеющую явных неврологических причин, и «приобретенную», которая характеризуется началом педофильных фантазий и желаний в зрелом возрасте, ассоциированных со значительными неврологическими аномалиями мозговых структур задней средней линии, правой нижней височной извилины и двустороннем поражении орбито-фронтальной коры.

S. Stephens и др. (2017) провели масштабное исследование того, является ли педофилия единым таксоном, то есть представлено ли расстройство у однородного круга лиц, либо имеет дименсиональную структуру и может представлять собой разную степень дезадаптации в рамках континуума. Применяв фаллоплетизмографический тест с демонстрацией аномальных и нормативных визуальных и слуховых стимулов, шкалу самоотчета о педофильном влечении и скрининговую шкалу педофильного интереса (SSPI-2), исследователи пришли к выводу о том, что педофильное влечение не является таксоном, то есть единым паттерном. В ходе большого многоцентрового исследования с применением фаллоплетизмографии с визуальной и слуховой стимуляцией I. McPhail и др. (2018) подтвердили, что педофильный интерес может быть представлен в виде трех типов. Среди них два относятся к лицам с педофильным расстройством и характеризуются большим возбуждением в ответ на педофильные стимулы, а третий – к лицам без педофилии. Первые два типа, по мнению авторов, соответствуют неэксклюзивному

и эксклюзивному вариантам педофилии, при этом последний вариант отличался от первого более молодым возрастом, более выраженным возбуждением в ответ на педофильные стимулы, большим количеством противоправных сексуальных контактов с детьми.

1.3. Психологические механизмы восприятия аномального объекта предпочтения

Опыт оценки внешних стимулов как сексуальных накапливается и формируется под влиянием внешней среды. Таким образом, стимулы не являются эротическими по своей природе, а приобретают такое значение с субъективной точки зрения. Долговременная память как хранилище опыта делится на эксплицитную и имплицитную в соответствии с уровнем контроля сознания: эксплицитная память характеризуется наличием доступа к сознанию, имплицитная – нет. Предполагается, что в эксплицитном отделе долговременной памяти хранятся воспоминания о сексуальных взаимодействиях, суждения и представления, связанные с сексуальностью, сексуальные фантазии, а в имплицитном – рефлексy, ощущения и усвоенные, автоматизированные сексуальные сценарии (Spiering M., Everaerd W., 2007). Имплицитная память, наряду с имплицитными обучением, восприятием и мышлением (инсайт) составляют, по J.F. Kihlstrom и др. (2000), когнитивное бессознательное, и также осуществляет влияние прошлого опыта на текущее состояние и поведение (Schacter D., Buckner R.L., 1998). Согласно гипотезе S. Dehaene и L. Naccache (2001), большинство информационных процессов протекают бессознательно, и усиление когерентной активности сети нейронов в процессе направленного внимания позволяет перевести информацию, за которую они ответственны, в сферу сознания. Направленное внимание также отличают от зрительного поиска по уровню осознания: направленное внимание активно в сфере сознания, а зрительный поиск протекает произвольно, свободно от контроля сознания. Таким образом, когнитивное бессознательное является важным элементом в рамках исследования

нарушений сексуального предпочтения (Spiering M., Everaerd W., 2007) и было в разной степени задействовано в психологических инструментальных тестах со стимуляцией.

В ходе экспериментов по анализу времени просмотра испытуемым предлагалось рассматривать эротические изображения взрослых, подростков и детей разной степени половой зрелости. Предполагалось, что люди дольше рассматривают предпочтительные для них изображения (Zamansky H.S., 1956), а позже выяснилось, что применение данного метода позволяет оценить степень сексуальной привлекательности того или иного стимула (Harris G.T., Rice M.E., Quinsey V.L., и др., 1996).

G.G. Abel и др. (1994) сообщили о том, что оценка времени просмотра позволяет успешно отличить сексуальное предпочтение мальчиков пубертатного или препубертатного возраста. А. Mokros и др. (2012) показали, что время просмотра изображений детей дольше в группе сексуальных преступников, совершивших правонарушения против детей по сравнению с временем просмотра тех же стимулов в группе контроля. Мета-анализ оценки времени просмотра для определения педофильного интереса у преступников, совершивших сексуальные правонарушения против детей и против взрослых, показал умеренный уровень дискриминации групп испытуемых (Schmidt A.F., Babchishin K.M., Lehmann R.J.B., 2017).

Метод оценки времени принятия решения у лиц с педофильным сексуальным поведением представляет собой подсчет времени решения задач на зрительное внимание при одновременной демонстрации изображений детей, взрослых и нейтральных стимулов. Он основан на предположении о том, что в фокус внимания автоматически попадает более значимый стимул, в связи с чем на решение задачи уходит больше времени, а также допускается больше ошибок (Geer J.H., Bellard H.S., 1996). А. Mokros и др. (2010) показали, что время принятия решения при демонстрации изображений детей продолжительнее в группе сексуальных преступников, совершивших правонарушения против детей, а у тех, кто совершил правонарушения против взрослых, подобная задержка появляется при

демонстрации изображений зрелых объектов. Такие результаты были подтверждены и в других исследованиях (Роеррл Т.В. и др., 2011; Dombert В. и др., 2015).

При быстрой демонстрации испытуемому визуальных стимулов, имеющих субъективное значение, наблюдается феномен мерцания внимания – для их восприятия затрачивается больше внимания. В то время, как ресурс внимания оказывается исчерпан, стимулы, следующие за ними, остаются нераспознанными, упускаются из поля внимания. Исходя из предположения о том, что испытуемые с сексуальным предпочтением детей больше внимания уделяют визуальным стимулам с изображениями детей, был предложен метод решения задачи быстрой последовательной визуальной презентации. Он заключался в том, что испытуемому предъявлялся ряд визуальных стимулов, в которых через 200-500 мс после демонстрации стимула с изображением ребенка следовал нейтральный стимул. Испытуемому было нужно отчитаться о содержании нейтральных стимулов, следующих за эротическими, при этом ошибки свидетельствовали о появлении феномена мерцания внимания (Raymond J.E., Shapiro K.L., Arnell K.M., 1992).

Применение данного метода в группах сексуальных преступников, совершивших правонарушения против детей, и совершивших несексуальные правонарушения, позволило выявить феномен мерцания внимания преимущественно в первой группе, однако внутри нее, при делении испытуемых на подгруппы совершивших правонарушения в отношении детей, с которыми они находились в близких, родственных отношениях, и совершивших правонарушения в отношении посторонних детей, разницы в выявлении данного феномена не было выявлено (Beech A.R. и др., 2008). Кроме того, в исследовании А. Zappalà и др. (2016) выявление мерцания внимания не было подтверждено. Одним из вероятных объяснений этого является то, что данный феномен скорее связан с криминальным деликтом, нежели с педофильным интересом.

Применение теста скрытых ассоциаций показало статистически значимое преобладание ассоциативной связи понятий «ребенок» и «секс» у испытуемых с

опытом сексуальных контактов с детьми (Gray N.S. и др., 2005; Brown A.S. и др., 2009; Hempel I.S. и др., 2013).

1.4. Психофизиологические аспекты восприятия объекта предпочтения при педофилии

Психофизиологические методы позволяют регистрировать физиологические реакции вегетативной нервной системы в ответ на эротическую стимуляцию. Физиологический паттерн реагирования является продуктом эмоционально-мотивационного элемента нейропсихологической функциональной системы и поэтому может быть оценен как признак наличия соответствующей характеру стимуляции активности других систем – восприятия и контроля поведения.

При тестировании на полиграфе в ходе стимуляции испытуемый реагирует на стимулы как на стрессорные факторы, в связи с этим выделяют группы стимулов – контрольные, проверочные и нейтральные. Нейтральные представляют собой вопросы или изображения, которые не вызывают значительных переживаний, контрольные, напротив, направлены на создание ситуации дискомфорта, стресса, волнения, а проверочные – непосредственно связаны с задачей обследования. При сравнении реакций на проверочные стимулы с нейтральными и контрольными принимается решение о значимости стимула. Применение данного метода ограничено, о чем говорит ряд критических замечаний (Каменсков М.Ю., Введенский Г.Е., 2014; Grubin D. и др., 2019; Каменсков М.Ю. и др., 2020), в частности, касающихся неоднозначности интерпретации результатов, а также наличие противопоказаний к использованию метода при ряде психических и соматических расстройств.

Золотым стандартом выявления сексуального возбуждения у мужчин является фаллоплетизмография. Данный психофизиологический метод заключается в выявлении реакции в виде эрекции – увеличения объема полового члена за счет повышения интенсивности и объема кровотока в ответ на стимуляцию. Ввиду имеющихся сведений о нейрофизиологических механизмах

эрекции (Жуков О.Б. и др., 2005), с учетом описанных выше нейропсихологических данных, задача стимуляции в условиях фаллоплетизмографического эксперимента состоит в том, чтобы осуществить эротическое воздействие путем визуальной или слуховой эротической стимуляции. Результаты изменения размеров полового члена, соответствующие проверочным стимулам (например, педофильного содержания), сравниваются с теми, что были получены в ответ на контрольные (нормативного эротического содержания) стимулы.

Описанные методы, с учетом их эффективности и валидности, тем не менее, обладают общим недостатком, который связан непосредственно с принципом их работы. Физиологические реакции (кожно-гальванический индекс, артериальное давление, частота дыхательных движений, частота сердечных сокращений, громкость голоса, а также степень кровенаполнения пещеристых тел полового члена) требуют сложной, длительной процедуры стимуляции для инициации значимого уровня реагирования, ввиду чего возникает риск искажающего влияния внутренних переживаний субъекта. Неоднозначность интерпретации результатов, полученных этими методами, остается их слабым местом и компенсируется лишь за счет формирования сложного дизайна исследований с большим количеством данных (Каменсков М.Ю. и др., 2018^б).

От приведенных методов отличается регистрация движений глаз (видеоокулография, eye tracking). Данный метод заключается в определении взгляда испытуемого при рассматривании им изображения, и позволяет получать сведения о положении и диаметре зрачка, морганиях как эквивалентах осознанного направленного внимания, и саккадах – быстрых движениях глаз, отражающих неосознаваемый этап восприятия. Преимущество данного метода состоит в том, что получаемые с помощью фиксации физиологических параметров сведения могут быть ассоциированы с психологическими процессами внимания (Fromberger P. и др., 2012). Количество исследований испытуемых с педофильным поведением с использованием данного метода постепенно растет, полученные результаты представляются обнадеживающими (Каменсков М.Ю. и др., 2018^а).

Таким образом, фаллоплетизмография позволяет выявлять корреляции восприятия эротических стимулов с сексуальным возбуждением, другие психофизиологические методы помогают определить наличие субъективной высокой значимости стимула, отражающейся в физиологических реакциях.

1.5. Нейрофизиологические паттерны восприятия аномального объекта предпочтения

Нейровизуализационные исследования с функциональной нагрузкой в виде эротической стимуляции позволили наблюдать нейробиологическое отражение опыта эротических переживаний. Некоторые из исследований показали наличие структурно-функциональных нейробиологических аномалий при педофилии и педофильном поведении, обуславливающих нарушения на нейропсихологическом уровне.

Так, Н. Dreßing и др. (2001) в ходе фМРТ-исследования обнаружили у педофилов активацию структур мозга, составляющих *сеть внимания*, при демонстрации изображений мальчиков.

L.J. Cohen и др. (2002) провели комплексное исследование, включающее нейропсихологические тестовые методики, исследование сексуального анамнеза, фаллоплетизмографию и ПЭТ-исследование. В ПЭТ-исследовании было обнаружено снижение регионарного мозгового кровообращения в правой нижней височной коре и верхней лобной извилине в группе педофилов относительно группы контроля при восприятии эротических стимулов, что, по мнению авторов, демонстрировало нарушение метаболизма в височных и лобных кортикальных слоях, ответственных за регуляцию полового возбуждения. Согласно предложенной ими *интегративной психобиологической модели педофилии*, сексуальное насилие в раннем детстве может приводить к аномалиям развития нервной системы в височных областях головного мозга, ответственных за сексуальное возбуждение и формирование дифференцированного сексуального влечения, а также в лобных областях головного мозга, ответственных за

когнитивные аспекты полового влечения и поведенческого торможения. По мнению авторов, по мере взросления формируется ось аномального сексуального возбуждения, которая под влиянием личностных аномалий не испытывает критического подавления, что в конечном счете выражается в поведенческой реализации педофильного влечения.

В. Schiffer и др. (2008), Т.В. Poppel и др. (2011) и J. Ponseti и др. (2012) провели фМРТ исследования визуального восприятия изображений обнаженных детей и взрослых и пришли к выводам о том, что паттерн активации, наблюдаемый у педофилов в отношении стимулов с эротическим изображением детей сопоставим с паттерном активации у здоровых мужчин в отношении стимулов с эротическим изображением взрослых. Однако были обнаружены и различия. У педофилов было выявлено значительное снижение уровня активации в правой островковой доле при предъявлении изображений взрослых, по сравнению с реакцией на такую же стимуляцию в контрольной группе (Poppel Т.В. и др., 2011). Также реакции на визуальную эротическую стимуляцию, соответственно сексуальному предпочтению по возрасту, были обнаружены в орбитофронтальной коре у здоровых гетеросексуальных мужчин, но не у педофилов, у которых наблюдалась аномальная активность в дорсолатеральной префронтальной коре (Schiffer В. и др., 2008). В. Schiffer и др. (2008) предположили, что особенности восприятия визуальных сексуальных стимулов у гетеросексуальных педофилов могут быть вызваны нарушением функционирования префронтальных сетей, которые могут быть связаны с сексуальным *компульсивным поведением* в отношении девиантного объекта. Более того, выявленная у педофилов сниженная реактивная орбитофронтальная активация может представлять собой дисфункцию нейронной сети, обеспечивающей *когнитивный компонент* сексуального возбуждения.

М. Walter и др. (2007) провели МРТ-исследование пассивного визуального восприятия эротических, неэротических эмоциональных и эмоционально-нейтральных изображений (Lang Р.Ј. и др., 1997) в двух группах испытуемых, подобранных по возрасту, интеллектуальным и образовательным характеристикам.

Полученные результаты позволили предположить, что отсутствие сексуального интереса к зрелым лицам при педофилии может быть объяснено нарушением активации в областях мозга, связанных с сексуальным возбуждением. Более того, обратная корреляция измененной активности дорсолатеральной префронтальной коры с результатами психометрического анкетирования также подсказали вероятность нарушения *когнитивной оценки* нормативных визуальных эротических стимулов при педофилии.

В. Schiffer и др. (2008) провели МРТ-исследование визуального восприятия стимулов эротического содержания – с изображением обнаженных мальчиков или мужчин, и нейтрального содержания – с изображением одетых мужчин и мальчиков. По мнению авторов, у педофилов, по сравнению с гомосексуальными контрольными испытуемыми, паттерны активации во время визуальной сексуальной стимуляции в большей степени относятся к подкорковым областям, которые участвуют в оценке сигналов вознаграждения, а также играют важную роль в аддиктивном и контролируемом стимулом поведении.

А. Sartorius и др. (2008) сообщили об особенностях *эмоциональной* оценки. Они провели исследование изменения активации миндалевидного тела при визуальной стимуляции эротическими стимулами, релевантными сексуальному предпочтению испытуемых. Полученные результаты позволили выдвинуть суждение о том, что в норме существует механизм сниженного эмоционального возбуждения в ответ на визуальный образ незнакомых детей, относительно эмоциональной реакции на взрослых, который при педофилии будто перевернут в обратную сторону, что подтверждает наличие нейробиологического основания, ассоциированного с аномальным сексуальным предпочтением. В качестве теоретического обоснования полученных результатов авторы вынесли гипотезу о том, что повышенная активация миндалевидного тела у педофилов при релевантной стимуляции может свидетельствовать о реакции напряжения и страха или об эмоциональной значимости этих стимулов в контексте педофильного влечения, либо о сочетании этих явлений. Первый вариант авторы объяснили тем, что миндалевидное тело – структура, ответственная за эмоциональное

реагирование, а так как испытуемые первой группы были осуждены за сексуальные преступления, их реакция, возможно, отражала критическое отношение к своему аномальному сексуальному поведению в условиях привлечения их к ответственности. Второй вариант также может быть вероятным, так как известно, что когнитивная обработка стимулов снижает активацию миндалевидного тела. Кроме того, в ходе исследования авторы прибегли к предварительному тестированию субъективной оценки стимулов, согласно которой изображения мальчиков были оценены педофилами как наиболее сексуально и эмоционально значимые.

В. Habermeуer и др. (2013) провели фМРТ-исследование с фиксацией реакций на визуальную стимуляцию. Испытуемым предъявлялись эротические изображения детей препубертатного возраста и взрослых. Полученные результаты в целом подтверждали участие в обработке визуальных эротических сигналов ряда мозговых структур: была выявлена активация области дорсомедиальной префронтальной коры в ответ на предъявление эротических изображений детей независимо от пола, что было объяснено как эффект *привлечения внимания*, не имеющий отношения к сексуальным переживаниям, возникающий как адаптивный процесс в условиях поставленной задачи. Также была обнаружена специфическая активация правой латеральной орбитофронтальной области в группе гетеросексуальных педофилов в ответ на стимуляцию эротическими изображениями девочек. Для интерпретации обнаруженного явления авторы привлекли литературные данные, касающиеся функций этой области, и остановились на том, что оно может отражать опыт, связанный как с наказанием, так и с вознаграждением.

V. Fonteille и др. (2019) провели ПЭТ-исследование восприятия визуальных эротических стимулов с изображениями детей как правонарушителями, так и не совершавшими преступлений. Результаты показали, что правая нижняя височная извилина, возможно, является звеном центральной нервной системы в контуре, обеспечивающем сексуальное возбуждение у пациентов с педофильным

расстройством, и дали основания предполагать, что две ее области играют противоположные, активизирующую и тормозящую, роли.

I. Ristow и др. (2019) провели два МРТ-исследования: в первом оценивалась активность мозга во время ожидания предъявления эротических стимулов со взрослыми объектами, которые заведомо не были предпочтительны для первой группы (испытуемые с педофилией). Во втором исследовании дополнительно были представлены стимулы с эротическими изображениями детей, которые, напротив, были предпочтительны для первой группы. Авторы посчитали, что полученные ими результаты подтверждают гипотезу о снижении активации мозга к сигналам в ответ на нерелевантные стимулы при педофилии и специфичности реакции мозга во время ожидания предпочтительных эротических стимулов. Локализация различий реактивности в нейронной структуре, относящейся к сети оценки значимости (salience network), предполагает, что педофильные сексуальные преступники показывают аномально повышенную подготовительную активацию даже до реальной демонстрации релевантных сексуальных стимулов.

Таким образом, было подтверждено наличие специфической активации системы связей между нейронами при педофилии, выявлена её функциональная направленность на регуляцию поведения, а также получены основания для дальнейшего изучения промежуточных элементов этой системы, обеспечивающих трансформацию сигнала ощущения в сознательные репрезентации. Серьезным препятствием для исследования последнего является разрешающая способность метода функциональной МРТ, который позволяет оценивать реактивность по изменению интенсивности кровотока в структурах мозга, в результате чего между протеканием психических реакций, реакций мозга и повышением интенсивности и объема кровотока, обзриваемой на мониторе функциональной МРТ, наблюдается временная задержка, которая может исказить получаемые результаты. Для успешного адекватного анализа психических реакций и их нейробиологических эквивалентов в ходе эксперимента должны быть получены максимально быстрые и непосредственные реакции, отражающие мозговую активность, не зависящие от работы других систем организма.

Помимо поиска особенностей в активации структур головного мозга проводились исследования динамики активности головного мозга путем применения электроэнцефалографических методов.

В одном из первых исследований был проведен количественный анализ ЭЭГ, то есть были рассчитаны мощность активности головного мозга в общепринятых частотных диапазонах (α , β , γ , δ , θ) и когерентность активаций между областями мозга. Оказалось, что повышение мощности δ -, θ - и α - активности в доминантном полушарии, а также повышение внутриполушарной и снижение межполушарной активности было характерно исключительно для группы испытуемых, у которых была диагностирована педофилия (Flor-Henry P. и др., 1991). Было показано, что группа лиц, совершивших сексуальные преступления против детей, неоднородна не только по поведенческим, клиническим аспектам, но и по особенностям нейрофизиологического обеспечения когнитивных процессов. С другой стороны, полученные данные нельзя сопоставить с результатами других перечисленных исследований, так как эксперимент не включал в себя эротическую стимуляцию. Тем не менее, косвенно было подтверждено нарушение нейронных связей при педофилии.

По мнению M. Spiering и W. Everaerd (2007), оценка эротических стимулов проходит значительным образом до включения процессов привлечения внимания, на неосознаваемом уровне. Также эротические стимулы вызывают сексуальное возбуждение до сознательной их оценки и независимо от неё, а субъективный опыт сексуальных переживаний представляет собой неосознанно усвоенную информацию, преобразованную, преувеличенную вниманием. Психологические методы, описанные выше, потенциально были способны выявить признаки упомянутых неосознаваемых процессов, однако их серьезным ограничением было то, что испытуемый не должен знать, какие конкретно параметры регистрирует и оценивает метод, иначе возникала возможность намеренного искажения результатов. Применение электроэнцефалографических методик, особенно с анализом вызванных потенциалов, позволило получать произвольные реакции

испытуемых, а значит – объективно анализировать бессознательные этапы оценки эротических стимулов.

А.Р. Anokhin и др. (2006) исследовали нейрофизиологические реакции в виде потенциалов, связанных с событиями, в ответ на изображения нейтрального, эмоционального и эротического содержания. По мнению авторов, результаты свидетельствовали о существовании специализированной нейронной сети для приоритетной обработки отдельной категории биологически значимых стимулов с высокой адаптивной и эволюционной значимостью.

Однако первые попытки применения данного метода были предприняты раньше, например, R.C. Howard и др. (1994) опубликовали отчет о двух исследованиях с использованием регистрации CNV (contingent negative variation) – одного из первых открытых когнитивных вызванных потенциалов, отражающего, по-видимому, комплекс функций психики, обеспечивающих напряженное ожидание, готовность к выполнению задания, и её реализацию. Результаты данного исследования показали, что либо эротические визуальные стимулы у сексуальных преступников с педофилией не воспринимаются и не обрабатываются вовсе, либо воспринимаются и обрабатываются путем, отличным от обычного.

V. Knott и др. (2016) использовали другие компоненты вызванной активности и подтвердили дифференцированное реагирование на эротические изображения, а также выявили специфические особенности реагирования в группе педофилов. Они обнаружили замедление реакции привлечения внимания эротическими стимулами, что свидетельствовало об относительном снижении ранней обработки эротических визуальных сигналов при педофилии, что может быть связано с относительно сниженным сексуальным интересом к взрослым. В данном исследовании было в полной мере использовано преимущество электроэнцефалографического метода анализа вызванной активности мозга.

T. Rosburg и др. (2018) провели ЭЭГ-исследование с когнитивной нагрузкой в парадигме go/nogo, которая предполагает нажатие клавиши в ответ на демонстрацию стимулов одного содержания, и воздержание от нажатия в случае демонстрации стимулов другого содержания. Результаты показали, что

торможение реакции, обработка стоп-сигналов и обнаружение ошибок не обязательно нарушены у сексуальных преступников. Однако амплитуды компонента, связанного с положительным ответом и отражающим оценку и понимание ошибок, были сильно уменьшены у сексуальных преступников, еще больше – у сексуальных преступников, совершивших контактные правонарушения. По мнению авторов, педофильные сексуальные преступники могут выделять меньше когнитивных ресурсов для оценки допущенных ошибок, что может отражать снижение чувства ответственности.

При исследовании вызванных потенциалов исследуется изменение амплитуды ЭЭГ-сигнала, а также его временные параметры, однако E. Vaşar и др. (2013) считают, что функциональное значение также имеет частота вызванной электрической активности мозга. Путем цифровой фильтрации в ней можно выделить реакции в частотных диапазонах α , β , γ , δ , θ , получаемые параметры называют осцилляциями, связанными с событиями, или вызванными ритмами.

M. Krylova и др. (2020) провели исследование с применением магнитной энцефалографии и анализом вызванных потенциалов, в частности – визуальной негативности рассогласования (visual mismatch negativity). Выяснилось, что реакции педофилов на детские изображения возникают позже, чем в группе контроля, также в группе испытуемых с педофилией в ответ на стимулы с изображением детей был обнаружен рост активации нейронной активности в лобных и височных областях.

L. Speer и др. (2021) изучали вызванные потенциалы ЭЭГ в ответ на изображения лиц детей и взрослых, выражающие различные эмоции, в группе несовершеннолетних (средний возраст 16 лет), испытывающих влечение к детям и совершивших сексуальные преступления в отношении препубертатных детей, и в контрольной группе – несовершеннолетних без криминального анамнеза, с сексуальным предпочтением соответственно возрасту. В результате были выявлены ранние высокоамплитудные реакции в области затылка в обеих группах, однако на поздних этапах (340–426 мс) демонстрации стимулов группа несовершеннолетних с педофильным влечением показала более выраженную

реакцию в ответ на детские лица в зрительных, теменных и лобных областях, в отличие от контрольной группы.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Характеристика материала и формирование групп исследования

В исследовании принял участие 131 мужчина, совершивший сексуальные действия с детьми и проходивший стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в период 2017-2020 гг. в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ. Личные наблюдения составили 94 случаев, 37 было изучено по архивным материалам.

Критериями включения в исследование являлись наличие аномального сексуального поведения в виде сексуальных контактов с детьми, препубертатного и раннего пубертатного возраста; мужской пол; отсутствие выраженной органической патологии (F00-F03), острой психотической симптоматики, обуславливающих невозможность проведения исследовательских мероприятий. Возраст испытуемых составил от 19 до 72 лет (средний возраст – 39,4, медиана – 39 лет, мода – 41 год). Все лица, участвовавшие в исследовании, являлись обвиняемыми или подозреваемыми по уголовным делам о сексуальных притязаниях в отношении детей.

Выборка была разделена на 2 группы соответственно наличию клинически установленного сексуального влечения в отношении педофильного объекта, согласно критериям МКБ-10. У 90 испытуемых (68,7%) было клинически установлено наличие сексуального влечения в отношении педофильного объекта, из них у 63 (48,1%) – в форме педофилии (F65.4), у 27 (20,6%) – в форме множественных расстройств сексуального предпочтения с педофильным компонентом (F65.6). У 41 испытуемых (31,3%) расстройств сексуального предпочтения выявлено не было (см. рисунок 1).

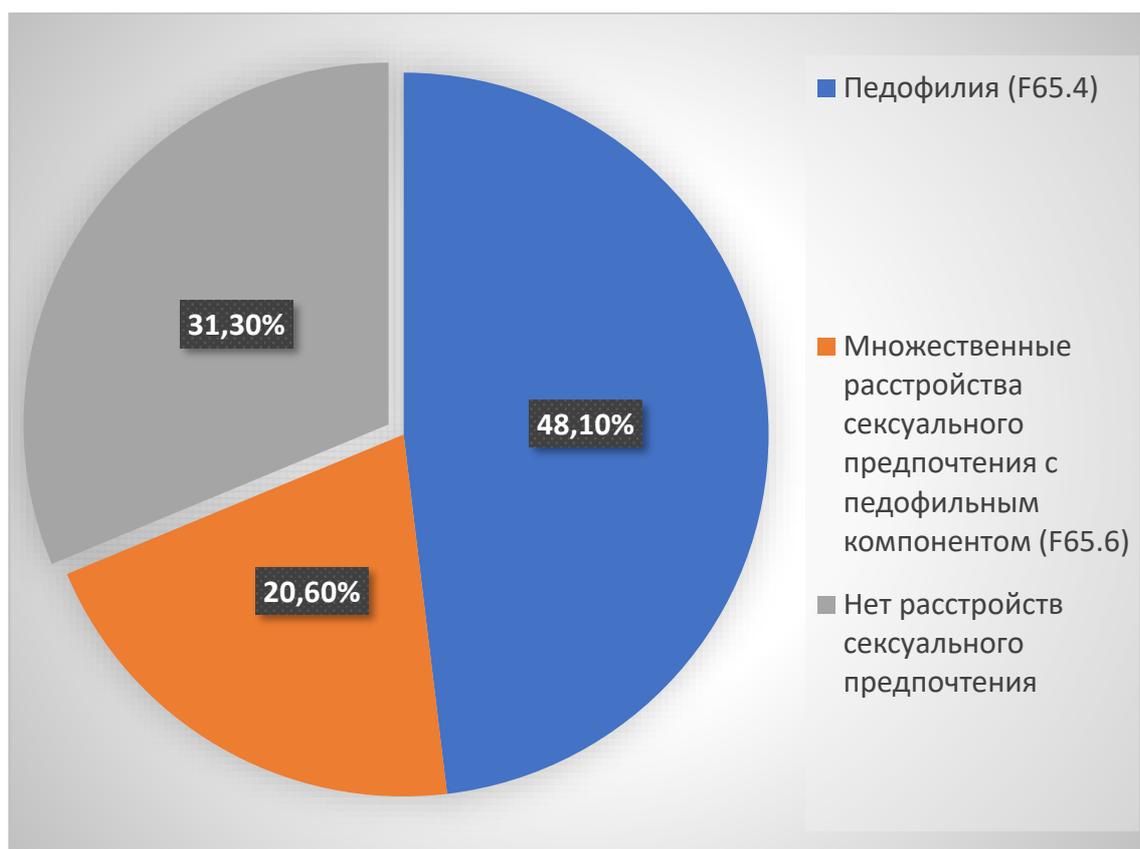

Рисунок 1. Распределение состава выборки по исследуемым группам

Для описания характеристики исследуемых групп, оценки статистических различий между ними были применены однофакторный дисперсионный анализ для оценки количественных показателей и критерий χ^2 Пирсона с точным критерием Фишера для оценки качественных.

Группы статистически значимо не отличались по возрасту ($p=0,425$, $F=1,043$, $df=43$, см. рисунок 2), уровню образования ($p=0,646$, $\chi^2=1,162$, $df=2$, см. рисунок 3) и характеру трудовой занятости ($p=0,653$, $\chi^2=0,939$, $df=2$, см. рисунок 4).

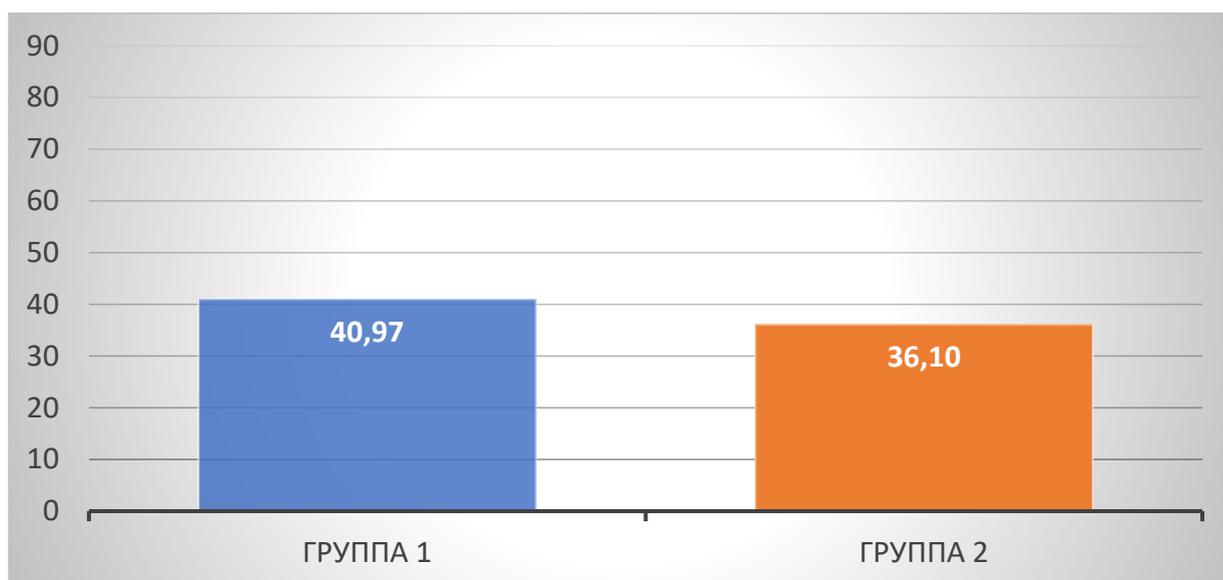

Рисунок 2. Сравнение исследуемых групп по возрасту

Примечание: ось ординат – возраст в годах

Средний возраст в группе без расстройств сексуального предпочтения (группа 2) – 36,1 год, в группе с педофильным влечением (группа 1) – 40,97 лет. Также медианный возраст во второй группе был меньше – 36 лет против 41 года. В то же время, по моде группы различались обратным образом, во второй группе преобладали 41-летние испытуемые, а в первой – 34-летние (рисунок 2).

В обеих группах наибольшая часть испытуемых получила полное среднее или среднее специальное образование (75,6% и 68,3%), менее трети от каждой группы получили высшее образование (21,1% и 29,3%), также в каждой группе были испытуемые с неоконченным средним образованием (3,3% и 2,4%) (рисунок 3).

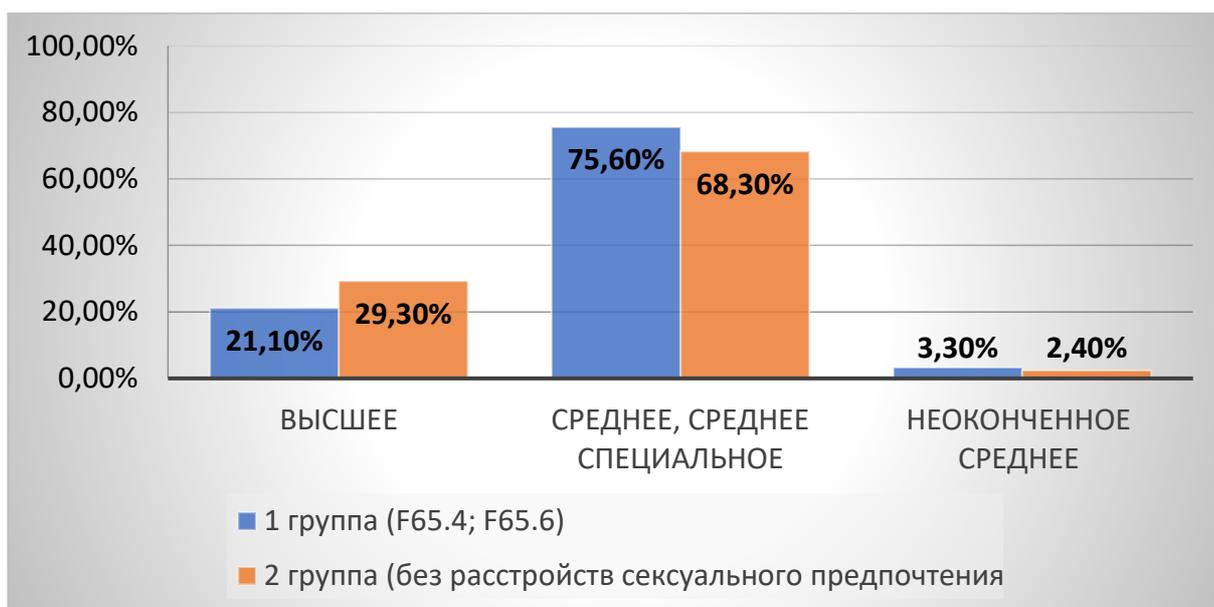

Рисунок 3. Сравнение исследуемых групп по уровню образования

Наименьшая часть испытуемых обеих групп вовсе не имели трудовой занятости и были обеспечены за счет государственной социальной поддержки и помощи близких (5,6% и 2,4%). В остальном группы разделились почти наполовину, при этом одна половина была занята трудом, который не соответствовал полученному образованию (43,3% и 51,2%), а другая – работала в соответствии с полученными профессиональными навыками (51,1% и 46,3%) (рисунок 4).

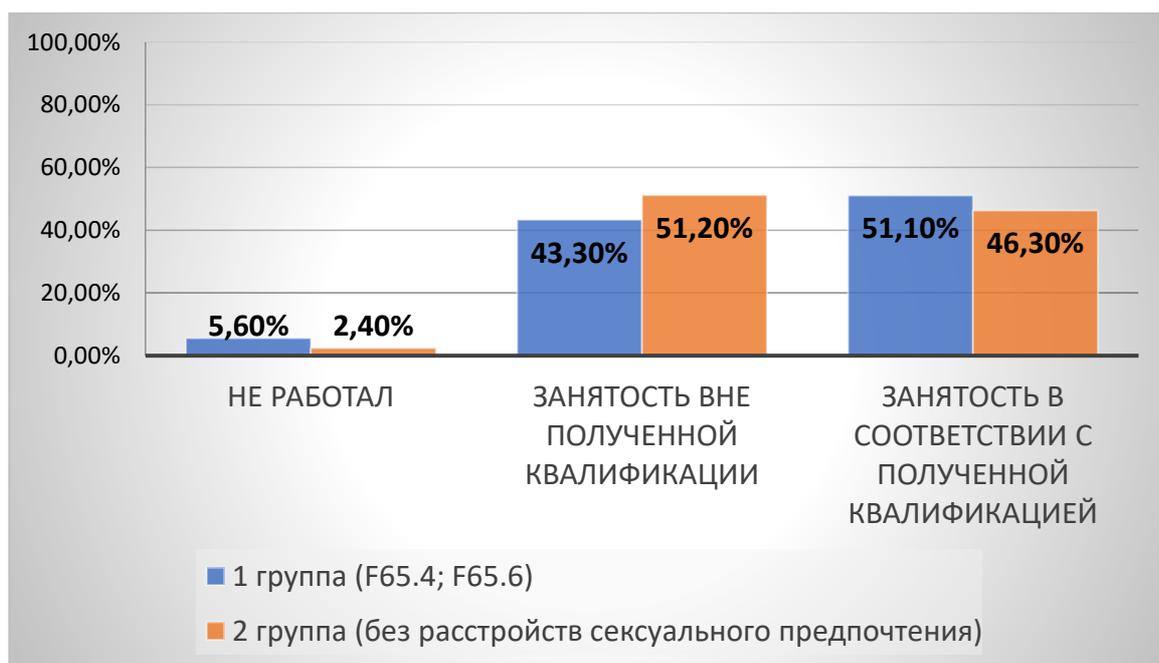

Рисунок 4. Сравнение исследуемых групп по типу трудовой занятости

Выявлены статистические различия между исследуемыми группами по коморбидному нозологическому составу ($p=0,036$, $\chi^2=14,307$, $df=8$, см. рисунок 5).

Рисунок 5. Состав выборки с учетом наличия коморбидных психических расстройств

В первой группе нозологический состав коморбидных психических расстройств представлял собой следующее соотношение: 46 не страдали психическими расстройствами, коморбидными расстройствам сексуального предпочтения (51,1%); у 17 были выявлены специфические расстройства личности, в том числе смешанные (18,9%); у 4 испытуемых было обнаружено органическое эмоционально-лабильное расстройство (4,4%); у 12 – органическое расстройство личности (13,3%); 2 испытуемых страдали параноидной шизофренией (2,2%), 1 – шизотипическим (1,1%) и 1 – бредовым расстройством (1,1%); 6 испытуемых страдали синдромом зависимости от алкоголя (6,7%). Один испытуемый (1,1%) страдал умственной отсталостью легкой степени.

Во второй группе нозологический состав коморбидных психических расстройств представлял собой следующее соотношение: 26 не страдали психическими расстройствами (63,4%); у 2 были выявлены расстройства личности (4,8%); у 7 испытуемых было обнаружено органическое эмоционально-лабильное расстройство (17,1%); 3 испытуемых страдали органическим расстройством личности (7,3%); 2 – бредовым расстройством (4,9%); 1 испытуемый страдал синдромом зависимости от алкоголя (2,4%).

При попарном сравнении групп по каждой нозологии различия конкретизированы: в группе испытуемых с педофильным влечением преобладают расстройства личности (18,9% против 4,8%, $p=0,036$, $\chi^2=4,459$, $df=1$), тогда как в группе сравнения – органическое эмоционально лабильное (астеническое) расстройство (17,1% против 4,4%, $p=0,035$, $\chi^2=5,84$, $df=1$). Несмотря на данные различия, в обеих группах преобладает погранично-личностный уровень расстройств, наличие у некоторых испытуемых расстройств шизофренического спектра не оказало влияние на формирование групп.

Исследование состояло из двух этапов:

На первом этапе выявлялись клинические симптомокомплексы, определяющие общий паттерн восприятия аномального объекта предпочтения, в соответствии с которыми проведена классификация группы испытуемых с педофильным влечением и сформированы подгруппы, с применением клинических и статистических методов.

На втором этапе проводилось сравнение подгрупп между собой и с группой без расстройств сексуального предпочтения с применением методов клинического, психологического и нейрофизиологического обследования, а также методов статистики.

2.2. Методы исследования

Для оценки сексуального онтогенеза и актуального психосексуального состояния, выявления клинических феноменов искажений объектного выбора,

активности и субъектного искажения применялись клинический психопатологический и клинический сексологический методы (Ткаченко А.А., 1999).

По результатам исследований и изучения медицинской документации заполнялась специально разработанная оригинальная карта исследования, включающая 193 качественных переменных, распределенных по следующим блокам:

Параметры восприятия объекта:

- тактильные ощущения, связанные с объектом;
- визуальная оценка зрелости объекта;
- психологические характеристики объекта;
- оценка ролевых взаимоотношений с объектом;
- отношение к сексуальным контактам с детьми;
- родство или знакомство с объектом.

Параметры, характеризующие активность, связанную с объектом:

- способ вовлечения объекта в сексуальное взаимодействие;
- характер аномального сексуального поведения с объектом;
- характер аномальной сексуальной идеаторной активности, связанной с объектом;
- стереотипизация аномального сексуального поведения в отношении объекта.
- характер несексуального взаимодействия с объектом;
- степень адаптации в нормативных сексуальных отношениях.

Полученные данные позволили сформировать представление о клинических вариантах восприятия объекта при педофилии, вслед за этим была проведена дополнительная классификация группы испытуемых с педофилией путем применения экспертной оценки соответствия тому или иному паттерну аномального восприятия.

Психологическое исследование проводилось совместно со старшим научным сотрудником, психологом отдела судебно-психиатрической экспертизы в

уголовном процессе к.психол.н. Л.Ю. Демидовой. Для выявления психологических признаков, характеризующих субъективный образ объекта сексуального влечения, использовался психологический метод Цветовой Тест Отношений (ЦТО), отражающий эмоциональное отношение к различным полоролевым образам и смысловые связи между ними (Эткинд А.М., 1980). Тестирование методом ЦТО прошли 85 подэкспертных. Испытуемому предлагается 77 понятий, среди которых: нейтральные стимулы, стимулы – потенциальные объекты сексуального влечения и стимулы сексуального содержания, к которым он должен подобрать подходящие, на его взгляд, цвета из восьмицветового теста Люшера. Ассоциации между стимулами устанавливаются на основе совпадений цвета, выбранном для каждого из понятий. Анализировались все полученные попарные связи.

Для выявления нейрофизиологических реакций, ассоциированных с восприятием эротических визуальных стимулов, использовалась электроэнцефалографическая система ЭЭГА-21/26 «Энцефалан-131-03» с комплексом визуальной стимуляции. Нейрофизиологическое исследование было проведено в сотрудничестве с Лабораторией клинической нейрофизиологии под руководством д.б.н. А.В. Киренской. Нейрофизиологическое исследование прошли 58 испытуемых.

Визуальные стимулы представляли собой цветные слайды нейтрального (изображения природы) и эротического содержания, которые, в свою очередь включали нормативные (гетеросексуальные) и педофильные (гетеро- и гомосексуальные) стимулы. Общее количество стимулов составляло 330, из них 70% были нейтральными, 10% – гетеросексуального нормативного, 10% – гетеросексуального педофильного и 10% – гомосексуального педофильного содержания.

Стимулы предъявляли на экране монитора в случайном порядке. Применялась методика подпороговой визуальной стимуляции, применяемой при психофизиологических исследованиях расстройств сексуальных предпочтений (Ткаченко А.А. и др., 2008). Слайды предъявлялись на экране монитора в течение 20 мс с наложением маскирующего изображения в виде хаотически

расположенных цветowych пятен длительностью 40 мс в псевдослучайном порядке. Межстимульный интервал варьировал от 2250 мс до 2750 мс в соответствии с таблицей случайных чисел. Кратковременность экспозиции визуальных эротических стимулов и их зашумленность были направлены на ослабление влияния сознательных реакций, которые способны оказывать влияние на выявляемые нейрофизиологические корреляты.

Регистрацию зрительных вызванных потенциалов (ВП) проводили в затемненном помещении, испытуемые сидели в кресле напротив монитора. Все испытуемые были праворукими мужчинами со 100% или скорректированным до 100% зрением. Исследование проводили после получения информированного согласия, при отсутствии фармакотерапии.

ЭЭГ регистрировали на электроэнцефалографе от 15 отведений (Fz, F3, F4, Cz, C3, C4, Pz, P3, P4, O1, O2, T3, T4, T5, T6), установленных по системе 10-20, импеданс составлял не более 10 кОм. Референтные электроды располагали на мочках ушей, билатерально. Фильтры низких частот – 70 Гц, высоких – 0,16 Гц, также использовали режекторный фильтр 50 Гц. Частота квантования составляла 250 Гц. Отстройку ЭЭГ от окулографических артефактов проводили с помощью метода независимых компонент (ICA, алгоритм *runica*) с использованием программы EEGLab. Для дальнейшего анализа полученные записи ЭЭГ экспортировали в нейрофизиологическую систему *Scan 4.5* (Compumedics Neuroscan, Австралия), где проводили цифровую фильтрацию частот ниже 1 Гц и удаление артефактов.

Вызванные потенциалы получали с помощью специализированного программного блока системы *Scan 4.5* усреднением от 3 типов визуальных стимулов: нейтрального стимула, нормативного эротического стимула и педофильного эротического стимула гетеро- и гомосексуального содержания. После выделения свободных от артефактов реализаций, проводили усреднение, триггером для которого служил момент включения стимулов. Запись сегментировалась на эпохи анализа в 1500 мс (400 мс до целевого стимула и 1100

мс после). Всего в усреднение от целевого стимула включали от 20 до 50 реализаций.

Вызванные потенциалы анализировали в интервале 500 мс после стимула. Предварительный просмотр вызванных потенциалов позволил обнаружить разную конфигурацию устойчивых компонентов в пре- и постцентральных областях коры. В прецентральных областях (F3, Fz, F4, C3, Cz, C4, T3, T4) было идентифицировано 4 компонента – N120, P180, N240 и P320, а в постцентральных областях (P3, P4, Pz, T5, T6, O1 и O2) – 3 компонента: P80, N140 и P220.

Амплитуду постцентральных N140 и P220, и прецентральных N120 и P320 компонентов вызванных потенциалов измеряли относительно базовой линии, в качестве которой использовали среднее значение потенциалов в предстимульном интервале (400 мс); эти компоненты можно рассматривать как наиболее стабильные. Амплитуду постцентрального P80 и прецентральных P180 и N240 компонентов измеряли относительно предшествующего пика противоположной полярности, так как их положение относительно базовой линии значительно колебалось. Исходя из этого, и в соответствии с данными литературы (Ziogas et al., 2021) анализировали 4 компонента, амплитуду которых определяли от базовой линии. При этом компоненты N120 и N140 рассматривали как раннюю негативность (early negativity), а компоненты P220 и P320 – как позднюю позитивность (late positivity).

При отсутствии пика вызванных потенциалов в установленном интервале для всех типов стимулов во всех корковых областях испытуемый исключался из анализа этого компонента.

У нескольких испытуемых отсутствовали пики в отдельных отведениях некоторых компонентов вызванных потенциалов при восприятии одного из типов стимулов. В этом случае проводилась процедура восстановления отсутствующих данных с помощью метода множественной линейной регрессии ($R^2 \geq 0,7$) отдельно по каждой группе испытуемых.

Вызванные ритмы получали с помощью специализированного программного блока (Event-Related Bandpower) системы *Scan 4.5*. Анализировали мощность

вызванных дельта-, тета-, альфа-, бета-, гамма-ритмов в мкВ². Для получения показателей мощности эпохи анализа подвергали цифровой фильтрации на частотах 1 – 3 Гц (дельта-ритм), 3 – 7 Гц (тета-ритм), 8 – 12 Гц (альфа-ритм), 15 – 25 Гц (бета-ритм), 35 – 45 Гц (гамма-ритм). Определяли изменения мощности частотных полос по отношению к предстимульному периоду, для чего из значений мощности постстимульного периода вычитали среднее значение мощности предстимульного периода. По данным литературы (Başar E. и др., 1997; Ramos-Loyo J. и др., 2009; Başar E., Guntekin B., 2013), такой подход наиболее информативен для оценки когнитивных и эмоциональных реакций.

Этический аспект работы. Всеми лицами, обследованными лично, было подписано добровольное информированное согласие на участие в исследовании, одобренное этическим комитетом ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ (протокол № 32/2 от 21 декабря 2020 г.).

Статистическая обработка клинической и психологической частей проводилась с применением программного обеспечения IBM SPSS Statistics v. 23.0.0.0. Для визуализации данных применялся пакет программ Microsoft Office Professional Plus 2016.

Статистический анализ данных клинической части исследования проводился с применением критерия χ^2 Пирсона с точным тестом Фишера в виду качественного характера параметров. Для выявления наиболее типичных представителей подгрупп с различными клиническими вариантами восприятия аномального объекта предпочтения проведен статистический анализ с применением кластеризации по методам Уорда, дальнего соседа и средней связи (внутри групп) (мера близости – квадрат евклидова расстояния). Результаты кластеризации были сопоставлены с классификацией испытуемых, проведенной с помощью экспертной клинической оценки соответствия тому или иному паттерну аномального восприятия объекта. Испытуемых, попавших в один и тот же кластер при всех использованных методах, и в то же время отнесенных к одной клинической подгруппе, считали наиболее типичными её представителями.

Для оценки различий по результатам психологического тестирования с применением метода ЦТО между исследуемыми группами и подгруппами использовался критерий χ^2 Пирсона с точным тестом Фишера.

Статистическая обработка электрофизиологических показателей проводилась с помощью пакетов программ SPSS 11.5 и STATISTICA 10.0.

Применялся дисперсионный анализ ANOVA GLM (Repeated Measures), переменную «возраст испытуемого» вводили как ковариату. При определении достоверности влияния основных факторов и их взаимодействия применялась поправка Гринхауза-Гейсера, учитывающая сферичность данных. ANOVA проводили по факторам «Группа» (n=2 и n=3), «Стимул» (n=3 и n=2), «Область» (n=2), «Латеральность» (n=3) и «Полушарие» (n=2). В качестве апостериорного анализа применяли критерий Фишера (Fisher LSD).

ANOVA проводили в следующих вариантах. Для постцентральных отведений в анализ включали 6 электродов (кроме Pz) по факторам «Группа», «Область» (n=3: теменная – P3 и P4, затылочная – O1 и O2, задневисочная – T5 и T6) и «Полушарие» (n=2). Для прецентральных отведений в анализ включали либо электроды Fz, F3, F4, Cz, C3, C4 и факторы «Область» (n=2: лобная – Fz, F3, F4; центральная – Cz, C3, C4) и «Латеральность» (n=3), либо электроды F3, F4, C3, C4, T3 и T4 и факторы «Область» (n=3: лобная, центральная, височная) и «Полушарие» (n=2).

Для оценки возможности классификации испытуемых разных групп применяли классический дискриминантный анализ с пошаговым включением предикторов для выбора наиболее информативных показателей.

ГЛАВА 3. КЛИНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТА АНОМАЛЬНОГО СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ

3.1. Клинические особенности восприятия объекта

По результатам клинического исследования испытуемых с педофильным влечением (1 группа, n=90) было сформировано представление о трех клинических вариантах восприятия объекта при педофилии – выделены идентифицирующийся, аутоэротический и манипулятивный типы. Путем применения экспертной оценки был определен состав подгрупп испытуемых с педофилией с соответствующим определенному клиническому типу специфическим паттерном восприятия объекта и набором сопутствующих признаков.

Тип 1. Идентифицирующийся

Восприятие аномального объекта осуществляется через идентификацию с ним. Данный тип восприятия объекта был обнаружен у 12 испытуемых первой группы (13,3%).

Субъективные параметры восприятия. В восприятии *внешних характеристик объекта* важную роль играют признаки, отражающие его незрелость – инфантильное телосложение, отсутствие оволосения, развитых вторичных половых признаков, низкий рост, также фиксируются индивидуальные признаки объектов – цвет глаз, цвет волос, голосовые характеристики и даже запах.

Отличительной особенностью восприятия *личностных черт объекта* является идеализация образа ребенка, который наделяется способностью понять и принять, а в качестве особо значимых характеристик – душевной чистотой, невинностью, открытостью, любопытством и легкомысленностью, при этом отрицается способность ребенка на обман, подлость, предательство.

Субъективное мнение о *сексуальной компетентности конкретного объекта* подчинены представлениям о ранней сексуальной зрелости, о готовности к половым контактам с детского возраста, о способности дать осознанное согласие

на участие в сексуальном взаимодействии, однако тема сексуальных контактов не выходит на первый план, а равноправно сосуществует с представлениями о совместном несексуальном времяпрепровождении. В плане общего представления высказываются суждения о нормативности педофильных сексуальных контактов, уверенность в ошибочности оценки их социумом и необходимости смены моральных и юридических норм на лояльные к педофильному поведению.

Объективные параметры восприятия. Объект влечения испытуемых данного типа представлен ребенком *препубертатного периода развития*, обычно не из ближнего окружения, но связь с ними обязательно имеется в виде общих интересов – посещение или занятость в игровых клубах, кружках. Также возможен поиск объектов в сети Интернет на форумах и в группах по интересам, не связанным с сексуальной тематикой – для субъекта характерен выбор инфантильных интересов и увлечений.

Несексуальное взаимодействие характеризуется коммуникативным контактом, направленным на общение в целом. Общение с конкретным объектом длится достаточно долгое время, формируются доверительные отношения, которые напоминают дружеские, приятельские, основанные на общих интересах, а не на отношениях по типу обмена, сделки, и тем более не сопровождаются обманом, угрозами или применением прямого физического насилия. Объектов обычно бывает несколько, характерна их смена, но взаимодействие с ними редко ограничивается единичным контактом, и даже если так происходит, то намерение продолжить общение, повторить контакт сохраняется.

Субъективная трактовка отношений как доверительных и дружеских становится почвой для перехода к *сексуальным действиям с объектом*, при том, что самой их реализации не придается большого значения, они происходят как бы сами собой, помимо прочих занятий, имеют сходство с игровым взаимодействием – эротические манипуляции разнообразны, совершаются с использованием посторонних предметов. Сексуализированные контакты представлены тактильными взаимодействиями, взаимной или совместной мастурбацией. Пенетративные контакты также не исключены, но менее характерны. Оргазм и

эякуляция теряют свой результирующий смысл. Отдельное значение приобретает самостоятельное изготовление, коллекционирование эротической и порнографической продукции с изображением аномальных объектов. Насильственный компонент в составе идеаторной или поведенческой сексуальной активности не характерен.

Что касается *опыта нормативных сексуальных отношений*, для данного типа он преимущественно не характерен ввиду очень высокой субъективной оценки образа аномального объекта, являющегося внутренним стимулом, направляющим не только сексуальное поведение, но и жизненный сценарий в целом. Субъект характеризуется не только отсутствием нормативного сексуального опыта, но и нежеланием иметь таковой, потому нормативные сексуальные контакты редки, единичные попытки могут иметь место по инициативе зрелых партнеров, но всегда оказываются неудачными из-за отсутствия сексуального возбуждения, стремления всеми силами избежать дальнейшего взаимодействия со взрослым партнером.

Тип 2. Аутоэротический

Восприятие аномального объекта как стимула для аутоэротической активности. Данный тип восприятия объекта был обнаружен у 44 испытуемых первой группы (48,9%).

Субъективное восприятие внешних признаков аномальных объектов формальное, фиксируются параметры, которые характеризуют принадлежность к юному возрасту, – рост, контур телосложения, различные предметы, характерные для детей – игрушки, школьный рюкзак, банты в прическах у девочек. При этом индивидуальные внешние характеристики остаются незамеченными.

Описания *личностных характеристик* объектов практически отсутствуют, при целенаправленном расспросе даются короткие, формальные, поверхностные высказывания о том, что объект был «обычным, как все дети», субъективно оцениваемый возраст объекта обычно выше реального. Образы объектов складываются из символических эротизированных стимулов-фрагментов –

тактильных ощущений, визуальных образов гениталий. На смысловом уровне формируется смутный образ объекта, который не обладает самостоятельной значимостью, он лишь нечеткий элемент желаемого сексуального поведения. В структуре ценностей образ аномального объекта не имеет самостоятельной позиции, не влияет на поведение сам по себе, не находит себе места в других аспектах жизни, в отличие от аномального стереотипа сексуального поведения, который приобретает доминирующее положение.

Представления о сексуальной компетентности аномального объекта редуцированы до общежитейских стереотипных высказываний: «я в их возрасте уже всё знал и понимал...», «современные дети взрослеют гораздо раньше», «они ничем не интересуются, ничем серьезным не заняты, бездельничают, постоянно в телефоне/за компьютером сидят», отмечается безопасность сексуальных притязаний в их отношении. Аномальный объект заведомо считается достаточно информированным в вопросах сексуальных отношений, испытывающим потребность в реализации сексуального желания, способным дать согласие на сексуальное взаимодействие. Данные постулаты в совокупности с искаженным, неверным представлением о возрасте объекта позволяют *в целом оценивать сексуальную активность с детьми* как обоснованную и легитимную. Аномальная сексуальная активность воспринимается как целесообразная, взаимовыгодная, безвредная по своей сути, порой интерпретируется как шалость, хулиганский поступок.

Объективные параметры восприятия объекта. Объект влечения испытуемых данного типа представлен ребенком *препубертатного и раннего пубертатного периодов развития, социальные отношения с ним формальные*, когда объект является учеником, воспитанником, *либо вовсе отсутствуют*, когда от первой встречи с ребенком в парке или на детской площадке до контакта с ним проходит менее суток. Личностная привязанность, родственные связи, иные формы устойчивых социальных связей с объектом затрудняют или исключают развертывание сценария сексуализированного взаимодействия с аномальным

объектом. Критерием выбора объекта является безопасность осуществлений сексуальных действий с ним.

Несексуальное взаимодействие с объектом посвящено исключительно склонению объекта к сексуальному контакту, при этом содержание желаемых действий не обсуждается. Коммуникативным инструментом достижения данной цели становятся наиболее примитивные, простые, грубые приемы – от подкупа до прямых угроз и физического насилия, при неспособности объекта к ответной агрессии, сопротивлению.

Период *сексуальной активности* с одним объектом сокращается до минимума – времени самого парафильного контакта. Происходит частая смена объектов, количество которых со временем растет. Повторные контакты с одним и тем же объектом возможны, однако, лишь в формате сексуального взаимодействия, эмоциональная привязанность к объекту не формируется. Форма контакта с аномальным объектом разнообразна – обычно это дистантные виды: вуайеристские, эксгибиционистские акты; реже контактные: мануальная стимуляция наружных половых органов, анального отверстия объекта, орально-генитальные контакты, в то время как генитально-генитальные или анально-генитальные ограничены единичными попытками, эпизодами. При этом контакты не завершаются эякуляцией, а служат материалом для самостимуляции, фантазирования с мастурбацией, завершаемой семяизвержением. Высокая доля подобных сексуальных актов «без объекта», формальное присутствие объекта в контактах и отсутствие сформированного образа объекта в сознании позволяет квалифицировать аномальную сексуальную активность данного типа как аутоэротическую – направленную на удовлетворение собственной сексуальной потребности путем самостимуляции, без адекватного контакта с объектом, только за счет возбуждающего влияния аномальных желаний и фантазий. Редуцированное восприятие объекта компенсируется идеаторной активностью: потребность в близости, интимности контактов воссоздается в субъективном психическом пространстве в виде представлений, фантазий, сновидений. В них формы сексуализированных взаимодействий представлены в более широком спектре,

могут включаться всевозможные формы пенетративных контактов, не исключая контакты садистического, некрофильного характера.

У субъекта в анамнезе выявляются *отсутствие отношений с условно нормативным объектом либо их дисфункциональный характер* – без взаимного личного интереса, эмоциональной привязанности, партнерства и без каких-либо переживаний по этому поводу.

Тип 3. Манипулятивный

Восприятие аномального объекта как подчиняющегося агента. Данный тип восприятия объекта был обнаружен у 34 испытуемых первой группы (37,8%).

Субъективные параметры восприятия. Среди *внешних признаков объекта* подмечаются анатомо-физиологические признаки раннего пубертата, начало формирования телесных признаков по тому или иному половому типу. Также внимание обращено на выбор объектом одежды, бижутерии, носимых аксессуаров, подчеркивающих половую принадлежность.

Отмечаются *личностные и поведенческие особенности объекта*, характеризующие динамику нормативного сексуального развития – формирование у него представлений о полоролевых стереотипах, платонического и эротического влечения, что отражается в романтических встречах и отношениях, беседах о сексуальных отношениях, проявлениях человеческой сексуальности, семейной жизни.

Как отражение *представлений о сексуальной компетентности объекта* выступают суждения о «зрелости» объекта, которая обосновывается отсылками к выбору объектом определенной одежды и аксессуаров, а также наблюдаемым у него нормативным проявлениям формирования сексуальной сферы, что отражает его намерение, интерес к сексуальным взаимодействиям, тем самым оправдывая их. При этом имеется критическое отношение к *сексуальной активности с детьми в целом*, при этом объект притязаний исключается из разряда «детей». Субъективная оценка аномальной активности амбивалентная, в качестве

негативного компонента содержит тревожно-депрессивные реакции, а положительный компонент представлен удовлетворением от реализации половой потребности, компенсации внутреннего полоролевого конфликта.

Объективные параметры восприятия. Объектом обычно является ребенок *раннего пубертатного периода развития из ближнего окружения*, в том числе из круга родственников. Возможны варианты объектов не из непосредственного окружения, но коммуникативный контакт с которыми упрощен посредством современных телекоммуникационных технологий. Объекты меняются нечасто, обычно объектов не более пяти.

Период *несексуальной активности* с объектом довольно продолжительный, частая коммуникация за счет близкого присутствия аномального объекта позволяет сформировать доверительные отношения, которые в последующем облегчают создание манипулятивной ситуации для достижения сексуальной близости. Ввиду длительного общения с объектом, необходимости сохранения манипулятивного контроля над ним, конкретный объект приобретает высокое субъективное значение, он сам и его ценности становятся особо значимыми в свете неизбежной взаимной манипуляции: объект, обретая представление о потребностях субъекта и о необходимости для него сохранения их взаимодействий в тайне, выставляет свои требования, которые субъект вынужден удовлетворять – обычно речь идет о подарках или деньгах, иногда субъект дарит подарки или деньги превентивно, до высказываний требований объектом. Таким образом, в системе ценностей субъекта на первых местах находятся его собственные потребности, а объект, необходимость сохранения манипулятивной ситуации оказываются связанными с ними, и поэтому тоже ценятся высоко. Возможен вариант, когда ситуация манипуляции поддерживается насильственными методами – длительным шантажом, повторяющимися угрозами или регулярным непосредственным применением насилия, что опять же указывает на высокое положение сексуальной потребности и объекта её удовлетворения в субъективной структуре ценностей, тогда как насилие имеет только инструментальное значение.

Сексуальный контакт с аномальным объектом протекает по сценарию нормативных половых актов, в генитально-генитальной или анально-генитальной форме, с разрядкой, семяизвержением в контакте, то есть наблюдаются завершённые, зрелые половые акты. Мануальная стимуляция эрегированных зон, оральные контакты не исключены, происходят как прелюдия для полового акта. Возможно, что генитально-генитальный или анально-генитальный контакты не случаются, но обязательно настойчиво высказывается пожелание именно такой формы близости, невозможность её вызывает фрустрацию. Сексуальные желания, включающие образ аномального объекта, обычно реалистичны, реализуются в виде описанного выше сексуального поведения.

Субъект имеет опыт длительных *нормативных сексуальных отношений с постоянным партнером*, сопровождаемых конфликтами, неудовлетворенностью, дисфункциональными явлениями, не исключающими возможность удовлетворительных сексуальных контактов. Деадаптация в партнерских отношениях обусловлена характерологическими особенностями их участников, часто имеет место сохраняющийся межличностный конфликт за счет обострения акцентуированных, психопатических либо психопатоподобных черт субъекта. К примеру, в подобных дезадаптивных парах наблюдаются проявления патологической ревности, общей паранойяльной настроенности либо эпилептоидной нетерпимости, сниженных эмпатических способностей и высокого уровня агрессии. Частота нормативных контактов под влиянием споров и ссор снижается, хотя сексуальная потребность остается на прежнем уровне, о чем говорит учащение мастурбаторной активности, что обостряет сексуальную расторможенность, зачастую подкрепляемую алкоголем, и приводит к поиску замещающего объекта. При этом ввиду нарушенных партнерских отношений, неразрешенных споров и конфликтов негативная оценка нормативного объекта генерализуется, что не позволяет вступить в отношения с иным социально приемлемым партнером. Отрицательное отношение к конкретному партнеру гиперболизируется, проецируется на всех зрелых партнеров, что препятствует формированию партнерских отношений с ними. Неудачи в партнерских

отношениях с нормативным объектом обостряются чувством снижения собственной значимости, сомнениями в достаточном соответствии принятым в обществе стереотипам мужественности. Фактором, компенсирующим эти переживания, становится создание отношений, в которых объект находился бы в полном подчинении субъекту, без ощутимых затрат материальных и энергетических ресурсов.

3.2. Клинико-онтогенетическое обоснование типологии восприятия аномального объекта

Наиболее оптимальной для интерпретации выявленного своеобразия восприятия объекта педофильного влечения является концепция «Theory of Mind» или «Модели психического» (Сергиенко Е.А. и др., 2020). Под моделью психического понимается система концептуализации знаний о своей психической жизни и психической жизни других людей, то есть способность понимать и представлять их желания, намерения, эмоции, убеждения, а также с учетом этих знаний предсказывать и объяснять поведение других людей.

На значение данных механизмов в формировании педофильного поведения неоднократно указывалось в литературе. Так, Т. Keenan и Т. Ward (2000) приводят факторы, связывающие сексуальные преступления против детей и нарушение формирования модели психического: искаженное восприятие детей-жертв сексуального насилия, нарушение эмпатии у сексуальных преступников, трудности в общении и формировании удовлетворительных отношений со взрослыми объектами. Т. Keenan и Т. Ward выделили связанные с сексуальным поведением в отношении детей нарушения формирования модели психического: тотальное искаженное или задержанное формирование модели психического, изолированное нарушение способности к эмпатии, общее нарушение саморегуляции. На основании выявленных у сексуальных преступников когнитивных искажений Т. Ward и Т. Keenan (1999) выделили варианты их отношения к аномальному объекту:

- восприятие ребенка как сексуального объекта, фиксированного на сексуальном взаимодействии, ищущего интимной близости;
- восприятие ребенка как подчиненного агента, обязанного исполнять прихоти субъекта;
- восприятие ребенка как единственного, кто способен на добро, нежность и принятие, в сравнении с «опасным, агрессивным миром» взрослых;
- восприятие сексуализированной активности с ребенком как проявления действия внешних причин – несчастливого детства, влияния опьяняющих веществ, постоянного стресса, вплоть до религиозных интерпретаций («бес заставил меня сделать это»).

Данные варианты восприятия по Т. Ward и Т. Keenan подтверждаются в настоящем исследовании. О том, что нарушения формирования модели психического ассоциированы с сексуальной преступностью против детей, говорят и другие исследования. К. Elsegood и S. Duff (2010) изучили способность интерпретировать психические состояния детей и взрослых по взгляду и сопутствующей мимической картине и выяснили, что лица, совершившие сексуальное насилие в отношении детей, хуже, чем здоровые добровольцы, справлялись с заданием по оценке взгляда взрослых, при том, что не отличались значимым образом в интерпретации детского взгляда. Эти результаты положительно соотносятся с данными настоящего исследования о сниженной социальной компетентности в отношениях со взрослыми лицами, выявленной у педофилов.

С помощью психометрических методов было показано наличие у педофилов большей способности воспринимать эмоциональное состояние детей, однако те из них, кто совершил сексуальные преступления, хуже справились с идентификацией детских эмоциональных состояний по сравнению с педофилами без криминального анамнеза (Schuler M., и др., 2019). При дальнейшем исследовании с применением функциональной магнитно-резонансной томографии M. Schuler и др. (2022) были получены данные о сниженной активации левого предклинья, одного из основных

участков мозга, задействованных в процессах распознавания эмоций, а также повышенной активации передней поясной коры, которая ассоциирована с процессами самосознания и репрезентации образов других. Исследователи предположили, что ранее полученные успешные результаты группы педофилов без криминального анамнеза могут быть связаны не с фактическим их представлением о разнообразии эмоциональных состояний, а скорее являются результатом *переориентации эмоционального состояния другого на самого себя*.

По данным N. Castellino и др. (2011), преступники, совершившие сексуальные действия с детьми, в целом хуже справляются как с классическими задачами модели психического, так и при применении полуструктурированного опросника Th.o.m.a.s. Сравнимые с контрольной группой результаты получаются только в ответ на классические задачи первого порядка, направленные на выявление способности делать правильные выводы о мыслях и намерениях другого человека – навык, формирующийся в возрасте 3-4-х лет. Также было обнаружено, что сексуальным преступникам легче выносить суждения о психических состояниях от первого, а не от третьего лица, и что они более успешны в вынесении этих суждений с эгоцентрической точки зрения, чем с точки зрения другого человека (т.е. аллоцентрической). Был сделан вывод, что у сексуальных преступников есть общий дефицит способности осознавать психические состояния других людей, соотносить различные психические состояния и регулировать своё собственное поведение в соответствии со своими психическими состояниями и психическими состояниями других людей.

Известно, что все компоненты модели психического развиваются одновременно, постепенно, подчиняясь реорганизации на определенных этапах развития (Brüne M., Brüne-Cohrs U., 2006; Poulin-Dubois D., 2020). Это создает основу для обоснования типологии как клинико-онтогенетической, что соответствует использовавшимся ранее подходам (Беззубова Е.Б., 1994).

Первый выделенный тип характеризуется пристрастной идеализацией объекта, субъективными искаженными представлениями о нем, спаянностью сексуализированной активности и образа аномального объекта на фоне общей

социальной дезадаптации с неспособностью к адекватным контактам со взрослыми. Описанные черты соотносятся с механизмом восприятия Другого по типу идентификации с ним, который в онтогенезе формируется к младшему школьному возрасту (3-4 года) в виде слабого разделения собственной модели психического и модели психического Другого, ввиду чего последняя понимается исключительно в пристрастном ключе, без возможности сопоставления намерений, мотивов и желаний Другого, ментального воздействия на них. Данный механизм обеспечивает начало формирования субъектности, самосознания, отделение образа «Я» от окружающего мира.

В восприятии представителей второго типа объект предстает аморфным, практически неидентифицированным, внимание фиксировано на самоудовлетворении путем инструментального использования объекта, фиксируется процессуальная значимость сексуализированного взаимодействия, достижение желаемого происходит с использованием стратегий эгоцентричного взаимодействия. Описанные особенности в онтогенетическом аспекте соотносятся с этапом младшего школьного и подросткового возраста, подключается влияние моральных норм, образование собственной системы ценностей, без достаточного учета ценностных ориентиров окружающих, что в целом приводит к макиавеллистской манере взаимодействия с Другим, что отражает начало формирования образа объекта, его отделение от образа «Я», первые попытки взаимодействия с ним, познание его свойств.

Для представителей третьего типа аномальный объект замещает нормативный, при этом взаимодействие с ним строится на основе субъективных ценностей с применением манипулятивных стратегий, в результате чего происходит своеобразная имитация партнерства, сопровождающаяся самооправдывающими когнитивными искажениями. Указанные особенности в онтогенетическом плане соотносятся с совокупностью более зрелых форм описанных механизмов: реализацией эгоцентрического механизма в подростковом периоде при формировании собственного мнения о потребностях и их удовлетворении, во взаимодействии с общественными ценностными ориентирами,

и макиавеллисткой стратегией в периоде зрелости, которая позволяет достичь краткосрочных целей, отражающих сугубо субъективные ценности.

Важно отметить, что данные механизмы на описанных возрастных этапах уже не представляют собой развитие модели психического, занимая свое устойчивое место в личностной регуляции. Во взрослом возрасте заключительным этапом формирования модели психического является образование «понимающей» стратегии поведения, ориентированной на долгосрочные взаимно выигрышные отношения, которая оказывается недоступна представителям всех трех типов. Это приводит к дезадаптивным отношениям с нормативным объектом ввиду применения ими онтогенетически ранних форм восприятия другого в рамках расстройства сексуального предпочтения.

Таким образом, восприятие аномального объекта сексуального предпочтения при педофилии имеет разные клинические варианты в зависимости от превалирующего аномального механизма восприятия, что позволяет сформировать определенную типологическую структуру. Описанные механизмы могут быть объяснены в рамках онтогенетических нарушений, а именно – актуализации, персистенции архаических паттернов модели психического.

3.3. Характеристика групп испытуемых с учетом типологических особенностей восприятия аномального объекта предпочтения

С учетом типологии, состав исследуемой выборки был перераспределен – было сформировано 4 группы испытуемых: 12 испытуемых с восприятием объекта по идентифицирующемуся типу (группа А, 9,16% от общего числа испытуемых), 44 испытуемых с аутоэротическим восприятием объекта (группа Б, 33,59% от общего числа испытуемых), 34 испытуемых с манипулятивным восприятием объекта (группа В, 25,95% от общего числа испытуемых), у 41 испытуемого не было выявлено педофильного влечения (группа Г, 31,3% от общего числа испытуемых) (рисунок 6).

Рисунок 6. Распределение состава выборки с учетом типологии

Группы не отличались по возрасту ($p=0,114$, $F=1,358$, $df=43$, см. рисунок 7, таблицу 1), уровню образования ($p=0,856$, $\chi^2=2,893$, $df=6$, см. рисунок 8) и характеру трудовой занятости ($p=0,857$, $\chi^2=2,713$, $df=6$, см. рисунок 9).

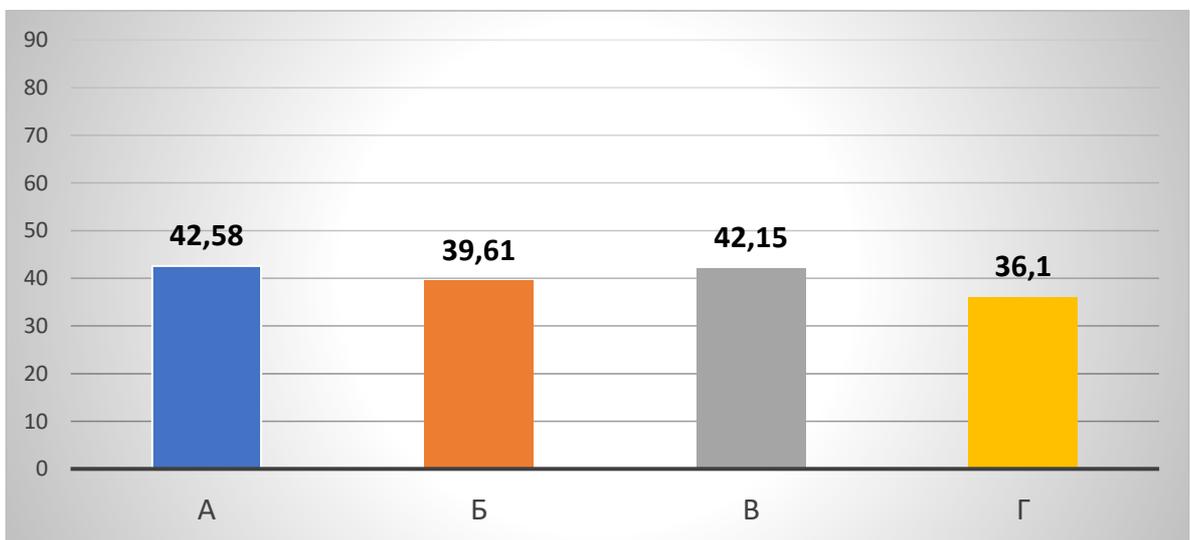

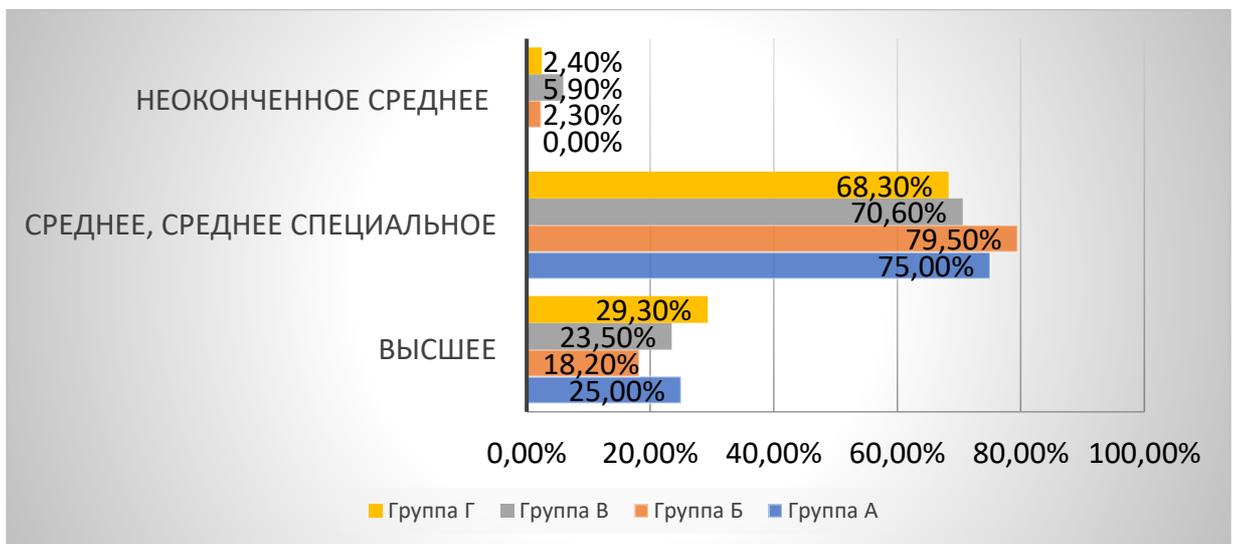
Рисунок 7. Сравнение исследуемых групп по среднему возрасту с учетом типологии

Примечание: ось ординат – возраст в годах

Таблица 1. Возрастные показатели с учетом типологии

Группа	Средний возраст, гг	Мода, гг	Медиана, гг
А (Идентифицирующийся тип)	42,58	46	44
Б (Аутоэротический тип)	39,61	28	41
В (Манипулятивный тип)	42,15	35	40
Г (без педофилии)	36,1	41	36

Испытуемые более старшего возраста по всем показателям составляли группу с идентифицирующимся типом восприятия объекта предпочтения при педофилии, испытуемые с аутоэротическим типом – наиболее молодые по моде, в то время как участники исследования без педофильного влечения – наиболее молодые по медианному и среднему возрасту. Однако, видимые различия не оказали статистически значимого влияния на формирование групп.

Рисунок 8. Сравнение уровня образования с учетом типологии

Во всех группах наибольшая часть испытуемых получила полное среднее или среднее специальное образование, менее трети от каждой группы получили высшее образование, также в каждой группе, кроме первой, с идентифицирующимся типом восприятия объекта предпочтения, были испытуемые с неоконченным средним образованием.

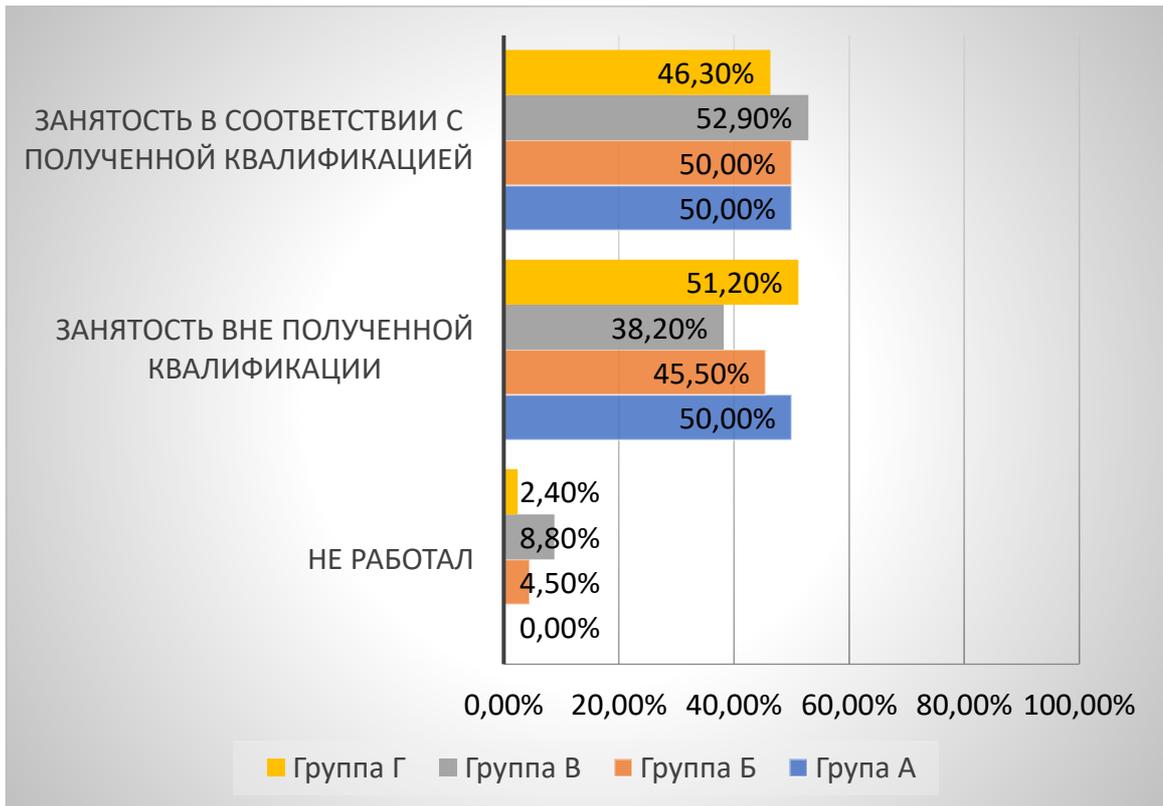

Рисунок 9. Сравнение трудовой занятости с учетом типологии

Наименьшая часть испытуемых не имели трудовой занятости и были обеспечены за счет государственной социальной поддержки и помощи близких. В остальном группы разделились почти наполовину, при этом одна половина была занята трудом, который не соответствовал полученному образованию, а другая – работала в соответствии с полученными профессиональными навыками, при этом наиболее квалифицированные работники были в группе с манипулятивным типом восприятия объекта предпочтения, а наименее – в группе испытуемых без педофилии.

Выявлены статистические различия между исследуемыми группами по общему коморбидному нозологическому составу ($p=0,022$, $\chi^2=33,275$, $df=24$, см. рисунок 10).

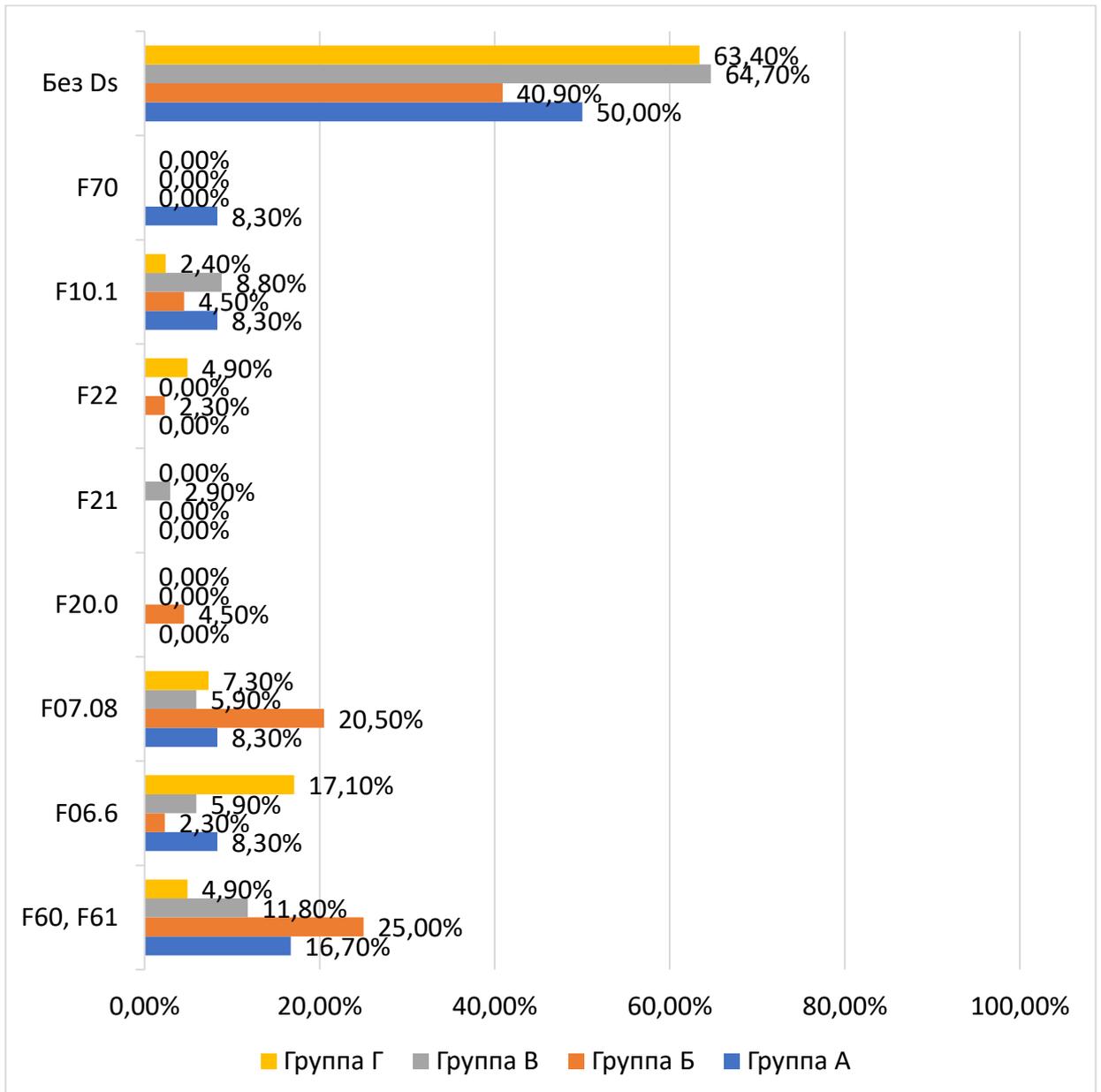

Рисунок 10. Коморбидные психические расстройства

Однако, при сравнении групп по каждой нозологии статистически значимых различий не выявлено. Наиболее близким к достоверному уровню является преобладание расстройств личности в группе с аутоэротическим типом восприятия объекта предпочтения (25% против 16,7%, 11,8% и 4,9%, $p=0,052$, $\chi^2=7,142$, $df=3$). По всей видимости, данные различия отражают преобладание погранично-личностного уровня расстройств среди испытуемых, отмеченный при анализе изначальной выборки. Наличие у некоторых испытуемых расстройств шизофренического спектра не оказало влияние на формирование групп.

3.4. Типологические особенности восприятия объекта

Для выделения диагностически важных клинических признаков, необходимых для отграничения педофильного расстройства от сексуального злоупотребления детьми за рамками педофилии, был выполнен поиск наиболее характерных представителей типов путем применения кластеризации в выборке испытуемых, страдающих педофилией (методику см. в гл. 2.2). Результаты кластеризации были сопоставлены с разделением испытуемых на три типа восприятия объекта при педофилии и группу испытуемых без педофилии. Испытуемых, попавших в один и тот же кластер при всех использованных методах, и в то же время отнесенных к одной клинической группе, считали наиболее типичными представителями этой группы.

В результате получена выборка из 64 испытуемых – ярких представителей каждой группы, из которых восемь представляют идентифицирующийся тип, двадцать два – аутоэротический тип, десять – манипулятивный тип, а двадцать четыре испытуемых не страдали педофильным расстройством.

На материале таблицы клинических данных выборки, состоящей из наиболее однородных групп, выявлены достоверные различия между группами по представленности в них клинических параметров, также получена характеристика отличий каждого типа от группы сопоставления (испытуемых без педофильного расстройства).

Попарное сравнение каждого из трех типов восприятия объекта предпочтения при педофилии (идентифицирующийся, аутоэротический, манипулятивный) с группой испытуемых без педофилии выявило статистически значимые ($p < 0,05$) различия по ряду параметров.

Выявлены общие характеристики испытуемых *без диагноза педофилии*, достоверно отличающие их от лиц с педофильным расстройством. Большинство представителей группы сопоставления совершали однократные аномальные сексуальные контакты (66,7%, $n=16$, $p \leq 0,013$), которые не воспроизводились в дальнейшем ни в поведенческой, ни в идеаторной активности (70,8%, $n=17$,

$p \leq 0,001$), также значимое большинство из них не сообщали о наличии какой-либо аномальной сексуальной идеаторной активности в отношении детей (41,7%, $n=10$, $p \leq 0,035$).

Общим параметром, достоверно отличающим лиц с педофилией, независимо от типа, стало **восприятие объекта как пассивного агента**: 75% ($n=6$) испытуемых идентифицирующегося типа ($p=0,021$), 66,7% ($n=10$) испытуемых с аутоэротическим ($p=0,011$) и 80% ($n=4$) испытуемых с манипулятивным восприятием объекта ($p=0,025$), и только 18,8% ($n=3$) испытуемых без педофилии описали объект как «податливый, спонтанный» (см. таблицу 2).

Таблица 2. Параметры, отличающие испытуемых с педофилией от испытуемых без педофилии

№	Параметр	А	Б	В	Г.	p
Особенности субъективного описания объекта						
1	Податливость, спонтанность объекта	6 (75,0%)	10 (66,7%)	4 (80%)	3 (18,8%)	$\leq 0,025$
Характер аномального сексуального поведения						
2	Однократно в течение года и реже	1 (12,5%)	5 (22,7%)	0 (0%)	16 (66,7%)	$\leq 0,013$
Характер аномальной сексуальной идеаторной активности						
3	Отсутствие аномальной сексуальной идеаторной активности	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	10 (41,7%)	$\leq 0,035$
Стереотипизация аномального сексуального поведения						
4	Отсутствие стереотипной аномальной сексуальной активности	0 (0%)	2 (9,1%)	0 (0%)	17 (70,8%)	$\leq 0,001$

Примечания: А – идентифицирующийся тип восприятия аномального объекта; Б – аутоэротический тип; В – манипулятивный тип; Г – группа испытуемых без педофилии

Данный параметр оценивался по вербальной продукции испытуемых в ходе обследования и по материалам уголовного дела. Под «податливостью» и «спонтанностью» понимались характеристики объекта, обеспечивающие быстрый, легкий, беспрепятственный, не требующий особых усилий переход от встречи или знакомства к сексуализированному взаимодействию. Потерпевшие в целом казались испытуемым послушными исполнителями, не только не противостоящими, но и способствующими воплощению аномальных сексуальных желаний и фантазий испытуемых. В высказываниях и показаниях испытуемых декларировалось отсутствие явного сопротивления со стороны потерпевших, либо преодоление их сопротивления не стоило испытуемым значительных усилий, что в общем трактовалось как согласие на сексуальный контакт. Со слов испытуемых, они могли делать с потерпевшими все что угодно, при этом последние выполняли инструкции испытуемых, тогда как желания, чувства, намерения детей игнорировались. В то же время испытуемые были убеждены, что потерпевшие с готовностью участвовали в сексуальном взаимодействии. При этом испытуемые не могли подробно описать потерпевших, обозначить их индивидуальные характеристики.

Феномен восприятия объекта как пассивного агента сопоставим с общей для парафилий характеристикой деперсонализации объекта, отражающей нарушения в системе субъект-субъектных отношений и определяющей лишение субъективности объекта, чья роль сводится к значению предмета, стимула для воспроизведения особого, для каждого случая своего, аффективного состояния либо воображения, реализации внутренних побуждений, связанных с приверженностью к определенным ситуациям (Ткаченко А.А., 1998).

Помимо общих различий между испытуемыми с педофилией и без неё выявлены значимые различия при попарном сравнении между группами испытуемых с педофильным расстройством с разными типами восприятия объекта предпочтения и группой сопоставления (без педофилии), которые находятся в причинно-следственной связи с феноменом деперсонализации, являясь его производными: частота и форма аномальной сексуальной активности (как

поведенческой, так и идеаторной), несексуального взаимодействия с объектом, характера связи с ним (родственной, дружеской, формального знакомства), наличие нормативных сексуальных отношений.

Испытуемые с *манипулятивным* типом восприятия объекта (В) обычно выбирали для сексуальных притязаний девочку, обычно кого-то из дальних родственников ($p=0,019$), чаще раза в неделю вступали в сексуальные контакты с ней ($p=0,048$), и к моменту задержания правоохранительными органами уже имели с ней более 20 контактов ($p=0,001$). При этом в идеаторной сфере чаще выявлялись фантазии и желания в отношении педофильного объекта, включающие формы петтинговой активности ($p=0,036$). Смена объекта для них была нехарактерна ($p<0,001$). Описанные различия представлены в таблице 3.

Таблица 3. Сравнение группы с манипулятивным типом восприятия объекта предпочтения и группы испытуемых без педофилии

№	Параметр	В	Г	χ^2*	p
<i>Степень близости к педофильному объекту</i>					
1	Объект из числа дальних родственников	4 (40%)	1 (4,2%)	7,226	0,019
<i>Характер аномального сексуального поведения</i>					
2	Больше 20 гетеросексуальных педофильных контактов	6 (60%)	1 (4,3%)	12,916	0,001
3	Больше 20 контактов с одним и тем же партнером	7 (70%)	1 (4,3%)	16,357	<0,001
4	Педофильные контакты происходили чаще раза в неделю	4 (40%)	2 (8,3%)	4,871	0,048
<i>Характер аномальной сексуальной идеаторной активности</i>					
5	Фантазии о петтинговых контактах	8 (80%)	4 (28,6%)	6,171	0,036

Примечания: * $df = 1$; В – манипулятивный тип восприятия аномального объекта; Г – группа испытуемых без педофилии

При манипулятивном типе восприятия объекта деперсонализация в первую очередь проявляется в виде подчинения объекта. Оно характеризуется выбором объекта, с которым существует хотя бы формальная родственная связь, что позволяет избежать трудностей инициации общения и одновременно создает

ограничение возможностей объекта обратиться за помощью — «свои», родные люди обычно не кажутся способными на злоупотребления. Стойкая регулярная сексуальная активность в отношении одного объекта имеет сходство с нормативным сексуальным поведением, имитирует его. Для создания этой имитации субъект вынуждает объект осуществлять роль полового партнера, на которую тот не способен в виду незрелости. Частые контакты демонстрируют поддержание назначенной роли, контроль за её постоянным подтверждением.

По сравнению с испытуемыми без педофилии большая часть испытуемых с *аутоэротическим* восприятием объекта предпочтения (2 тип) неоднократно ($p=0,009$), чаще раза в месяц ($p=0,032$), вступала в аномальные сексуальные контакты в дистантной форме (например, в виде эксгибиционистской, виртуальной сексуальной активности) с девочками ($p=0,001$), которые были им прежде не знакомы ($p<0,001$). Взаимодействие с объектом вне сексуального контекста испытуемыми этой группы не осуществлялось ($p<0,001$). Для них были характерны повторяющиеся эротические фантазии ($p=0,033$) и сексуальное поведение ($p=0,042$), содержащие стереотипный сценарий аномальной сексуальной активности, обычно включающий объект со схожими половозрастными параметрами ($p=0,02$). Испытуемые данной группы оценили внешность объектов аномальной активности, указав, что те имели худощавое телосложение ($p=0,043$), в то же время казались им старше своего реального возраста ($p<0,001$). Они значимо реже вступали в нормативные сексуальные отношения, обычно были в них не заинтересованы ($p=0,019$). Описанные различия представлены в таблице 4.

Таблица 4. Сравнение группы с аутоэротическим типом восприятия объекта предпочтения и группы испытуемых без педофилии

№	Параметр	Б	Г	χ^2*	p
<i>Особенности субъективного описания объекта</i>					
1	Худощавое телосложение	4 (26,7%)	0 (0%)	4,899	0,043
<i>Субъективная оценка возраста</i>					
2	Объект казался старше своего реального возраста	16 (84,2%)	5 (20,8%)	17,047	<0,001
<i>Степень близости к педофильному объекту</i>					

3	Незнакомые дети	22 (100%)	4 (16,7%)	32,436	<0,001
<i>Характер аномального сексуального поведения</i>					
4	От 6 до 10 гетеросексуальных педофильных контактов	5 (29,4%)	0 (0%)	7,731	0,009
5	От 6 до 10 объектов от 5 до 12 лет	6 (30%)	0 (0%)	6,736	0,02
6	Только дистантные гетеросексуальные педофильные контакты	14 (63,6%)	3 (12,5%)	12,883	0,001
7	Педофильные контакты происходили чаще раза в месяц	8 (36,4%)	2 (8,3%)	5,301	0,032
<i>Стереотипизация аномального сексуального поведения</i>					
8	Стереотипизация эротических фантазий	13 (65%)	1 (14,3%)	5,342	0,033
9	Стереотипизация сексуального поведения	19 (95%)	4 (57,1%)	5,888	0,042
<i>Характер несексуального взаимодействия</i>					
10	Отсутствие несексуального взаимодействия с объектом сексуального предпочтения	21 (95,5%)	1 (4,2%)	38,334	<0,001
<i>Степень адаптации в нормативных сексуальных отношениях</i>					
11	Отсутствие зрелых партнеров в течение жизни	5 (22,7%)	0 (0%)	6,12	0,019

Примечания: * $df = 1$; Б – аутоэротический тип восприятия объекта; Г – группа испытуемых без педофилии

Деперсонализация объекта при аутоэротическом типе его восприятия главным образом представляет собой восприятие объекта как формы без содержания. Отсутствие взаимодействия с объектом вне сексуального контекста, выбор незнакомых детей в качестве объекта, дистантный характер аномальной активности четко указывают на отсутствие всякой иной связи с объектом, кроме как в рамках деликта, и даже в этом случае испытуемые оказываются способными только лишь поверхностно оценить телосложение объекта. Объект, по сравнению с манипулятивным типом, наделяется не признаками зрелого партнера, а собственной идеаторной продукцией, ограниченной аномальной сексуальной активностью.

Испытуемые с *идентифицирующимся* восприятием объекта отличались от группы испытуемых без педофилии тем, что чаще раза в месяц ($p=0,023$) вступали в сексуализированное взаимодействие в форме фелляции ($p=0,003$), петтинга ($p=0,01$), платонических контактов ($p=0,002$) с мальчиками ($p<0,001$). В аномальной сексуальной идеаторной активности у них были больше представлены те же формы аномальной активности, что реализовывались в поведении. В их восприятии объект представал невинным, искренним ($p=0,007$), они чаще могли назвать психологические черты, свойственные объекту ($p=0,029$). Они охотнее ($p=0,03$) проводили время с объектом вне эротического контекста, организовывали и проводили совместные игры, обсуждали общие темы, при этом общение велось на равных, на темы, интересующие детей ($p<0,001$), в том числе в рамках осуществления профессиональных обязанностей учителя, руководителя кружка, воспитателя ($p=0,048$). Описанные различия представлены в таблице 5.

Таблица 5. Сравнение группы с идентифицирующимся типом восприятия объекта предпочтения и группы испытуемых без педофилии

№	Параметр	А	Г	χ^2*	p
Особенности субъективного описания объекта					
1	Невинность, искренность	5 (62,5%)	1 (6,3%)	9	0,007
2	Отсутствие субъективного описания характера объекта	0 (0%)	11 (45,8%)	5,587	0,029
Характер аномального сексуального поведения					
3	Только гомосексуальные педофильные контакты	8 (100,0%)	1 (11,1%)	27,259	<0,001
4	Педофильные контакты происходили чаще раза в месяц	4 (50%)	2 (8,3%)	6,838	0,023
5	Эротико-платонические контакты (прогулки, совместное времяпрепровождение, объятия и поцелуи)	7 (87,5%)	5 (20,8%)	11,378	0,002
6	Петтинг	8 (100%)	11 (45,8%)	7,298	0,01
7	Фелляция	7 (87,5%)	6 (25%)	9,717	0,003
Характер аномальной сексуальной идеаторной активности					

8	Эротико-платонические контакты (прогулки, совместное времяпрепровождение, объятия и поцелуи)	5 (62,5%)	1 (7,1%)	7,865	0,011
9	Петтинг	7 (87,5%)	4 (28,6%)	7,071	0,024
10	Фелляция	8 (100%)	6 (42,9%)	7,184	0,018
<i>Характер несексуального взаимодействия</i>					
11	Положительная субъективная оценка несексуального взаимодействия с объектом	7 (87,5%)	6 (35,3%)	5,94	0,03
12	Совместные игры, общение на равных	7 (87,5%)	3 (13,6%)	14,403	<0,001
13	Взаимодействие с детьми входит в профессиональные обязанности	3 (37,5%)	1 (4,5%)	5,514	0,048

Примечания: *df = 1; А – идентифицирующийся тип восприятия объекта; Г – группа испытуемых без педофилии

Испытуемые с идентифицирующимся типом восприятия демонстрируют еще более глубокую степень деперсонификации, не столько наделяя объект зрелой сексуальностью, как это наблюдается при манипулятивном типе, и не только лишая его личных, индивидуальных качеств, как при аутоэротическом типе, но воплощая в нем фантазию об идеале. Субъект воспринимает его как искреннего, невинного и крайне значимого, о чем свидетельствует развернутое несексуальное взаимодействие с ним, в том числе в рамках профессиональных обязанностей. Ребенок кажется субъекту очень близким, понятным, «таким же, как и он», скорее вследствие незрелости, о чем говорят регрессивная сексуальность, выражающаяся в гомосексуальном выборе объекта и эротико-платоническом характере сексуализированных контактов, а также инфантилизм в виде игрового взаимодействия. Кажущаяся близость интересов и желаний с учетом деперсонификации оказывается проекцией идеализированной версии собственного незрелого «Я».

3.5. Межтиповые различия испытуемых с педофильным влечением

Для анализа межтиповых различий проводилось сравнение выделенных групп испытуемых с педофильным влечением ($n=90$) в отношении каждого из клинических параметров. В результате были выделены специфические признаки, достоверно отличающие типы восприятия объекта при педофилии между собой ($p<0,05$), позволяющие сформировать более полное представление о клинической картине каждого типа. Получившиеся результаты показали, что они более детально раскрывают те характеристики, что были получены при сравнении с группой испытуемых без педофильного влечения.

Испытуемые с *манипулятивным* типом восприятия объекта (В), в отличие от других испытуемых с педофильным влечением, чаще выбирали гетеросексуальный объект из числа детей, с которыми имели родство или близкие отношения ($0,003 \leq p \leq 0,011$), применяли физическое насилие к нему для вовлечения в интимные контакты ($p=0,025$), чаще раза в неделю вступали в сексуальные контакты с ним ($p=0,045$) в анально-генитальной ($p=0,004$) и генитальной формах ($p=0,007$), что частично соответствовало их идеаторной сексуальной активности ($p=0,007$). Они реже могли описать свои эмоциональные переживания в деликте ($p=0,001$), либо отмечали наличие в переживаниях негативного аффективного компонента ($p=0,042$). Для манипулятивного типа была менее характерна частая смена аномальных партнеров – обычно их было не более 5 ($p=0,026$), при этом с одним объектом было более 20 контактов ($p=0,001$). Обращает на себя внимание длительный период ($p=0,006$) регулярного несексуального взаимодействия ($p=0,034$) с объектом при выполнении родительских функций ($p=0,003$), причем не по своей инициативе ($p=0,013$). Аномальная сексуальная активность осуществлялась на фоне партнерских отношений со зрелым объектом ($p=0,004$). Описанные различия представлены в таблице 6.

Таблица 6. Сравнение группы с манипулятивным типом восприятия объекта предпочтения и групп испытуемых с другими типами восприятия

№	Параметр	А (n)	Б (n)	В (n)	χ^2*	p
<i>Степень близости к педофильному объекту</i>						
1	Объект из числа дальних родственников	16,7% (2)	2,3% (1)	23,5% (8)	8,835	0,011
2	Объект из числа родных детей	0% (0)	2,3% (1)	23,5% (8)	9,414	0,006
3	Объект из числа подопечных детей	8,3% (1)	2,3% (1)	26,5% (9)	10,123	0,003
<i>Способ вовлечения объекта в сексуальное взаимодействие</i>						
4	Физическое насилие	8,3% (1)	0% (0)	14,7% (5)	6,594	0,025
<i>Характер аномального сексуального поведения</i>						
5	Только гетеросексуальные педофильные контакты	25% (3)	59,1% (26)	76,5% (26)	9,744	0,007
6	До 5 гетеросексуальных объектов, с которыми были контактные взаимодействия	66,7% (2)	83,3% (15)	100% (28)	6,998	0,026
7	Больше 20 контактов с одним и тем же педофильным объектом	41,7% (5)	13,6% (6)	55,9% (19)	25,521	0,001
8	Педофильные контакты происходили чаще раза в неделю	16,7% (2)	22,7% (10)	47,1% (16)	6,232	0,045
9	Анально-генитальные контакты	41,7% (5)	18,2% (8)	52,9% (18)	10,696	0,004
10	Половые акты	0% (0)	9,1% (4)	32,4% (11)	9,122	0,007
<i>Эмоциональная окраска аномального сексуального взаимодействия</i>						
11	Отсутствие самоотчета об эмоциональной реакции	8,3% (1)	0% (0)	32,4% (11)	17,919	0,001

12	Негативная аффективная окраска	0% (0)	0% (0)	13% (3)	5,478	0,042
<i>Характер аномальной сексуальной идеаторной активности</i>						
13	Фантазии о половых актах	0% (0)	31,8% (14)	47,1% (16)	9,807	0,007
<i>Характер несексуального взаимодействия</i>						
14	Происходит по инициативе третьих лиц	33,3% (4)	16,7% (3)	58,1% (18)	8,389	0,013
15	Регулярное взаимодействие без сексуального контекста	83,3% (10)	50% (9)	83,9% (26)	6,748	0,034
16	Больше 5 лет несексуального взаимодействия	33,3% (4)	5,6% (1)	48,4% (15)	10,157	0,006
17	Выполнение родительских функций	41,7% (5)	27,8% (5)	75% (24)	11,395	0,003
<i>Степень адаптации в нормативных отношениях</i>						
18	Наличие партнерских отношений со зрелым объектом	66,7% (8)	54,5% (24)	88,2% (30)	10,611	0,004

Примечания: *df = 2; А – идентифицирующийся тип восприятия объекта, Б – аутоэротический тип восприятия объекта, В – манипулятивный тип восприятия аномального объекта

Особенности деперсонификации, выявленные при сравнении данной группы и лиц без педофильного расстройства, полностью подтверждаются при оценке манипулятивного типа в сравнении с другими типами. На это указывает выбор объекта с точки зрения его подчиненного положения за счет наличия формальной родственной связи с ним или родительского положения по отношению к нему. О стремлении к подчинению объекта сексуальных притязаний также говорит более частое применение физического насилия в сочетании с негативной эмоциональной окраской деликта. Также подтверждается имитация нормативных сексуальных отношений, о чем говорит характер и форма контактов. Опыт партнерских

отношений в анамнезе также подтверждает имитационный характер аномальной сексуальной активности, искажение восприятия педофильного объекта.

По сравнению с испытуемыми с другими типами восприятия объекта при педофилии большая часть испытуемых с *аутоэротическим* восприятием объекта предпочтения (Б) считали объект достигшим пубертатного возраста ($p < 0,001$), при том не могли описать его психологические характеристики ($p = 0,009$), чаще объяснялось тем, что объект был ранее незнаком ($p = 0,001$). Аномальная активность чаще протекала в эксгибиционистской форме ($p = 0,001$), с одним и тем же объектом было не более 5 контактов ($p < 0,001$). Несексуальное взаимодействие имело единичный характер ($p = 0,001$), происходило по инициативе испытуемых ($p = 0,046$). У испытуемых данного типа была наиболее выражена аномальная идеаторная активность в виде фантазий ($p < 0,001$), сновидений ($p = 0,008$) и воспоминаний об аномальных сексуальных контактах ($p = 0,001$). Они значимо реже вступали в нормативные сексуальные отношения ($p = 0,036$). Описанные различия представлены в таблице 7.

Таблица 7. Сравнение группы с аутоэротическим типом восприятия объекта предпочтения и групп испытуемых с другими типами восприятия

№	Параметр	А (n)	Б (n)	В (n)	χ^2	p
Особенности субъективного описания объекта						
1	Отсутствие субъективного описания характера объекта	0% (0)	38,6% (17)	17,6% (6)	9,233	0,009
Субъективная оценка возраста						
2	Объект казался старше своего реального возраста	16,7% (2)	62,5% (25)	20,6% (7)	16,288	<0,001
Степень близости к педофильному объекту						
3	Незнакомые дети	25% (3)	84,1% (37)	17,6% (6)	39,634	0,001
Характер аномального сексуального поведения						
4	До 5 контактов с одним и тем же педофильным объектом	50% (6)	77,3% (34)	20,6% (7)	25,521	<0,001

5	Экзгибиционистские акты	0% (0)	36,4% (16)	5,9% (2)	14,081	0,001
<i>Характер аномальной сексуальной идеаторной активности, связанной с объектом</i>						
6	Эротические фантазии	33,3% (4)	65,9% (27)	20,6% (7)	16,2	<0,001
7	Эротические сновидения	0% (0)	19,5% (8)	0% (0)	8,863	0,008
8	Навязчивые воспоминания	25% (3)	29,3% (12)	0% (0)	14,211	0,001
<i>Характер несексуального взаимодействия с объектом</i>						
9	Происходило по собственной инициативе	91,7% (11)	94,4% (17)	67,7% (21)	5,722	0,046
10	Единичные контакты вне сексуального контекста	0% (0)	38,9% (7)	3,2% (1)	11,973	0,001
<i>Степень адаптации в нормативных сексуальных отношениях</i>						
11	Отсутствие зрелых партнеров в течение жизни	16,7% (2)	22,7% (10)	2,9% (1)	6,585	0,036

Примечания: *df = 2; А – идентифицирующийся тип восприятия объекта, Б – аутоэротический тип восприятия объекта, В – манипулятивный тип восприятия аномального объекта

При аутоэротическом типе восприятия объекта деперсонификация объекта, в сравнении с другими типами, наиболее представлен в виде инструментального использования объекта, на что указывает выбор ранее незнакомого объекта, искаженное восприятие его возраста, замена объекта после разовых дистантных контактов, сужение несексуального взаимодействия до единичных взаимодействий, при более выраженном идеаторном компоненте аномальной сексуальности и дезадаптации в нормативных отношениях.

Испытуемые с *идентифицирующимся* восприятием объекта отличались от группы испытуемых с другими типами восприятия объекта при педофилии в целом тем же, что и от группы испытуемых без педофилии: они чаще вступали в сексуализированное взаимодействие в форме петтинга ($p=0,013$) и платонических

контактов ($p=0,001$) с мальчиками ($p=0,001$), которые были им ранее знакомы ($p=0,003$), что частично соответствовало их эротическим фантазиям ($p=0,001$). Тем не менее, в данном варианте сравнения более полно раскрывается картина образа педофильного объекта – испытуемым этого типа он кажется невинным, искренним ($p=0,038$), душевным, уютным ($p=0,002$), общительным и дружелюбным ($p=0,024$), его возраст оценивается близко к реальному ($p=0,001$), ещё испытуемые отмечали наличие особой связи с объектом ($p=0,002$). При этом они чаще прибегали к вербальным способам вовлечения в сексуальное взаимодействие ($p=0,013$), но также чаще похищали ребенка ($p=0,018$). Они охотнее проводили время с объектом вне эротического контекста, организовывали и проводили совместные игры, обсуждали общие темы, при этом общение велось на равных, на темы, интересующие детей ($p=0,001$). Описанные различия представлены в таблице 8.

Таблица 8. Сравнение группы с идентифицирующимся типом восприятия объекта предпочтения и групп испытуемых с другими типами восприятия объекта

№	Параметр	А (n)	Б (n)	В (n)	χ^2	p
Особенности субъективного описания						
1	Невинный, искренний	58,3% (7)	20,6% (7)	20% (5)	6,512	0,038
2	Душевный, теплый, уютный	50% (6)	11,8% (4)	4% (1)	10,981	0,002
3	Общительный, дружелюбный	66,7% (8)	32,4% (11)	20% (5)	7,466	0,024
Степень близости к педофильному объекту						
4	Знакомые дети, не родственники	66,7% (8)	15,9% (7)	20,6% (7)	11,528	0,003
Субъективная оценка возраста						
5	Соответствует реальному возрасту	83,3% (10)	35% (14)	79,4% (27)	18,161	0,001
Субъективная оценка отношений с объектом						
6	Наличие особой межличностной связи с объектом	70% (7)	15,8% (3)	9,5% (2)	12,371	0,002
Способ вовлечения объекта в сексуальное взаимодействие						
7	Вербальные способы (убеждение, обман, сделка)	100% (12)	73,2% (30)	94,1% (32)	7,908	0,013
8	Похищение	16,7% (2)	0% (0)	0% (0)	6,732	0,018

<i>Характер аномального сексуального поведения</i>						
9	Только гомосексуальные педофильные контакты	75% (9)	31,8% (14)	14,7% (5)	14,107	0,001
10	Эротико-платонические контакты (прогулки, совместное времяпрепровождение, объятия и поцелуи)	83,3% (10)	6,8% (3)	17,6% (6)	27,25	0,001
11	Петтинговые контакты	100% (12)	59,1% (26)	73,5% (25)	8,45	0,013
<i>Характер аномальной сексуальной идеаторной активности</i>						
12	Фантазии о платонических контактах	66,7% (8)	9,1% (4)	11,8% (4)	17,155	0,001
<i>Характер несексуального взаимодействия с объектом</i>						
13	Совместные игры, общения на равных	83,3% (10)	44,4% (8)	12,5% (4)	19,975	0,001

Примечания: *df = 2; А – идентифицирующийся тип восприятия объекта, Б – аутоэротический тип восприятия объекта, В – манипулятивный тип восприятия аномального объекта

Глубина деперсонификации у испытуемых с идентифицирующимся типом восприятия объекта характеризуется более детально при сравнении с другими испытуемыми с педофильным влечением. Идеализированный образ объект наделен не только такими чертами, как искренность и невинность, но также душевностью и дружелюбием, с формированием особой межличностной связи, несмотря на посредственное знакомство с объектом. Также, с учетом гомосексуального выбора объекта, петтингового и эротико-платонического характера аномальных сексуальных контактов, выявляется инфантилизм сексуальной сферы, который сочетается с признаком общей инфантильности в виде совместных игр и общения на равных вне сексуального контекста. Подобная картина комплексной незрелости может указывать несформированность способностей воспринимать объект притязаний как личность, учитывать его

намерения и желания, и действовать в соответствии с этим пониманием. На деперсонифицированное восприятие объекта предпочтения также указывает большая частота похищений детей у испытуемых данного типа восприятия аномального объекта.

3.6. Клинико-онтогенетическая концепция континуальности феномена деперсонификации при педофилии

Результаты исследования показывают наличие как общих, так и частных статистически значимых различий типов педофилии от группы сопоставления (без педофилии), а также между типами. Общий феномен, различающий испытуемых с педофильным расстройством и испытуемых без расстройств сексуальных предпочтений – *деперсонификация объекта сексуального предпочтения*.

Полученные результаты позволяют интерпретировать его как выбор пассивного партнера для сексуального контакта, хотя последний сам по себе не может считаться патологическим – в культурных стереотипах исторически устоялось представление об активной и пассивной ролях сексуальных партнеров, обычно сопоставляющихся с пенетрирующим и пенетрируемым субъектами (McAnulty R.D., Burnett M.M., 2006). В современном информационном дискурсе также сложилось представление о ребенке – жертве сексуального насилия как о пассивном объекте (Stelzmann D., Jahnke S., Kuhle L.F., 2020). Показано, что только явно негативная реакция ребенка (плач) затрудняет сексуальный контакт сексуальных преступников, растлителей малолетних. Пассивная реакция или отсутствие реакции ребенка воспринимаются ими как согласие на контакт (Stermac L.E., Segal Z.V., 1989; Ward T. и др., 1995). Однако, метаанализ валидности фаллометрического тестирования сексуального влечения к детям показал, что реакции на стимулы с изображением сексуальных контактов с пассивным ребенком статистически достоверно дифференцируют наличие педофильного, педо-эфебофильного и эфебофильного влечения (McPhail I.V. и др., 2019).

Феномен деперсонификации сексуального объекта подробно описан как комплексный и системообразующий для парафилий в целом: степень

деперсонализации соответствует глубине нарушений партнерской нормы при различных вариантах аномального сексуального влечения и характеризует фиксацию все более ранних форм сексуального поведения, от откровенно аутоэротических, полностью исключаящих партнерское взаимодействие (фетишизм, вуайеризм), до более сложных девиантных комплексов с различной степенью вовлеченности объекта в эротическую активность (эксгибиционизм, фроттеризм, педофилия, садизм) (Ткаченко А.А., 1999). Деперсонализация определяет выбор объекта сексуальной активности – другие параметры, в том числе частота и форма аномальной активности, не являясь столь устойчивыми, различаясь в зависимости от типа восприятия объекта, выполняют вторичную роль для реализации педофильного поведения, что подтверждается полученными данными о вариативности параметров, отличных от восприятия объекта. Данный феномен является клинико-онтогенетическим, указывая на связь аномального восприятия объекта с индивидуальным развитием, наиболее полно раскрывающейся при рассмотрении её в рамках Теории восприятия Другого или Модели психического.

Понятие о психическом онтогенезе, о формировании когнитивных функций, в том числе в рамках социального познания, рассматривается концепцией Модели психического (Theory of Mind), включающей в себя изучение ментальных способностей:

- приписывать психические состояния как себе, так и другим;
- распознавать психические состояния по их внешним проявлениям в поведении («Она улыбается, наверное, ей это нравится»);
- связывать эти психические состояния между собой для объяснения и прогнозирования поведения других людей («он думает, что я забыл», «я пошел туда, потому что я знаю...») (Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И., 2020).

Н.М. Wellman и D. Liu (2004) выделяют 5 ступеней Шкалы формирования Модели психического (ToM Scale) (схематично представлено на рисунке 11).

Первая ступень шкалы – разделение желаний: субъект способен допустить суждение о том, что двое могут иметь желания в отношении одного и того же объекта. Например, если субъект желает взять предмет в руку, то другой человек тоже может хотеть его взять.

Вторая ступень – разделение убеждений: субъект может допустить суждение о том, что двое могут иметь различные убеждения в отношении одного и того же объекта, не зная при этом наверняка, какое убеждение истинное. Например, субъект считает, что в закрытом ящике находится предмет А, и при этом допускает, что другой человек может ожидать найти там объект Б.

Третья ступень – разделение допуска к информации: субъект способен понимать, что, если он получил некоторую информацию, то другие люди могут оставаться неосведомленными в ней. Например, субъект достоверно знает, что за объект находится в ящике и понимает, что другой человек по-прежнему может этого не знать.

Четвертая ступень – понимание ложных убеждений: субъект может допустить, что других людей возможно ввести в заблуждение. Например, субъект знает, что в ящике, подписанным «Объект Б», находится объект А, и понимает, что другой человек может искать в этом ящике объект Б, а не объект А.

Пятая ступень – понимание скрытых эмоций: субъект способен понимать, что человек может демонстрировать одну эмоцию и при этом испытывать противоположную. Например, если субъект видит улыбку на лице другого человека, он понимает, что это не обязательно означает, что этот человек весел.

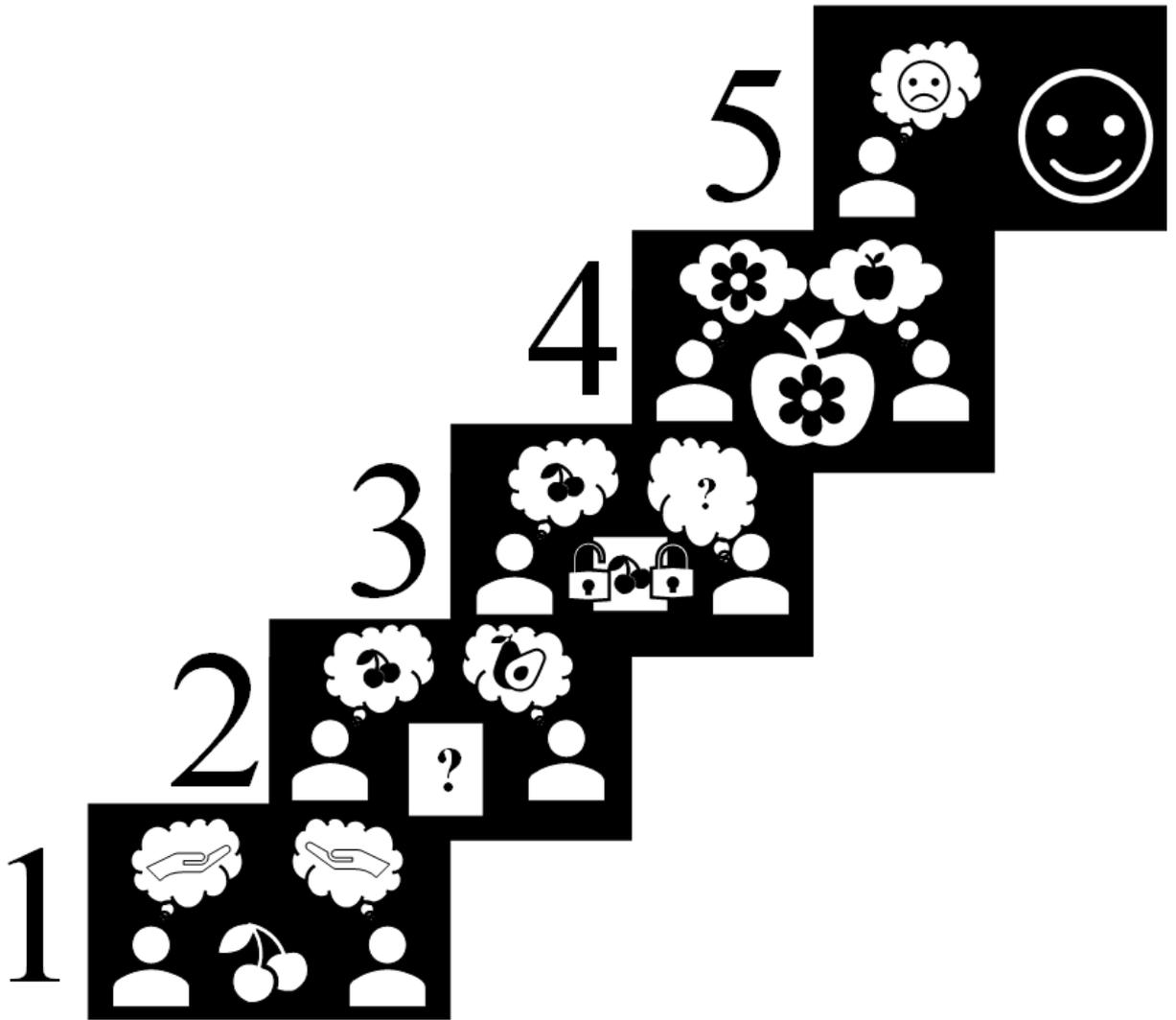

Рисунок 11. Формирование Модели психического, согласно шкале Н.М. Wellman и D. Liu (2004)

Сопоставление нарушений восприятия Другого при педофилии в виде разных вариантов деперсонификации объекта сексуального предпочтения с пятиступенчатой шкалой формирования Модели психического (Wellman Н.М. и Liu D., 2004) показывает континуальный характер данного феномена аномальной сексуальности.

Для *манипулятивного* типа характерно нарушение пятой ступени формирования Модели психического – согласие объекта на сексуальное взаимодействие под действием манипуляций воспринималось как истинное, переживания объекта в рамках сексуальной стимуляции субъективно интерпретировались как положительные, с игнорированием манипулятивной,

насильственной основы отношений, что также являлось причиной неудачи в нормативных отношениях.

Для *аутоэротического* типа характерно нарушение третьей ступени формирования Модели психического в виде неразделения информированности, включающей опыт и знания об эротических переживаниях и сексуальных отношениях: объект сексуальных притязаний казался субъекту столь же сексуально компетентным, как и он сам, по причине чего коммуникация с объектом максимально редуцировалась.

Идентифицирующийся тип демонстрирует нарушение формирования Модели психического с первой ступени – собственные желания и суждения приписывались объекту. Коммуникация со сверстниками в виду незрелости Модели психического была затруднена, референтной группой становились дети.

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТА СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Психологическое тестирование прошли 85 испытуемых из общей выборки (64,89%), из них у 66 (77,65%) было выявлено педофильное влечение (группа 1), а у 19 (22,35%) не было расстройств сексуального предпочтения (группа 2). Группы не различались по возрасту ($p=0,263$), уровню образования ($p=0,925$), трудовой занятости ($p=0,392$) и коморбидным психическим расстройствам ($p=0,22$).

По результатам Цветового теста отношений (Эткинд А.М., 1980) *между группами испытуемых с педофильным влечением и без него* был получен ряд различий в частоте пересечений между стимулами, отражающими отношение к образам детей, подростков, женщин и мужчин, отца и матери, а также к стимулам с сексуальным значением. При выполнении теста некоторые испытуемые испытывали затруднения с подбором цветовых ассоциаций к отдельным стимулам, в связи с чем у данных испытуемых значения пересечений с такими стимулами фиксировались как пропущенные. Процентные соотношения посчитаны с учетом только тех испытуемых, которые дали цветовые ассоциации на каждый из стимулов пары. Анализировались как статистически значимые различия ($p<0,05$), так и тенденции к различиям ($p<0,075$). Результаты сравнения представлены в таблице 9.

Таблица 9. Пересечения между стимулами в группах лиц с педофилией и без расстройств сексуального предпочтения

№	Стимул 1	Стимул 2	Группа 1	Группа 2	χ^2	p
Стимулы, характеризующие образ ребенка						
1	Ребенок	Спокойствие	15 (22,7%)	9 (47,4%)	4,421	0,046
2	Мальчик	Нерешительность	12 (18,8%)	0 (0%)	4,165	0,059
3	Мальчик	Пассивность	11 (16,9%)	0 (0%)	3,7	0,062
4	Девочка	Сочувствие	11 (17,2%)	0 (0%)	3,765	0,061
5	Мальчик-подросток	Решительность	5 (8,9%)	4 (28,6%)	3,857	0,071
6	Девочка-подросток	Уравновешенность	12 (21,4%)	7 (50%)	4,623	0,045
Стимулы, характеризующие образы взрослых						
1	Мужчина	Неуспех	15 (23,1%)	0 (0%)	5,338	0,018

2	Мужчина	Злоба	12 (18,8%)	0 (0%)	4,165	0,059
3	Мужчина	Непривлекательность	11 (17,2%)	0 (0%)	3,765	0,061
4	Мужчина	Неприятный человек	11 (16,9%)	0 (0%)	3,7	0,062
5	Женщина	Тепло	35 (53,8%)	5 (26,3%)	4,467	0,04
6	Отец	Холод	3 (4,8%)	4 (21,1%)	4,843	0,049
7	Отец	Сила	19 (30,6%)	11 (57,9%)	4,631	0,055
8	Отец	Неуспех	12 (18,8%)	0 (0%)	4,165	0,059
9	Отец	Злоба	11 (17,5%)	0 (0%)	3,831	0,06
10	Отец	Упорство	13 (20,3%)	8 (42,1%)	3,682	0,073
11	Мать	Друг	30 (46,9%)	3 (15,8%)	5,911	0,017
12	Мать	Сочувствие	20 (31,3%)	1 (5,3%)	5,235	0,033
13	Мать	Успех	27 (41,5%)	3 (15,8%)	4,246	0,056
14	Мать	Доброжелательность	37 (56,9%)	6 (31,6%)	3,78	0,069
15	Мать	Приятный человек	33 (50,8%)	5 (26,3%)	3,549	0,071
Стимулы с сексуальным значением						
1	Секс	Риск	18 (27,7%)	0 (0%)	6,697	0,009
2	Секс	Власть	13 (20,6%)	0 (0%)	4,659	0,032
3	Секс	Успех	32 (49,2%)	4 (21,1%)	4,767	0,036
4	Секс	Решительность	18 (27,7%)	1 (5,6%)	3,913	0,059
5	Секс	Боль	11 (16,9%)	0 (0%)	3,7	0,062
6	Сексуальная удовлетворенность	Девочка-подросток	9 (16,1%)	7 (50%)	7,312	0,012
7	Сексуальная удовлетворенность	Ребенок	28 (43,1%)	2 (10,5%)	6,785	0,013
8	Сексуальная удовлетворенность	Решительность	20 (30,8%)	1 (5,6%)	4,742	0,033
9	Идеальный сексуальный партнер	Тепло	36 (55,4%)	5 (26,3%)	4,972	0,036
10	Оргазм	Смерть	0 (0%)	3 (15,8%)	10,643	0,01
11	Оргазм	Приятный человек	29 (44,6%)	3 (15,8%)	5,18	0,031
12	Оргазм	Тепло	30 (46,2%)	4 (21,1%)	3,845	0,064

Примечания: $df=1$; полужирным шрифтом отмечено более частое выявление связи пары стимулов

У испытуемых без педофилии отмечались пересечения образов «ребенок», «мальчик-подросток» и «девочка-подросток» со словами «спокойствие», «решительность» и «уравновешенность» ($p \leq 0,071$). Выявление подобных ассоциаций, семантически отражающих нейтральное эмоциональное отношение, с образами, характеризующими детей разного возраста и пола, показывает их равнозначность без выделения ребенка как фиксированного объекта предпочтения. Также были выявлены психологические признаки близости образа объекта

сексуального предпочтения к условно нормативному в виде связи словосочетания «сексуальное удовлетворение» и образа «девочки-подростка» ($p=0,012$).

Лица с педофильным влечением отличались сексуализированным восприятием образа ребенка (пересечение «сексуальная удовлетворенность» – «ребенок», $p=0,013$), он воспринимался как пассивный, подчиняемый объект (пересечения образа «мальчик» со словами «пассивность», «нерешительность», а также образа «девочка» со словом «сочувствие», $p\leq 0,062$), сексуальная сфера чаще имела амбивалентную эмоциональную окраску и ассоциативные характеристики доминантных отношений (пересечения стимула «секс» со словами «власть», «успех», «решительность», «риск», «боль», $p\leq 0,062$). Также у данной группы были выявлены психологические признаки неприятия мужской половой роли (образы «мужчина», «отец» пересекались с ассоциациями «злоба», «неуспех», «непривлекательность», $p\leq 0,061$) и сохранения привязанности к матери (связь слов «мать» и «друг», «сочувствие», «успех», «доброжелательность», «приятный человек», $p\leq 0,071$). Указанные психологические особенности подтверждают клинические данные о деперсонализации объекта предпочтения при педофилии, а также более полно раскрывают онтогенетические нарушения, выявляя инфантильную зависимость от образа матери и конфликтную интериоризацию мужской половой роли.

Выявленные психологические особенности характеризуют испытуемых с педофилией как единую группу. В соответствии с идеей о специфике восприятия объекта разными типами педофилов, субъективное восприятие детских, взрослых и сексуальных стимулов может быть лучше раскрыто при сравнении с учетом клинко-онтогенетической типологии восприятия объекта при педофилии (см. главу 3).

Было проведено сравнение подгрупп, составляющих группу испытуемых с педофилией, *в соответствии с клинко-онтогенетической типологией*: 11 испытуемых были с идентифицирующимся, 27 – с аутоэротическим и 28 – с манипулятивным восприятием аномального объекта. Подгруппы не различались по возрасту ($p=0,662$), уровню образования ($p=0,581$), трудовой занятости ($p=0,907$)

и коморбидным психическим расстройствам ($p=0,679$). Результаты сравнения представлены в таблице 10.

Таблица 10. Пересечения между стимулами в подгруппах с педофильным влечением в соответствии с клинико-онтогенетической типологией

№	Стимул 1	Стимул 2	А (%)	Б (%)	В (%)	χ^2	P
Стимулы, характеризующие образ ребенка							
1	Ребенок	Девочка	4 (36,4%)	9 (33,3%) ^c	18 (66,7%) ^c	6,586	0,037
2	Мальчик	Грубость	0 (0%)	4 (14,8%)	0 (0%)	4,518	0,065
3	Девочка	Боязнь	0 (0%)	0 (0%)	4 (14,8%)	4,518	0,065
4	Девочка	Тревога	2 (18,2%) ^a	0 (0%) ^a	1 (3,7%)	4,518	0,072
5	Девочка	Горе	2 (18,2%) ^a	0 (0%) ^a	1 (3,7%)	4,518	0,072
6	Мальчик-подросток	Не похож на «меня»	2 (22,2%) ^a	0 (0%) ^{ac}	8 (32%) ^c	8,925	0,007
7	Мальчик-подросток	Тепло	4 (44,4%) ^b	6 (28,6%)	2 (7,7%) ^b	6,466	0,029
8	Мальчик-подросток	Непривлекательность	0 (0%)	1 (4,8%) ^c	7 (26,9%) ^c	5,316	0,066
9	Мальчик-подросток	Упорство	1 (11,1%)	8 (38,1%) ^c	3 (11,5%) ^c	4,942	0,074
10	Девочка-подросток	Добро	4 (44,4%) ^a	1 (4,8%) ^{ac}	10 (38,5%) ^c	9,214	0,01
11	Девочка-подросток	Нежность	1 (11,1%)	2 (9,5%) ^c	12 (46,2%) ^c	8,691	0,011
12	Девочка-подросток	Праздник	4 (44,4%)	4 (19%) ^c	14 (53,8%) ^c	6,085	0,05
13	Девочка-подросток	Счастье	3 (33,3%)	3 (14,3%) ^c	12 (46,2%) ^c	5,46	0,072
Стимулы, характеризующие образы взрослых							
1	Мужчина	Смерть	1 (9,1%)	7 (25,9%) ^c	1 (3,7%) ^c	5,356	0,045
2	Мужчина	Зло	2 (20%)	7 (25,9%) ^c	1 (3,7%) ^c	5,53	0,063
3	Мужчина	Горе	2 (18,2%)	7 (25,9%) ^c	1 (3,7%) ^c	5,408	0,069
4	Мужчина	Неуспех	2 (18,2%)	10 (37%) ^c	3 (11,1%) ^c	5,025	0,07
5	Женщина	Риск	6 (54,5%) ^{ab}	6 (22,2%) ^a	4 (14,8%) ^b	6,075	0,038
6	Женщина	Враги	3 (33,3%) ^b	2 (9,1%)	1 (3,8%) ^b	5,097	0,05
7	Женщина	Неприятный человек	2 (18,2%) ^a	0 (0%) ^a	4 (14,8%)	5,367	0,07
8	Женщина	Неудовольствие	2 (18,2%) ^a	0 (0%) ^a	1 (3,7%)	4,416	0,074
9	Юноша	Сочувствие	5 (55,6%) ^{ab}	2 (9,5%) ^a	3 (11,5%) ^b	8,187	0,019
10	Юноша	Решительность	0 (0%)	0 (0%) ^c	6 (23,1%) ^c	6,666	0,022

11	Юноша	Неуспех	0 (0%)	0 (0%) ^c	5 (19,2%) ^c	5,179	0,059
12	Девушка	Доброжелательность	2 (22,2%)	1 (4,5%) ^c	10 (38,5%) ^c	8,028	0,011
13	Девушка	Опасность	3 (33,3%) ^{ab}	0 (0%) ^a	1 (4%) ^b	7,597	0,011
14	Девушка	Счастье	6 (66,7%) ^a	4 (18,2%) ^a	11 (42,3%)	6,952	0,031
15	Девушка	Радость	4 (44,4%)	4 (18,2%) ^c	14 (53,8%) ^c	6,643	0,038
16	Девушка	Упорство	1 (11,1%)	1 (4,5%) ^c	8 (30,8%) ^c	5,565	0,044
17	Отец	Друг	5 (45,5%) ^a	4 (15,4%) ^{ac}	15 (57,7%) ^c	10,412	0,005
18	Отец	Активность	6 (54,5%) ^a	3 (11,1%) ^a	6 (23,1%)	7,447	0,019
19	Отец	Неудовольствие	1 (9,1%)	10 (38,5%) ^c	2 (7,7%) ^c	7,796	0,022
20	Отец	Избегаю быть таким	0 (0%)	6 (22,2%)	1 (4,2%)	4,656	0,072
21	Мать	Успех	1 (9,1%) ^a	17 (63%) ^{ac}	9 (33,3%) ^c	10,561	0,005
22	Мать	Безопасность	0 (0%) ^{ab}	10 (40%) ^a	12 (44,4%) ^b	8,184	0,018
23	Мать	Спокойствие	0 (0%) ^{ab}	12 (44,4%) ^a	10 (37%) ^b	7,941	0,021
24	Мать	Тревога	2 (18,2%) ^{ab}	0 (0%) ^a	0 (0%) ^b	5,8	0,026
Стимулы с сексуальным значением							
1	Секс	Удовольствие	2 (18,2%) ^{ab}	17 (63%) ^a	15 (55,6%) ^b	6,372	0,046
2	Секс	Тревога	0 (0%)	0 (0%)	4 (14,8%)	4,518	0,065
3	Секс	Радость	1 (9,1%) ^{ab}	13 (48,1%) ^a	12 (44,4%) ^b	5,495	0,069
4	Секс	Счастье	3 (27,3%) ^b	12 (44,4%)	18 (66,7%) ^b	5,468	0,074
5	Сексуальное желание	Злоба	1 (10%)	0 (0%) ^c	6 (22,2%) ^c	6,939	0,028
6	Сексуальное желание	Страх	0 (0%)	0 (0%)	4 (14,8%)	4,518	0,065
7	Сексуальная удовлетворенность	Радость	2 (18,2%) ^a	16 (59,3%) ^a	11 (40,7%)	5,489	0,065
8	Сексуальная удовлетворенность	Нежность	2 (18,2%) ^b	13 (48,1%)	16 (59,3%) ^b	5,215	0,068
9	Сексуальная удовлетворенность	Решительность	5 (45,5%) ^b	11 (40,7%) ^c	4 (14,8%) ^{bc}	5,784	0,07
10	Идеальный сексуальный партнер	Безопасность	1 (9,1%) ^{ab}	13 (52%) ^a	13 (48,1%) ^b	6,48	0,037
11	Идеальный сексуальный партнер	Сочувствие	6 (54,5%) ^{ab}	5 (19,2%) ^a	5 (18,5%) ^b	5,467	0,063

12	Идеальный сексуальный партнер	Доверие	5 (45,5%)	16 (61,5%) ^c	8 (29,6%) ^c	5,403	0,064
13	Идеальный сексуальный партнер	Спокойствие	0 (0%) ^{ab}	9 (33,3%) ^a	9 (33,3%) ^b	5,573	0,069
14	Оргазм	Удовольствие	2 (18,2%) ^a	16 (59,3%) ^a	12 (44,4%)	5,266	0,066

Примечания: $df = 2$; А – идентифицирующийся тип восприятия объекта, Б – аутоэротический тип восприятия объекта, В – манипулятивный тип восприятия аномального объекта; ^a – статистически значимые различия на уровне тенденции ($p < 0,75$) между группами А и Б; ^b – статистически значимые различия на уровне тенденции ($p < 0,75$) между группами А и В; ^c – статистически значимые различия на уровне тенденции ($p < 0,75$) между группами Б и В

Для *идентифицирующегося* типа было характерно более негативное эмоциональное отношение к взрослому и детскому образу женского пола («девочка» – «тревога», «горе»; «женщина» – «риск», «враги», «неприятный человек», «неудовольствие»; «девушка» – «опасность»; «мать» – «тревога», $p \leq 0,072$) при более положительной оценке подростковых образов («мальчик-подросток» – «тепло», $p = 0,029$), а также редкой положительной окраске сексуальных отношений.

Для *аутоэротического* типа были характерны менее эмоциональная психологическая оценка детских и подростковых образов при большей идентификации с образом «мальчика-подростка», негативное отношение к мужским образам, нежелание идентифицироваться с отцовской фигурой (связи «мужчина» – «смерть», «зло», «горе», «неуспех»; «отец» – «неудовольствие», «избегаю быть таким», $p \leq 0,072$) и более положительная эмоциональная оценка сексуальной сферы (ассоциации «секс» – «удовольствие», «радость», $p \leq 0,069$).

Для *манипулятивного* типа была характерна более выраженная эмоциональная привлекательность образа девочки-подростка («девочка-подросток» – «нежность», «праздник», «счастье», $p \leq 0,072$) при отсутствии какого-либо значимого отношения к образу маленького ребенка, мужской и женский

образы реже наделялись негативным отношением, сексуальная сфера была окрашена эмоционально положительно («секс» – «удовольствие», «радость», $p \leq 0,069$) с элементами амбивалентности («секс» – «тревога», $p = 0,065$; «сексуальное желание» – «злоба», «страх», $p \leq 0,065$).

Описанные психологические особенности типов подтверждают ранее полученные данные о симптомокомплексах, свойственных педофильному влечению – детский образ воспринимается как более приятный на фоне амбивалентного или отрицательного отношения к мужскому и женскому образам (Демидова Л.Ю., 2017), но в сочетании с клиническими данными, указывают на возможность ранжирования типов в онтогенетическом континууме. Особенности формирования полоролевой идентичности дифференцированы в соответствии с типами и согласуются с их клиническими механизмами. Манипулятивный тип по выявленным психологическим характеристикам оказывается ближе всего к испытуемым без аномального сексуального влечения за счет близости эмоционально значимого образа к нормативному, но амбивалентность восприятия стимулов сексуального содержания отражает трудности поддержания отношений со зрелым объектом. Аутоэротический тип, тем временем, занимает промежуточное положение в виду эмоциональной значимости сексуальности при отсутствии выявленных значимых образов с положительными ассоциациями. При аутоэротическом типе характерно выявление полоролевого конфликта – отторжения мужской половой роли, что затрудняет дальнейшее развитие модели психического и обуславливает дезадаптацию в нормативных отношениях. Идентифицирующийся тип, напротив, оказывается наиболее далек от группы сравнения, учитывая наиболее сниженную эмоциональную значимость сексуальной сферы, преимущественно негативное отношение к образу нормативного объекта.

ГЛАВА 5. ЭЛЕКТРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТА АНОМАЛЬНОГО СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

5.1. Общие паттерны восприятия: исследование вызванных ритмов

Выбор сексуально привлекательного объекта при педофилии основывается на избирательности внимания и субъективной значимости сексуальных объектов, что находит отражение в нейрофизиологических реакциях на эротическую визуальную стимуляцию. Подтверждением этому служат исследования, показавшие положительную корреляцию компонент ERP со значимостью стимулов (Chapman R.M., Bragdon H.R, 1964; Sutton S. и др., 1965; Sutton S. и др., 1967) и процессами внимания (Hillyard S.A. и др., 1973; Rugg M.D. и др., 1987; Luck S.J и др., 2000), и высокую информативность так называемых вызванных ритмов при анализе психопатологических состояний (Başar E. и др., 1997; Ramos-Loyo J. и др., 2009; Başar E., Guntekin B., 2013).

В исследовании приняли участие 47 испытуемых, из них 30 – из группы 1, с педофильным влечением, а 17 – из группы 2, без аномального влечения к детям. Испытуемые первой группы были разделены в соответствии с полом аномального объекта предпочтения на группу 1А – с преимущественным выбором гетеросексуального педофильного объекта (n=17), и 1Б – с преимущественным выбором гомосексуального педофильного объекта (n=13). В соответствии с предположением о связи внимания и субъективной значимости эротических стимулов с исследуемыми показателями ЭЭГ, группу 2 должны были характеризовать реакции на гетеросексуальные нормативные стимулы, группу 1А – реакции на гетеросексуальные педофильные стимулы, группу 1Б – реакции на гомосексуальные педофильные стимулы.

Методика получения дифференциальных показателей делилась на два этапа. На 1-м этапе выявлялись реактивные изменения и ведущий признак, различающий реакции разных групп, и минимизация на этой основе количества используемых

признаков. На 2-м этапе проводилось исключение из анализа изменений, связанных с реакциями на нейтральный стимул.

По результатам анализа динамики изменений для каждого ритма определяли частотные полосы вблизи максимума их выраженности и вычисляли средние показатели мощности этих полос.

Далее, для исключения общего фактора, которым могло быть восприятие цветного изображения, определяли изменения вызванных ритмов относительно действия нейтрального изображения. Для этого у каждого испытуемого из средних значений мощности частотных полос при действии эротических стимулов вычитали средние значения мощности, полученные при действии нейтрального стимула. По этим данным проводился сравнительный статистический анализ исследуемых групп.

Исследование динамики мощности вызванных ритмов по отведениям и группам испытуемых показало закономерную стабильную картину реакций на визуальные эротические стимулы. Это проявилось близкими показателями латентности пиковых значений каждого из вызванных ритмов (дельта, тета, альфа, бета) в разных отведениях и между группами. Вызванный гамма ритм не показал устойчивых реакций, в связи с чем, был исключен из дальнейшего анализа.

На рисунке 12 в качестве примера приведены усредненные по отведениям (рисунок 12, А) и исследуемым группам (рисунок 12, Б) реакции вызванного альфа-ритма, где видно, что латентности максимумов близки.

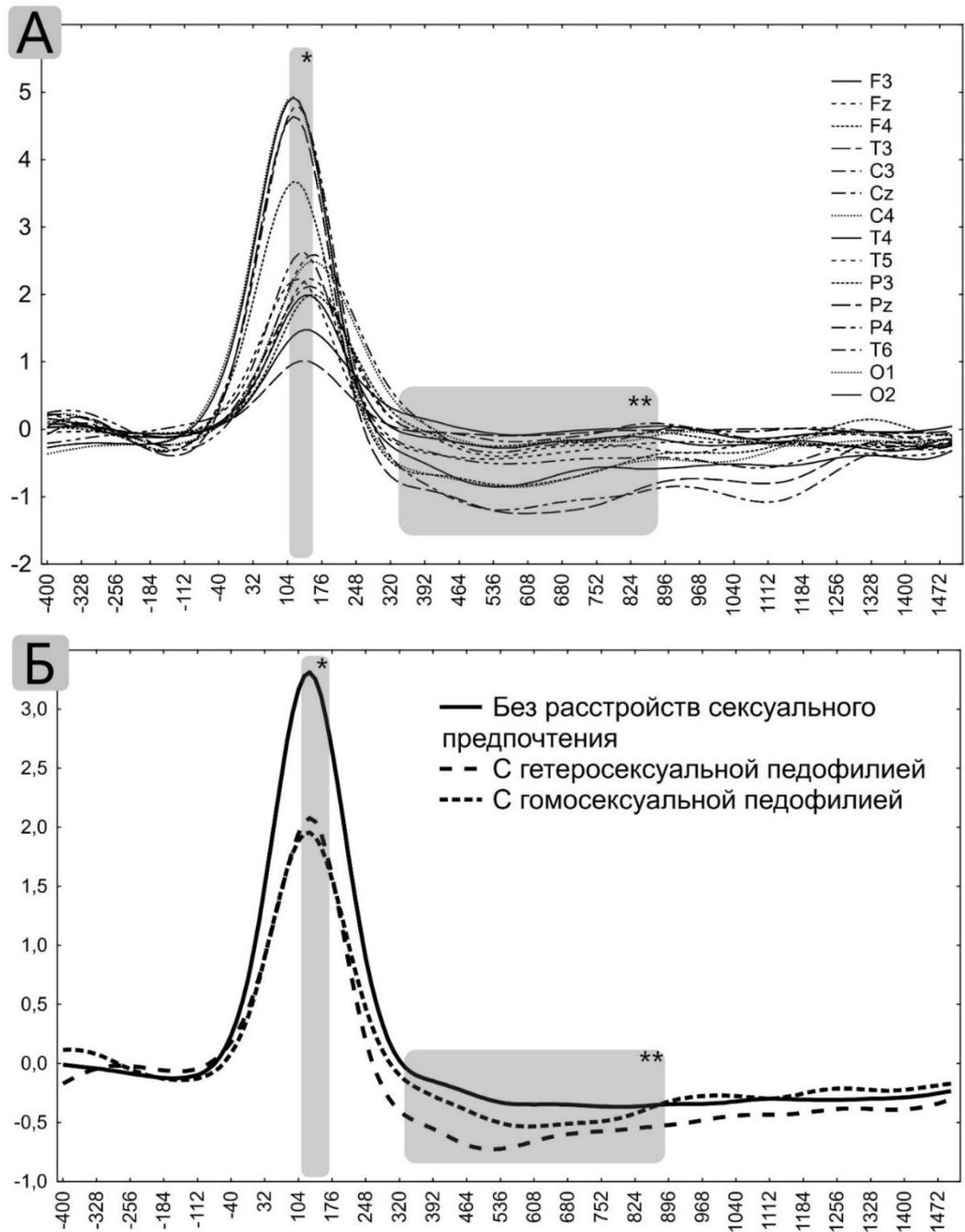

Рисунок 12 (А и Б). Динамика изменений мощности вызванного альфа-ритма при действии визуальных стимулов (представлены все исследуемые отведения)

Примечания: А – в зависимости от отведений; Б – в зависимости от исследуемой группы. Ордината – μV^2 . Абсцисса – мс. Серыми прямоугольниками (*, **) выделены окна полос латентности вызванного альфа-ритма

Полученные данные позволили проводить последующий сравнительный статистический анализ групп на основе исследования средних значений мощности

вызванных ритмов, вычисленных в определенном временном окне (полосе усреднения) вблизи максимума выраженности (таблица 15). Для альфа диапазона было выделено 2 временных окна (рисунок 12): окно 1 (с максимумом 128 мс), мощность которого была выше мощности предстимульного периода, и окно 2 (с максимумом 560 мс), характеризовавшееся снижением мощности относительно предстимульного периода. Изменения остальных ритмов характеризовались одним максимумом (таблица 11).

Таблица 11. Временные параметры вызванных ритмов

Вызванные ритмы	Максимальные значения латентности (мс)	Полоса усреднения латентности (мс)
Дельта	260	176-344
Тета	200	128-392
Альфа ¹	128	104-164
Альфа ²	560	344-920
Бета	104	80-140

Анализ мощности частотных полос, вычисленных по отношению к нейтральному стимулу, показал следующие результаты (рисунок 13).

В группах обнаружены статистически значимые реакции на все слайды эротического содержания. Во 2 группе испытуемых (без педофилии) наибольшее количество реакций в виде значимых изменений вызванных ритмов по отведениям было в ответ на нормативный стимул (25), в группе с педофильным влечением преимущественно к гетеросексуальному аномальному объекту – в отношении стимула с изображением девочки (18), а в группе с педофилией в отношении гомосексуального объекта по количеству реакций выявлялась меньшая дифференцированность: 4 реакции на стимул с изображением мальчика, 12 – на изображения женщины, 8 – на изображения девочки.

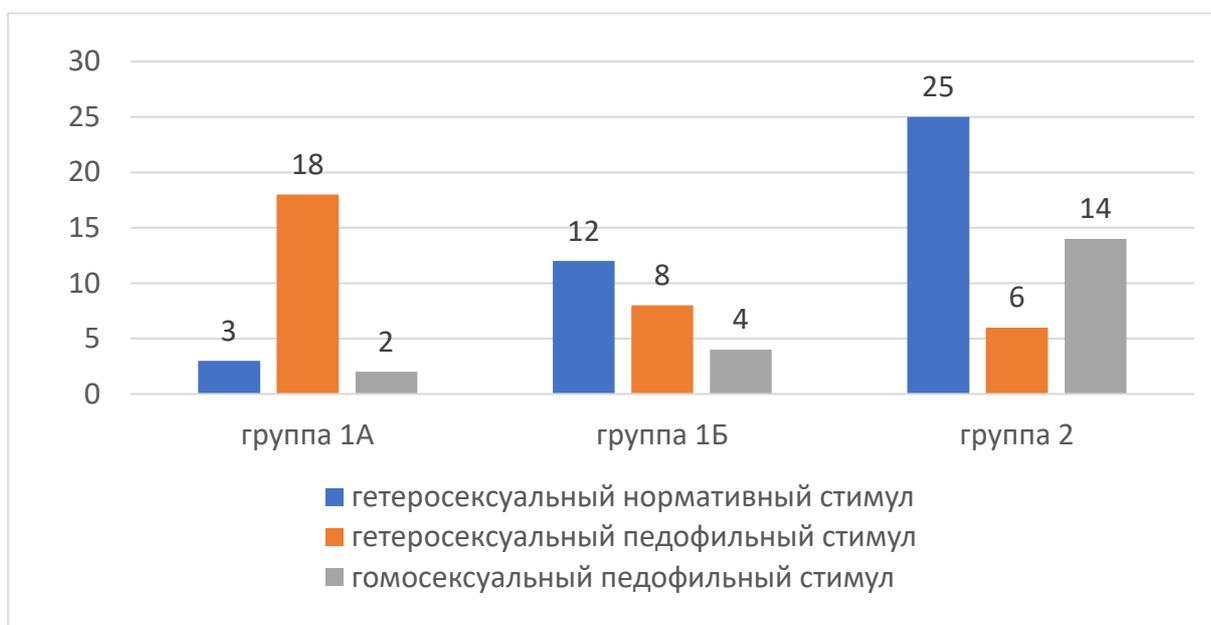

Рисунок 13. Количество статистически значимых изменений вызванных ритмов (ВР) в ответ на разные типы эротических стимулов относительно нейтрального стимула ($p < 0,05$)

В группах с педофилией наблюдалось сниженное количество значимых реакций на специфический раздражитель по сравнению с пациентами без расстройств сексуального предпочтения. Кроме того, в группах с педофилией также было снижено и общее число значимых реакций на все эротические стимулы: если в группе 2 зарегистрировано 45 таких ответов, то в группах 1А и 1Б – 23 и 24, соответственно. В связи с тем, что выявленная тенденция могла отражать снижение общей реактивности испытуемых с расстройствами сексуального предпочтения, было проведено исследование реакций на нейтральный стимул. Полученные результаты не подтвердили это предположение: наибольшее количество статистически значимых реакций встречалось в группе с гетеросексуальной педофилией, а в группах без расстройств сексуального предпочтения и при гомосексуальной педофилии их количество было сопоставимо. Следовательно, снижение реактивности в группе испытуемых с педофилией касалось именно реакции на эротическую визуальную стимуляцию.

Исследование пространственного распределения статистически значимых реакций на специфические стимулы по группам испытуемых (рисунок 14) показало, что оно, в основном, различается для одного и того же вызванного ритма.

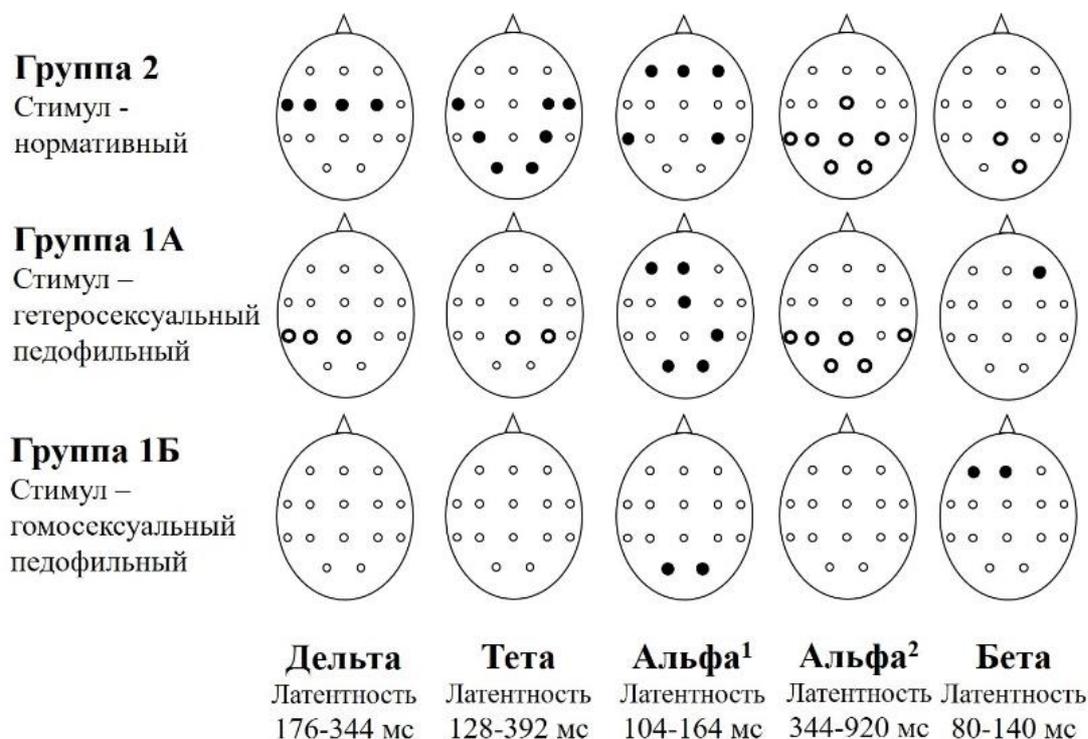

Рисунок 14. Пространственное распределение изменений вызванных ритмов на специфический стимул в отношении нейтрального в исследуемых группах ($p < 0,05$)

Примечания: черные кружки – изменения статистически достоверно выше реакций на нейтральный стимул, светлые – достоверно ниже реакций на нейтральный стимул

Это свидетельствовало о том, что существует характерный для анализируемых групп пространственный паттерн реакций на эротический стимул. Исключение составляли паттерны реакций вызванного альфа-ритма во временном окне 344-920 мс для групп 1А и 2, где отмечалось снижение мощности этого ритма относительно нейтрального стимула в теменно-затылочных областях мозга. Значимые изменения наблюдались для всех анализируемых вызванных ритмов. Таким образом, влияние эротического стимула на вызванные ритмы

характеризовалось не только пространственным, но и частотным паттерном изменений.

Испытуемых без расстройств сексуальных предпочтений характеризовало усиление относительно нейтрального стимула мощности вызванного дельта-ритма в центральных отделах, тета-ритма – в центрально-теменно-затылочных, альфа-ритма во временном окне 104-164 мс – преимущественно, в лобных отделах мозга, и снижение относительно нейтрального стимула вызванного альфа-ритма во временном окне 344-920 мс и бета ритма в теменно-затылочных отделах (рисунок 14).

Испытуемых с гетеросексуальной педофилией характеризовало усиление относительно реакции на нейтральный стимул альфа-ритма во временном окне 104-164 мс в лобно-центральных и теменно-затылочных областях, бета-ритма в правой лобной области, а также ослабление дельта- и тета-ритмов в теменных отделах и альфа-ритма во временном окне 344-920 мс – в теменно-затылочных отделах. Испытуемых с гомосексуальной педофилией характеризовало усиление альфа-ритма во временном окне 104-164 мс в затылочных отделах и бета-ритма – в лобных.

Известна преимущественная связь вызванных дельта- и тета-ритмов с вниманием, ориентировочными реакциями, обработкой информации и принятием решения (Porjesz В. и др., 2005). По данным литературы мотивационная значимость стимула сопровождается усилением активности в дельта-диапазоне (Kolev V. и др., 1997; Knyazev G.G., 2007). Повышение мощности и когерентности дельта-активности у психически здоровых мужчин наблюдалось в центрально-теменных областях при воображении эротических сцен, просмотре эротических фильмов, после однократного введения тестостерона (Tucker D.M., Dawson S.L., 1984; Cohen L.J. и др., 2002; Schutter D.J., van Honk J., 2004). Синхронизация (увеличение мощности) в тета-диапазоне во временном интервале 0-600 мс ассоциируется с эмоциональной активацией (arousal) и дискриминацией эмоциональных стимулов как позитивной, так и негативной валентности (Knyazev G.G., 2007; Aftanas L.I. и др., 2001; Aftanas L.I. и др., 2004). Кроме того, отмечается роль тета-диапазона в

идентификации значимых стимулов, а синхронизация альфа-активности может отражать активацию нейрональных механизмов, вовлеченных в процессы рабочей памяти или ментальной репрезентации событий и объектов (Knyazev G.G., 2007). Есть сведения, что синхронизация альфа-ритма является механизмом торможения отвлекающих факторов как при произвольном, так и непроизвольном фокусировании зрительного внимания (Kelly S.P. и др., 2006). По данным литературы, усиление бета активности может быть связано с активацией коры в связи с эмоциональными реакциями (Guntekin B., Tulay E., 2014).

В целом, выявленные в группе без педофилии изменения вызванных ритмов представляются закономерными и отражают несколько взаимосвязанных компонент сексуального возбуждения (arousal): мотивационный, эмоциональный и когнитивный (Başar E. и др., 2001; Redouté J. и др., 2000) при восприятии эротического стимула.

Восприятие стимула, отражающего визуальный облик предпочтительного объекта сексуальной активности, в группе с педофильным влечением отличается от паттерна группы сопоставления как по количественным характеристикам – числу значимых изменений вызванных ритмов по отведениям, так и по качественным – частотно-пространственному распределению вызванных ритмов. Педофильный нейрофизиологический паттерн восприятия эротического стимула с изображением объекта предпочтения, в сравнении с группой сопоставления (также реагирующей на изображение своего объекта предпочтения), характеризуется сходными и отличными чертами.

Выявляются сходства с паттерном восприятия испытуемых с гетеросексуальным педофильным влечением в виде:

- большего количества достоверных изменений вызванных ритмов по отведениям в ответ на стимул с изображением объекта предпочтения;
- синхронизации альфа-ритма в окне 104-164 мс в лобной и височных областях;

- десинхронизации альфа-ритма в окне 344-920 мс в постцентральных областях.

Выявляются общие различия для паттерна восприятия объединенной группы с педофильным расстройством в виде:

- сниженной реактивности – малого количества достоверных изменений вызванных ритмов по отведениям;
- более низкой синхронизации реакций дельта- и тета-диапазона, ограниченной зоной зрительной коры, сравнимой с восприятием нейтрального стимула при гомосексуальном педофильном влечении, или даже меньшей при гетеросексуальном аномальном влечении;
- синхронизации бета-ритма в лобных отделах.

По современным представлениям, педофилию характеризует сложное взаимодействие расстройств когнитивного, эмоционального и сексуального опыта (Wiebking C., Northoff G., 2013). Исследования мозга выявили свойственные педофилии структурные и функциональные нарушения, ответственные за когнитивные аспекты полового влечения, дифференциацию сексуального предпочтения и контроль поведения (Cohen L.J. и др., 2002). В частности, найдено снижение объема ряда структур мозга, сниженный объем белого вещества и нарушения нейронных связей (dysconnectivity) (Cantor J.M. и др., 2016). В ПЭТ исследованиях было показано снижение уровня метаболизма в лобных и височно-лимбических отделах мозга (Cohen L.J. и др., 2002; Cantor J.M. и др., 2016).

Эти данные объясняют дефицитарность реактивных изменений вызванной активности мозга у испытуемых с педофилией, наиболее выраженную в группе с гомосексуальной педофилией в виде наиболее недифференцированного восприятия стимула с изображением объекта сексуального предпочтения.

Таким образом, выраженность реактивных изменений дельта-, тета-, альфа- и бета-вызванных ритмов является информативным показателем для дифференциации лиц с педофилией. Группы испытуемых характеризуют разные

частотно-пространственные паттерны реакций, статистически значимо отличающиеся от реакций на нейтральный стимул.

5.2. Общие паттерны восприятия: исследование вызванных потенциалов

В исследовании принимали участие 58 праворуких мужчин в возрасте от 20 до 62 лет, совершивших сексуальные действия с детьми. У 38 чел. (группа 1, средний возраст 39.9 ± 9.9 лет) было клинически установлено наличие сексуального влечения в отношении педофильного объекта (препубертатного и раннего пубертатного возраста) согласно критериям МКБ-10 (F65.4, F65.6). У 20 чел. (средний возраст 37.4 ± 12.5 лет), которые составили группу сопоставления (группа 2), расстройств сексуального предпочтения выявлено не было.

Анализ амплитуды и латентности выделенных компонент ВП позволил обнаружить статистически значимые различия в ответ на предъявление эротических стимулов относительно нейтральных в исследуемых группах.

В группе сопоставления нейрофизиологический паттерн визуального восприятия эротических стимулов был представлен постцентральными компонентами N140, P220 и прецентрального компонентами N120 и P320.

Постцентральный компонент N140. В ответ на предъявление эротических стимулов в сравнении с нейтральным было выявлено генерализованное увеличение амплитуды N140 ($p < 0,001$) с более выраженным увеличением амплитуды в правом полушарии ($p < 0,008$). Сравнение средних выявило достоверное ($p < 0,01$) увеличение амплитуды N140 во всех отведениях в ответ на эротические стимулы, однако сравнение того же параметра при предъявлении эротических стимулов разного содержания различий не обнаружило. Также при сравнении средних значений было обнаружено статистически достоверное удлинение латентности N140 на эротические стимулы в сравнении с нейтральным ($p < 0,001$) большей выраженностью в задневисочной и затылочной областях билатерально ($p < 0,01$).

Латентность N140 была значимо выше на педофильный стимул по сравнению с нормативным ($p=0,006$).

Постцентральный P220. Парное сравнение средних показало достоверное снижение амплитуды P220 на эротические стимулы, относительно нейтрального, во всех отведениях ($p \leq 0,015$). Сравнение реакции на эротические стимулы разного содержания выявило значимое снижение амплитуды P220 на педофильные стимулы в сравнении с нормативными ($p=0,006$) (рисунок 15). Также наблюдалось существенное удлинение латентности P220 при сравнении реакции на нейтральные и педофильные стимулы при наиболее выраженных сдвигах в задневисочной области ($p=0,026$).

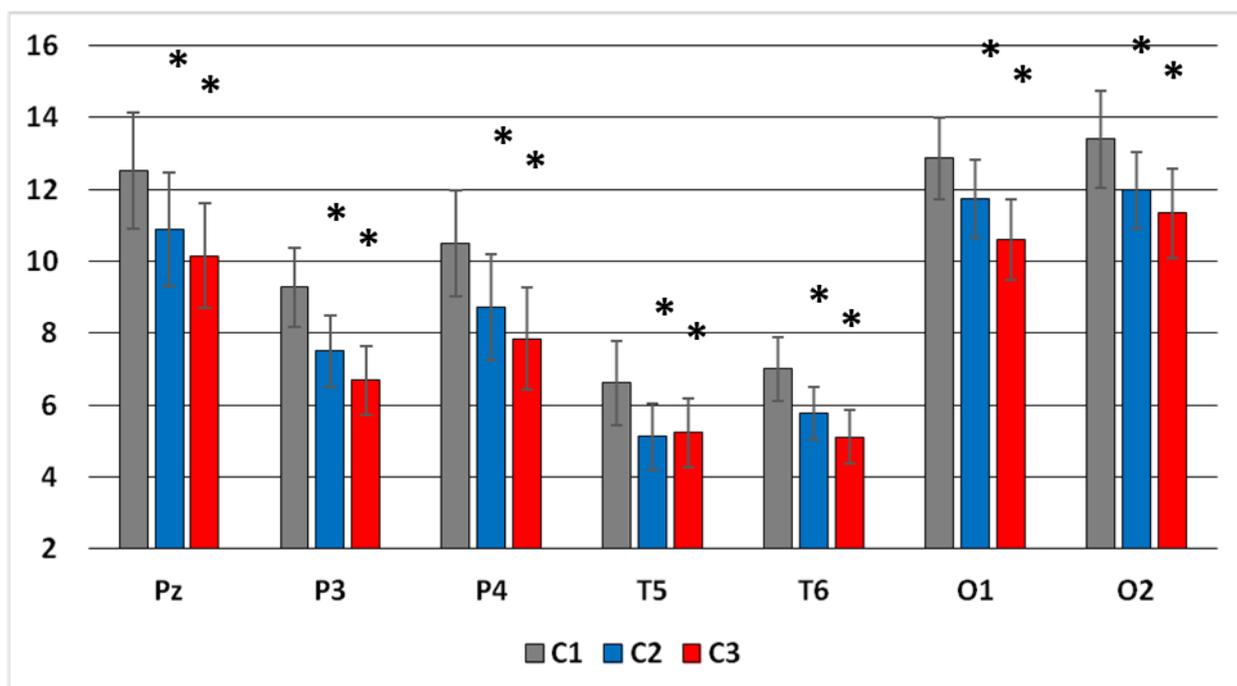

Рисунок 15. Сравнение реакций постцентрального компонента P220 (амплитуда) в группе сопоставления

Примечания: ось абсцисс – отведения; ось ординат – амплитуда P220, мкВ²; C1 – нейтральный стимул, C2 – стимул нормативного эротического содержания, C3 – стимул аномального эротического содержания; * – значимые различия при сравнении эротических стимулов с нейтральным

Прецентральный N120. Апостериорное сравнение показало, что в ответ на нормативный эротический стимул амплитуда N120 увеличивалась относительно нейтрального при достоверных различиях в лобно-центрально-височных отведениях ($p < 0,05$). На стимул педофильного содержания, напротив, амплитуда N120 снижалась относительно нормативного при значимых различиях в лобных и центральных отведениях ($p < 0,05$). При сравнении реакции на нейтральные и педофильные стимулы значимым было возрастание амплитуды в отведениях правого полушария ($p < 0,05$) (рисунок 16).

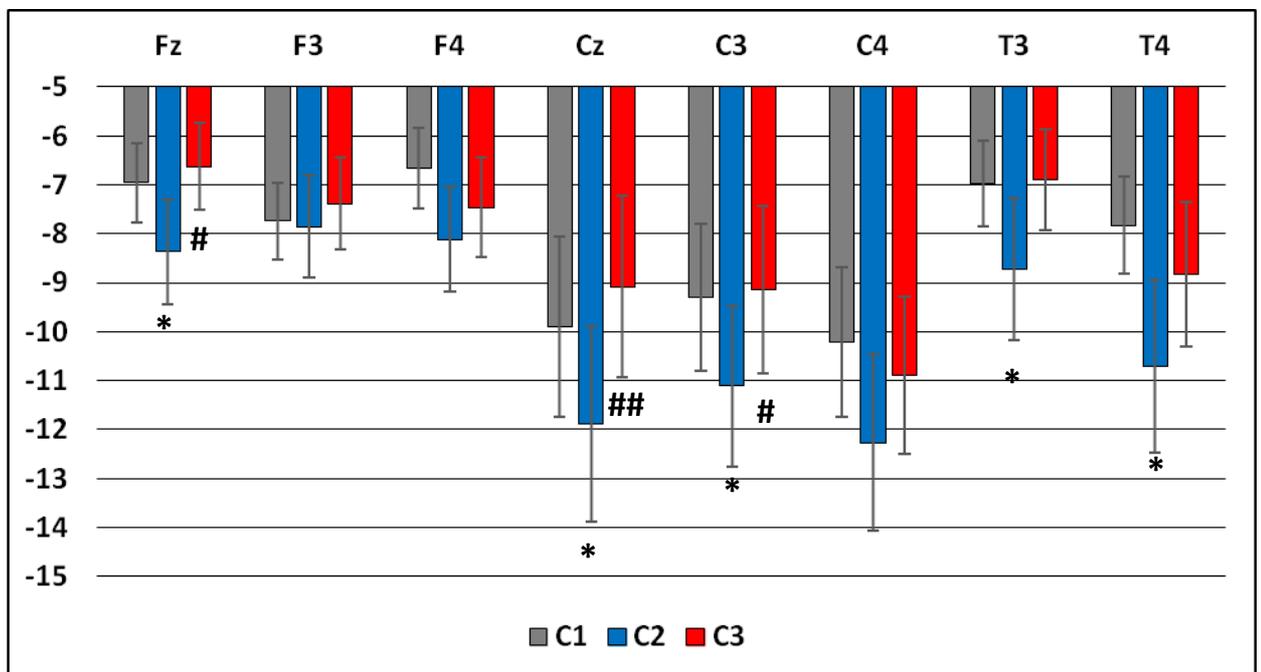

Рисунок 16. Сравнение реакций прецентрального компонента N120 (амплитуды) в группе сопоставления

Примечания: ось абсцисс – отведения; ось ординат – амплитуда N120, мкВ²; C1 – нейтральный стимул, C2 – стимул нормативного эротического содержания, C3 – стимул аномального эротического содержания; # – значимые различия при сравнении C2 и C3; * – значимые различия при сравнении эротических стимулов с нейтральным

Прецентральный P320. Парное сравнение амплитуды P320 показало её увеличение на нормативный эротический стимул относительно нейтрального

($p=0,004$). Сравнение средних значений обнаружило увеличение амплитуды на нормативный стимул в лобных ($p<0,05$), медиальном и правом центральных ($p<0,05$), и в правом височном (Т4, $p<0,05$) отведениях. Сравнение амплитуды Р320 на эротические стимулы разного содержания выявило её снижение на педофильный стимул относительно нормативного ($p=0,004$). Сравнение средних показало значимое снижение амплитуды по отведениям Fz, F3 ($p<0,01$) и Cz ($p<0,05$). В ответ на эротические стимулы латентность Р320 увеличивалась (рисунок 17). Сравнение латентности на нейтральный и нормативный стимулы выявило достоверное удлинение латентности в электродах F3, Cz, C3 ($p<0,05$) и Т3, Т4 ($p<0,01$). В ответ на педофильный стимул латентность Р320 также увеличивалась по сравнению с нейтральным ($p=0,036$), сравнение средних значений показало достоверное удлинение латентности в электродах F3, Cz, C3, Т4 ($p<0,05$).

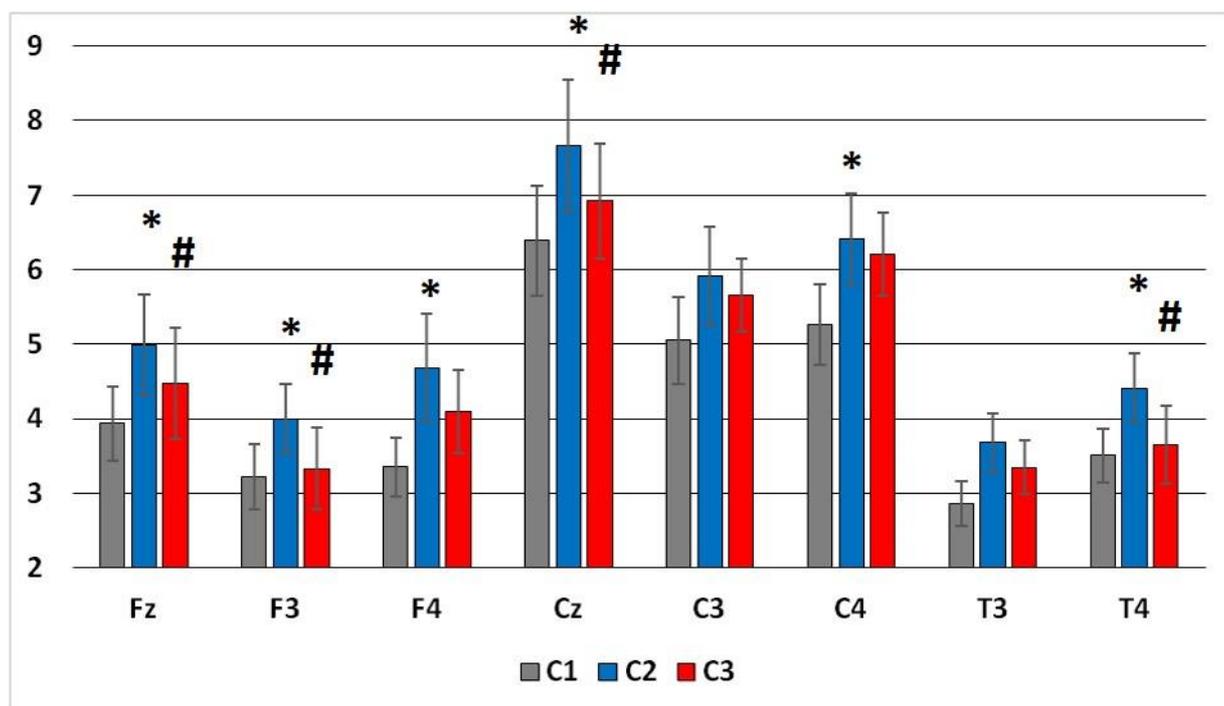

Рисунок 17. Сравнение реакций прецентрального компонента Р320 (амплитуда) в группе сопоставления

Примечания: ось абсцисс – отведения; ось ординат – амплитуда Р320, мкВ²; С1 – нейтральный стимул, С2 – стимул нормативного эротического содержания,

С3 – стимул аномального эротического содержания; # – значимые различия при сравнении С2 и С3; * – значимые различия при сравнении эротических стимулов с нейтральным

В группе испытуемых с педофильным влечением нейрофизиологический паттерн визуального восприятия эротических стимулов был представлен постцентральными компонентами N140, P220 и прецентральной компонентой P320.

Постцентральный компонент N140. В ответ на предъявление эротических стимулов в сравнении с нейтральным наблюдалось высоко достоверное увеличение амплитуды N140 ($p < 0,001$), при этом апостериорное сравнение показало снижение амплитуды N140 на педофильный стимул, достоверное в отведениях правого полушария – P4 ($p = 0,010$), O2 ($p = 0,034$), T6 ($p < 0,001$). В группе с педофилией при сравнении нейтрального и нормативного стимула было выявлено более выраженное увеличение латентности N140 в правом полушарии ($p = 0,008$).

Постцентральный компонент P220. В ответ на предъявление эротических стимулов в сравнении с нейтральным наблюдалось высоко достоверное снижение амплитуды P220 во всех отведениях ($p < 0,005$). Сравнение амплитуды P220 на эротические стимулы разного содержания между собой выявило значимое снижение амплитуды P220 на педофильные стимулы в сравнении с нормативными ($p < 0,001$). Сравнение средних показало значимые различия в затылочных (O1, O2 – $p < 0,001$), теменных (Pz – $p < 0,05$; P4 – $p < 0,01$) и правом задневисочном (T6 – $p < 0,05$) отведениях (рисунок 18). В ответ на эротические стимулы также наблюдалось более выраженное увеличение латентности P220 ($p = 0,001$). При сравнении средних было показано достоверное увеличение латентности на нормативный стимул относительно нейтрального в правом теменном (P4 – $p < 0,01$), правом затылочном (O2 – $p < 0,05$) и левом задневисочном (T5 – $p < 0,01$) отведениях. При сравнении латентности P220 на нейтральный и педофильный стимулы отмечены сходные изменения – наблюдалось достоверное увеличение латентности

на аномальный стимул в правом теменном (P4 – $p<0,05$), правом затылочном (O2 – $p<0,05$) и правом и левом задневисочных (T5, T6 – $p<0,01$) отведениях.

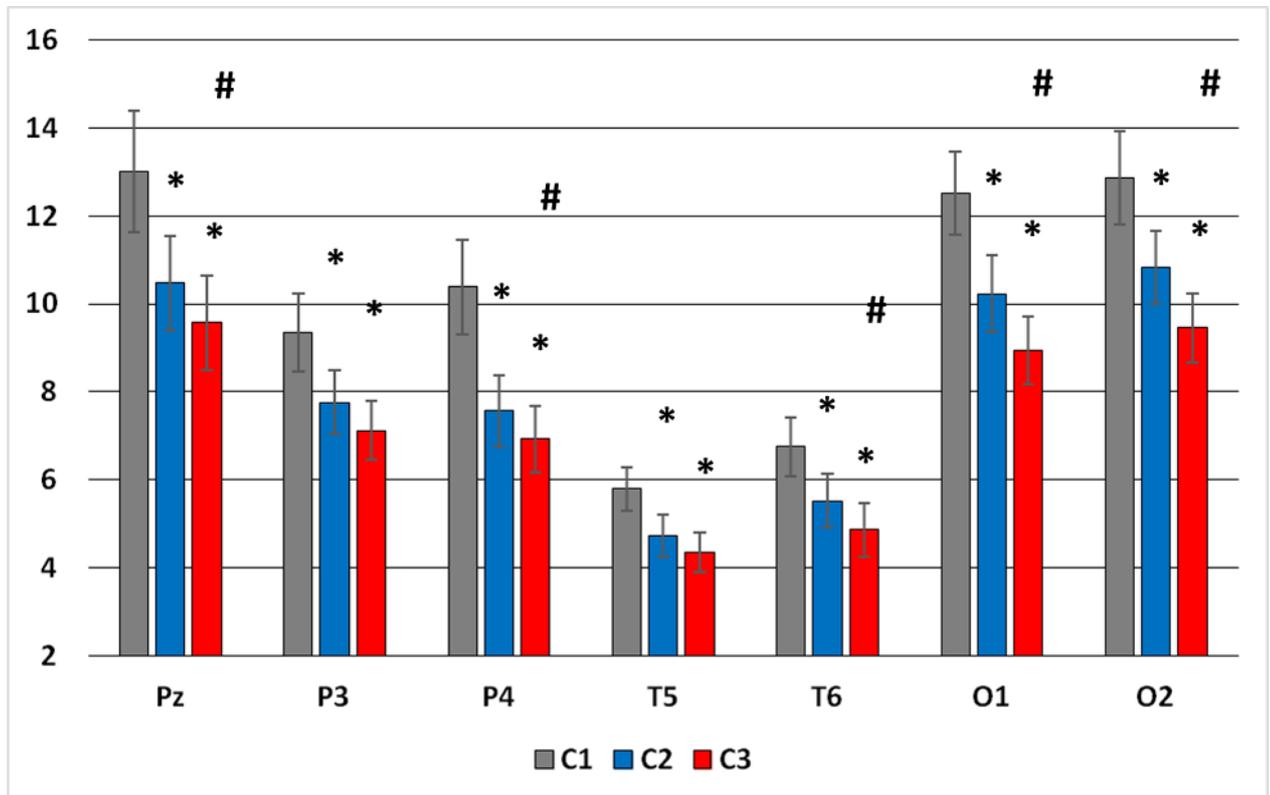

Рисунок 18. Сравнение реакций постцентрального компонента P220 (амплитуда) в группе испытуемых с педофильным влечением

Примечания: ось абсцисс – отведения; ось ординат – амплитуда P220, μV^2 ; C1 – нейтральный стимул, C2 – стимул нормативного эротического содержания, C3 – стимул аномального эротического содержания; # – значимые различия при сравнении C2 и C3; * – значимые различия при сравнении эротических стимулов с нейтральным

Прецентральный P320. В группе с педофилией наблюдалось увеличение амплитуды P320 только в ответ на предъявление нормативных эротических стимулов в сравнении с нейтральными ($p=0,004$), при достоверном увеличении средней амплитуды в лобных электродах Fz, F3 ($p<0,05$), F4 ($p<0,01$), медиальном и правом центральных Cz, C4 ($p<0,01$) и в правом височном T4 ($p<0,05$) электродах. Сравнение реакций на эротические стимулы показало снижение амплитуды на

педофильный стимул ($p=0,004$), которое было существенным в лобных и центральных электродах – Fz, F4 ($p<0,05$), F3, Cz, C3 ($p<0,001$), C4 ($p<0,01$) (рисунок 19).

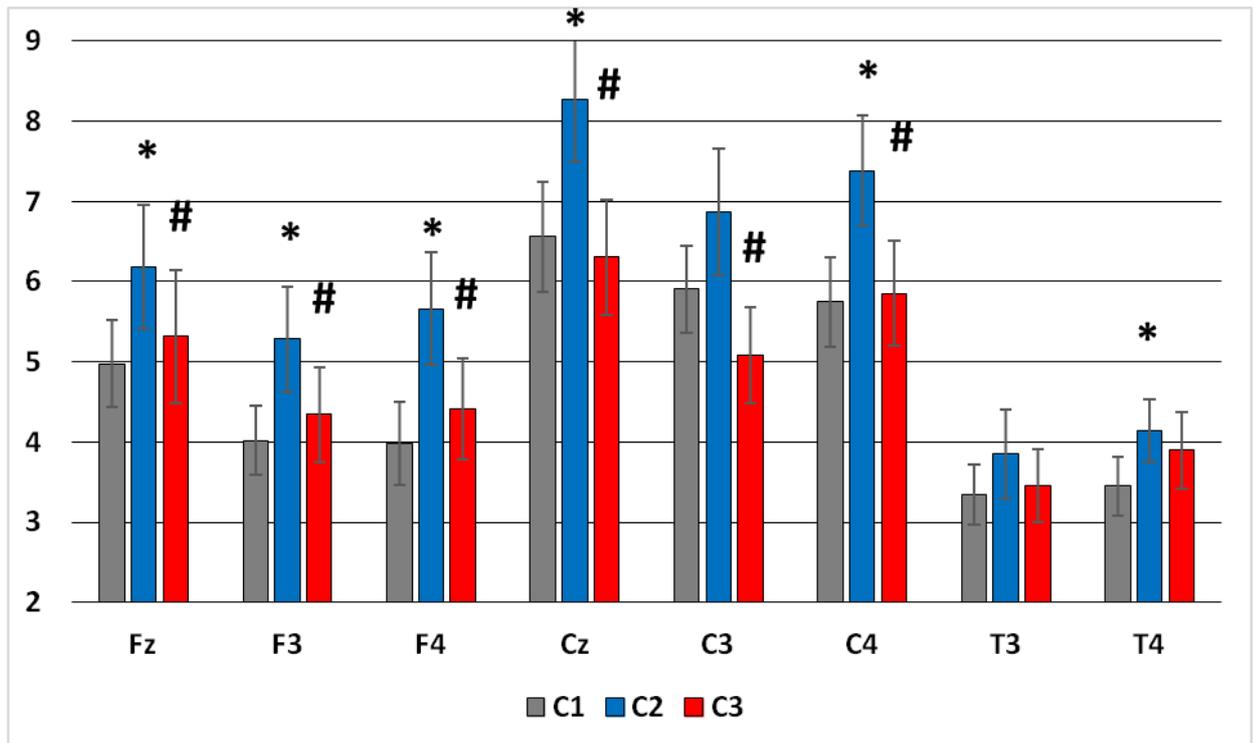

Рисунок 19. Сравнение реакций прецентрального компонента P320 (амплитуда) в группе испытуемых с педофильным влечением.

Примечания: ось абсцисс – отведения; ось ординат – амплитуда P320, мкВ²; C1 – нейтральный стимул, C2 – стимул нормативного эротического содержания, C3 – стимул аномального эротического содержания; # – значимые различия при сравнении C2 и C3; * – значимые различия при сравнении эротических стимулов с нейтральным

При межгрупповом сравнении были выявлены статистически значимые различия по реакциям в виде постцентрального компонента N140 и прецентрального компонента N120.

Постцентральный компонент N140. Более значительные различия между группами по амплитуде N140 в ответ на эротические стимулы были выявлены в отведениях правого полушария группы сопоставления ($p<0,05$). Также в группе

сопоставления величина данного параметра была выше в реакции на педофильный стимул при сравнении с нейтральным ($p < 0,05$).

Прецентральный компонент N120. Амплитуда N120 в группе с педофилией на педофильный стимул, в целом, была выше, чем в группе сопоставления при значимых различиях в медиальном лобном отведении Fz ($p = 0,035$).

С помощью дискриминантного анализа была создана классификационная модель для исследуемых групп. В оптимальную модель (Wilks' Lambda=0,57, $F(5,41)=6,11$, $p < 0,0003$) вошло пять предикторов. Совокупность значимых предикторов составили показатели амплитуды N120 и латентности N140 пиков ВП (таблица 12).

Таблица 12. Предикторы оптимальной классификационной модели для исследуемых групп

Стимул	Переменные			Критерий Wilks' Lambda	Критерий F (1, 41)	Уровень значимости, p
	Показатель	Пик	Электрод			
3	амплитуда	N120	Fz	0.744675	12.27587	0.001124
2	амплитуда	N120	C4	0.609192	2.58306	0.115688
1	латентность	N140	P4	0.765872	13.79232	0.000609
2	латентность	N140	P4	0.664558	6.54410	0.014315
3	амплитуда	N140	P4	0.601786	2.05325	0.159463

Для этих показателей чувствительность модели классификации групп в среднем составила 87,23%. Испытуемые группы сопоставления правильно классифицировались на 83,33% (15 человек из 18). Модель оказалась более специфична для испытуемых с педофильным влечением: количество правильных классификаций составило 89,66% (26 человек из 29). Анализ предикторов показал, что на классификацию двух групп испытуемых оказывали влияние характеристики вызванных потенциалов N120 и N140 преимущественно правого полушария в ответ на предъявление разных типов стимулов. Характеристики более поздних (P220 и P320) пиков вызванных потенциалов при восприятии трех типов стимулов не были значимыми. Согласно данным дискриминантного анализа наибольший вклад в

разделение двух групп испытуемых внесли показатели амплитуды N120 в прецентральных областях в ответ на педофильный стимул (отведение Fz), а также значения латентности N140 в отведении P4 в ответ на нейтральный и нормативный эротический стимулы.

5.3. Паттерны восприятия в соответствии с клиническим типом: исследование вызванных потенциалов

Для определения нейрофизиологических особенностей восприятия аномального объекта у разных клинических типов педофилии группа испытуемых с педофильным влечением была разделена на подгруппы: идентифицирующийся тип (группа А, 10 человек, средний возраст $47,0 \pm 7,0$ лет), аутоэротический тип (группа Б, 24 человека, возраст $37,8 \pm 9,7$ лет), манипулятивный тип (группа В, 11 человек, возраст $42,6 \pm 10,1$ лет). Данные сопоставляли с группой испытуемых без педофильного расстройства (группа Г). Дисперсионный анализ на этом этапе исследования проводили с включением в модель одновременно трех типов стимулов.

У испытуемых группы А (идентифицирующийся тип) на ЭЭГ наблюдались изменения по органическому типу, затрудняющие фиксацию вызванных потенциалов – реакции были получены только у 3 человек из 10, у остальных компоненты вызванных потенциалов не идентифицировались, что отражает нарушения функциональной активности нейронных сетей мозга. В связи с этим, анализ по группе А не проводился.

В группе с аутоэротическим восприятием аномального объекта предпочтения выявлялись значимые различия в визуальном восприятии стимулов в виде постцентральных компонентов вызванных потенциалов N140 и P220, и прецентральных компонентов P320.

Постцентральный N140. В группе с аутоэротическим типом восприятия объекта наблюдалось высоко достоверное увеличение амплитуды N140 в ответ на предъявление эротических стимулов в сравнении с нейтральным ($p < 0,0001$).

Апостериорное сравнение также выявило достоверное ($p < 0,001$) увеличение амплитуды N140 во всех отведениях в ответ на эротические стимулы. В отличие от группы сопоставления, у этих испытуемых амплитуда на два варианта эротических стимула различалась: в отведении T6 амплитуда при восприятии нормативного стимула была больше, чем при восприятии стимула с изображением ребенка ($p < 0,05$) (Рисунок 20).

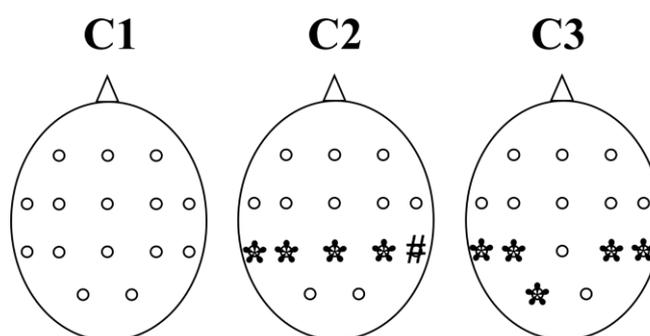

Рисунок 20. Амплитуда компонента N140 при восприятии эротических стимулов группой с аутоэротическим восприятием объекта

Примечания: C1 – нейтральный стимул, C2 – стимул нормативного эротического содержания, C3 – стимул аномального эротического содержания; * - отличия эротических стимулов от нейтрального, # – отличия между эротическими стимулами разного содержания. Уровень значимости p на рисунке не учитывался

В группе с аутоэротическим восприятием объекта также наблюдалось высоко достоверное увеличение латентности N140 в ответ на предъявление эротических стимулов в сравнении с нейтральным ($p < 0,001$). У этих испытуемых удлинение латентности на эротические стимулы по сравнению с нейтральным было более выражено при восприятии нормативного стимула, чем педофильного, по сравнению с нейтральным, в отведении P4 ($p < 0,05$) (рисунок 21).

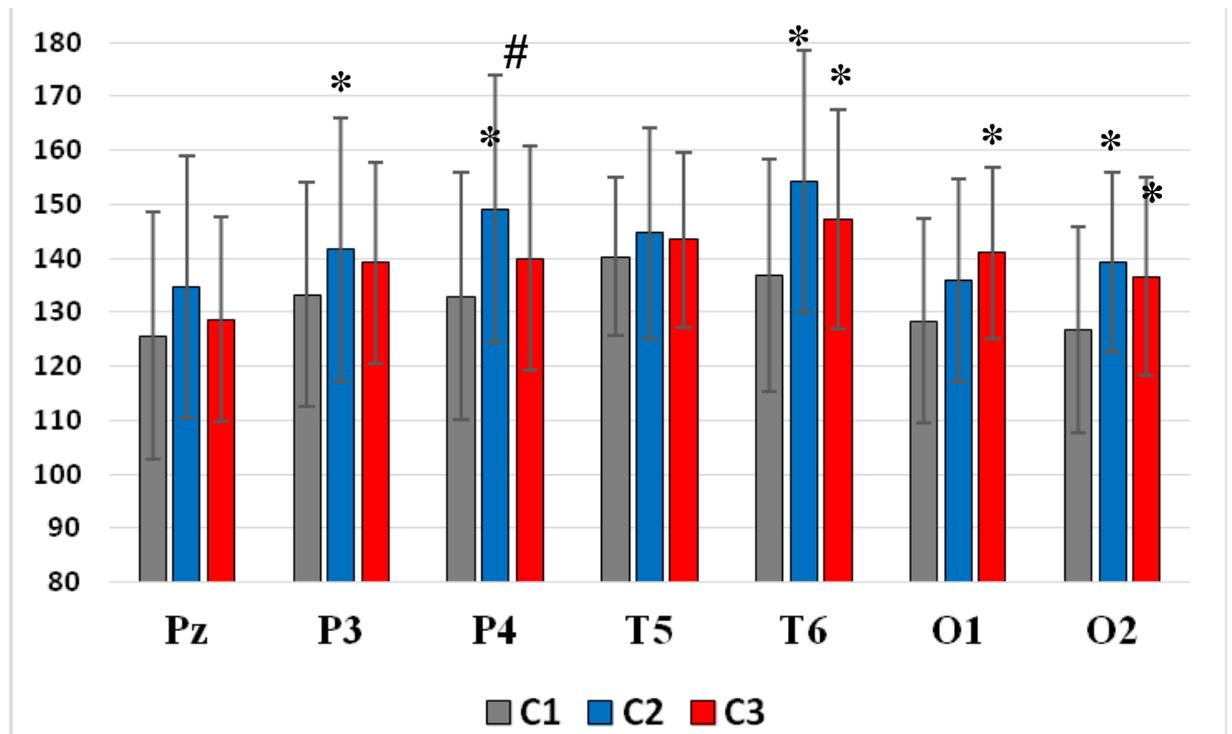

Рисунок 21. Латентность компонента N140 при восприятии эротических стимулов группой с аутоэротическим восприятием объекта

Примечания: ось абсцисс – отведения; ось ординат – латентность N140, мс; С1 – нейтральный стимул, С2 – стимул нормативного эротического содержания, С3 – стимул аномального эротического содержания; # – значимые различия при сравнении С2 и С3; * – значимые различия при сравнении эротических стимулов с нейтральным

Постцентральный P220. У группы с аутоэротическим восприятием объекта предпочтения имело место генерализованное увеличение амплитуды в ответ на нормативный стимул по сравнению с педофильным в отведениях P3, P4, O1, O2 ($p < 0,001$) и T5, T6 ($p < 0,05$) (рисунок 22).

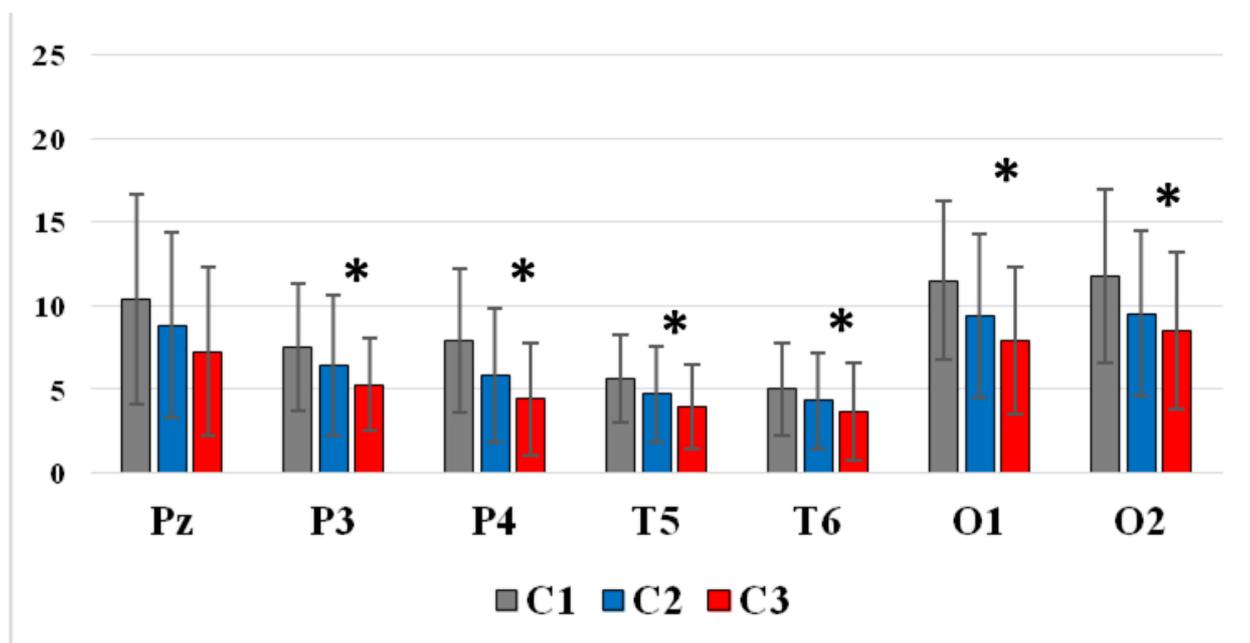

Рисунок 22. Амплитуда компонента P220 при восприятии эротических стимулов группой с аутоэротическим восприятием объекта

Примечания: ось абсцисс – отведения; ось ординат – амплитуда P220, мкВ²; C1 – нейтральный стимул, C2 – стимул нормативного эротического содержания, C3 – стимул аномального эротического содержания; звездочками обозначены значимые различия амплитуды между C2 и C3

Прецентральный P320. Апостериорный анализ показал, что у испытуемых группы с аутоэротическим восприятием объекта амплитуда P320 была больше при восприятии нормативного стимула, чем нейтрального, во всех исследованных прецентральных областях ($p < 0,0001$). Амплитуда при восприятии педофильного стимула также была больше, чем при восприятии нейтрального ($p < 0,01$). Сравнение амплитуды P320 на эротические стимулы разного содержания показало, что на нормативный стимул амплитуда была выше, чем на педофильный во всех корковых зонах ($p < 0,01$).

В группе с манипулятивным восприятием аномального объекта предпочтения выявлялись значимые различия в визуальном восприятии стимулов в виде постцентральных компонентов вызванных потенциалов N140 и P220.

Постцентральный N140. В группе с манипулятивным типом восприятия объекта обнаружено генерализованное увеличение амплитуды N140 в ответ на

предъявление нормативных эротических стимулов в сравнении с нейтральным ($p < 0,05$), и тот же паттерн выявлялся в ответ на педофильный стимул, но только в отведениях правого полушария (P4, T6 и O2, $p < 0,001$). Амплитуда при восприятии нормативного стимула была больше, чем при восприятии педофильного в отведениях T6 ($p < 0,01$) и O1 ($p < 0,05$) (рисунок 23). Отмечалось лишь незначительное увеличение латентности при восприятии эротических стимулов по сравнению с нейтральным: в отведении Pz латентность на нормативный ($p = 0,07$) и педофильный ($p < 0,05$) стимулы была больше, чем на нейтральный (рисунок 23).

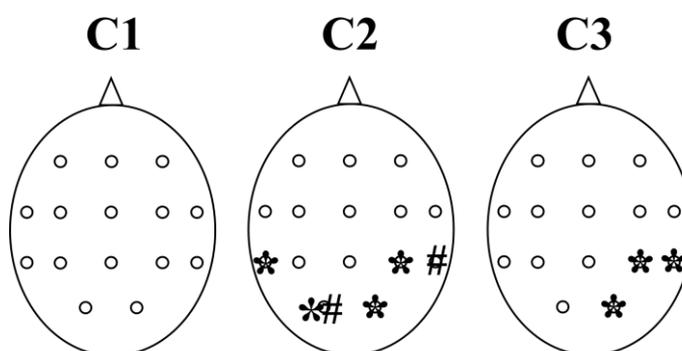

Рисунок 23. Амплитуда компонента N140 при восприятии эротических стимулов группой с манипулятивным восприятием объекта

Примечания: C1 – нейтральный стимул, C2 – стимул нормативного эротического содержания, C3 – стимул аномального эротического содержания; * - отличия эротических стимулов от нейтрального, # – отличия между эротическими стимулами разного содержания. Уровень значимости p на рисунке не учитывался

Постцентральный P220. Для группы с манипулятивным восприятием объекта выявлены изменения латентности P220. Латентность на нормативный стимул по сравнению с нейтральным была больше в отведениях P3 ($p < 0,001$), T5 и T6 ($p < 0,05$). Латентность на педофильный стимул по сравнению с нейтральным была больше в отведениях P3 ($p < 0,001$), T5 и T6 ($p < 0,01$), P4 и T6 ($p < 0,05$).

При межгрупповом сравнении были выявлены статистически значимые различия по реакциям в виде постцентральных компонентов N140 и P220.

Постцентральный компонент N140. У группы с аутоэротическим восприятием в отведении P4 амплитуда N140 была меньше по сравнению с группой сопоставления при восприятии эротических стимулов ($p < 0,05$), и в сравнении с группой с манипулятивным типом при восприятии стимула с изображением женщины ($p < 0,08$).

Постцентральный компонент P220. Испытуемые групп с педофильным влечением демонстрировали разнонаправленные отличия по амплитуде P220 относительно группы сопоставления при восприятии нейтрального стимула: амплитуда P220 при манипулятивном типе была выше относительно группы без аномального влечения, а при аутоэротическом типе – ниже ($p < 0,05$).

Классификационную модель групп испытуемых (группа с аутоэротическим восприятием объекта, группа с манипулятивным восприятием объекта, группа сопоставления) составили значения 5 показателей амплитуды компонентов N140 и P320 при просмотре нормативных и педофильных стимулов ($Wilks' \Lambda = 0,38$, $F(10,80) = 5,06$, $p < 0,0001$). Электрофизиологические показатели, которые вошли в оптимальную модель, представлены в таблице 13.

Таблица 13. Предикторы оптимальной классификационной модели для групп с аутоэротическим, манипулятивным типами восприятия объекта при педофилии и группы сопоставления

Переменные				Критерий Wilks' Lambda	Критерий F (2, 40)	Уровень значимости p
Стимул	Показатель	Пик	Отведение			
2	Амплитуда	N140	T6	0.531814	8.351073	0.000932
3	Амплитуда	N140	T6	0.490885	6.169147	0.004622
2	Амплитуда	N140	T5	0.486982	5.961106	0.005422
3	Амплитуда	P320	C3	0.431661	3.011899	0.060472
2	Амплитуда	N140	P4	0.428374	2.836676	0.070460

Была построена диаграмма рассеяния индивидуальных значений предикторов для испытуемых трех групп (рисунок 24).

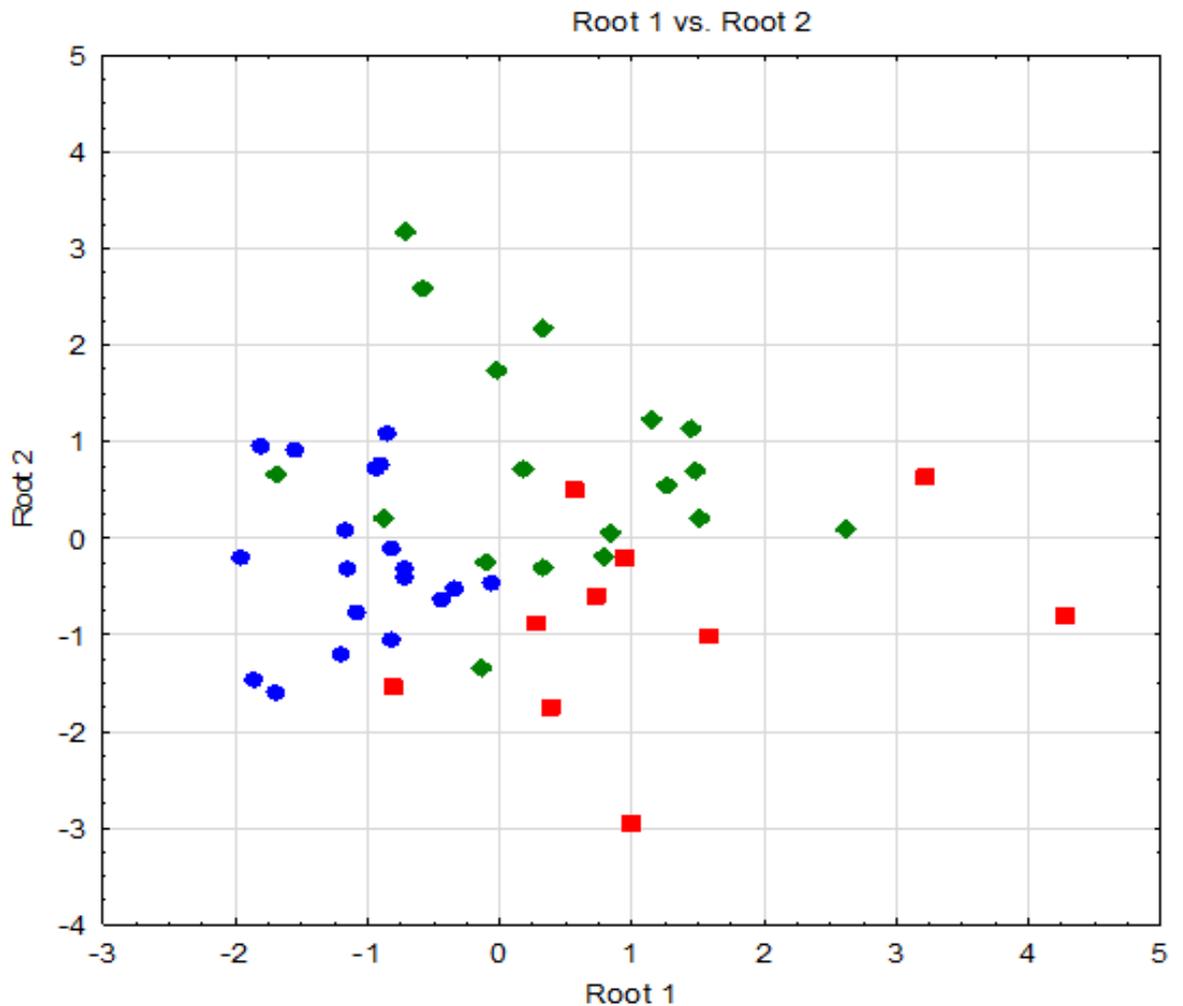

Рисунок 24. Диаграмма предикторов классификационной модели групп

Примечания: синими точками отмечены испытуемые группы с аутоэротическим восприятием объекта, красными квадратами – испытуемые группы с манипулятивным восприятием объекта, а зелеными ромбами – испытуемые без педофильного влечения

Средняя чувствительность модели для классификации трех групп испытуемых составила 82,98%. При этом испытуемые группы с аутоэротическим восприятием правильно классифицировались на 100% (19 человек). Успешность классификации испытуемых группы с манипулятивным восприятием составила лишь 70% (7 человек из 10). Для группы сопоставления успешность классификации была 72,22%, правильно отнесены 13 человек из 18-ти. В состав предикторов вошли показатели амплитуды пиков компонентов вызванных потенциалов N140 и P320 при просмотре нормативных и педофильных слайдов эротического

содержания. Следует отметить, что нейрофизиологические показатели восприятия нейтрального стимула не оказывали влияния на модель дифференцирования трех групп испытуемых. Характеристики пиков компонентов N120 и P220 в результате пошагового включения предикторов не вошли в итоговую классификационную модель. Максимальный вклад в модель разделения трех групп испытуемых внесен значениями амплитуды компонента N140 в отведении T6 при просмотре эротических стимулов.

ГЛАВА 6. СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

Выявленные особенности восприятия объекта при педофилии как пассивного агента сексуального взаимодействия отражают наличие единого и устойчивого аномального паттерна, дизонтогенетического по природе своего формирования. О существовании данного феномена свидетельствуют клинические, психологические и нейрофизиологические данные, представленные в данном исследовании.

При клиническом исследовании у испытуемых с педофилией выявляется деперсонификация объекта сексуального предпочтения, характеризующаяся оценкой объекта как пассивного участника сексуального взаимодействия, в рамках которого истинные переживания объекта не учитываются, сексуализированный контакт воспринимается как согласованный с объектом. При психологическом исследовании у испытуемых с педофилией наряду с сексуализацией образа ребенка выявлено восприятие детских образов как пассивных, принимающих, а стимулов сексуального содержания – в контексте отношений доминирования-подчинения. Результаты нейрофизиологического исследования показывают более низкую реактивность мозга при восприятии эротических стимулов в целом, активация при восприятии педофильных визуальных стимулов происходит только в лобных областях (вызванный бета-ритм и вызванный потенциал N120). Это позволяет расценивать характер восприятия визуальной эротической информации как дефицитарный, что, возможно, говорит о предпочтении аномального объекта сексуального взаимодействия на основе не его внешних признаков, а на собственных внутренних аномальных переживаниях, что также косвенно подтверждает наличие единого аномального паттерна восприятия объекта.

Дизонтогенетический характер данного феномена выявляется в клиническом, психологическом и нейрофизиологическом исследованиях с учетом типологических особенностей восприятия объекта аномального влечения при педофилии. В клиническом исследовании путем сопоставления с этапами формирования модели психического показана континуальность феномена

деперсонализации с формированием патологических типов, отражающих нарастающую глубину нарушения восприятия Другого в рамках выбора объекта сексуального предпочтения – от манипулятивного к аутоэротическому и затем – к идентифицирующемуся. При психологическом исследовании у испытуемых с педофилией с разными типами восприятия объекта аномального влечения при восприятии родительских образов выявляются признаки задержки формирования полоролевой идентичности, подтверждающие типологические механизмы, выделенные при клиническом исследовании. При нейрофизиологическом исследовании также выявлены признаки, позволяющие ранжировать типы и отражающие нарастание степени дефицитарности реактивности головного мозга в направлении от манипулятивного к аутоэротическому типу.

Ведущая диагностическая роль аномального восприятия объекта при педофилии определяется тесной его связью со стойкостью паттерна педофильного сексуального возбуждения, являющегося ключевым для диагноза педофилии. Об этом свидетельствуют другие признаки, производные по отношению к аномальному восприятию объекта, – частота и кратность аномальной сексуальной активности, её форма, также способ выбора объекта сексуальных притязаний.

Диагностика педофилии сама по себе имеет важное судебно-психиатрическое значение, так как, согласно нормам закона, приводит к назначению принудительных мер медицинского характера в виде амбулаторного принудительного лечения. Тем не менее, данное правовое следствие диагностики педофилии не отменяет необходимость оценки юридического (психологического) критерия формул невменяемости или ограниченной вменяемости, что требует определения патологических факторов, влияющих на способность подэкспертного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В ходе данного исследования анализировалась оценка способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, в том числе в полной мере, у испытуемых, страдающих педофилией, повторность противоправного аномального сексуального поведения,

отношение к парафильному влечению и наличие признаков обсессивно-компульсивного характера влечения как отражающих степень нарушения контроля и произвольности поведения.

Испытуемые без нарушений осознанно-волевой регуляции статистически достоверно различались в зависимости от выделенных типов ($\chi^2=24,188$ (с точным тестом Фишера); $df=2$; $p<0,001$). Большая часть таких испытуемых была в группах испытуемых с идентифицирующимся и манипулятивным типом восприятия объекта. Подэкспертные, которые не в полной мере могли осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, были только в группе испытуемых с аутоэротическим типом восприятия объекта, что статистически было оценено как достоверное различие ($\chi^2=17,633$ (с точным тестом Фишера); $df=2$; $p<0,001$). Испытуемые с полностью нарушенной осознанно-волевой регуляцией также чаще были представлены в группе с аутоэротическим восприятием объекта, хотя это различие и не было оценено как статистически значимое (рисунок 25).

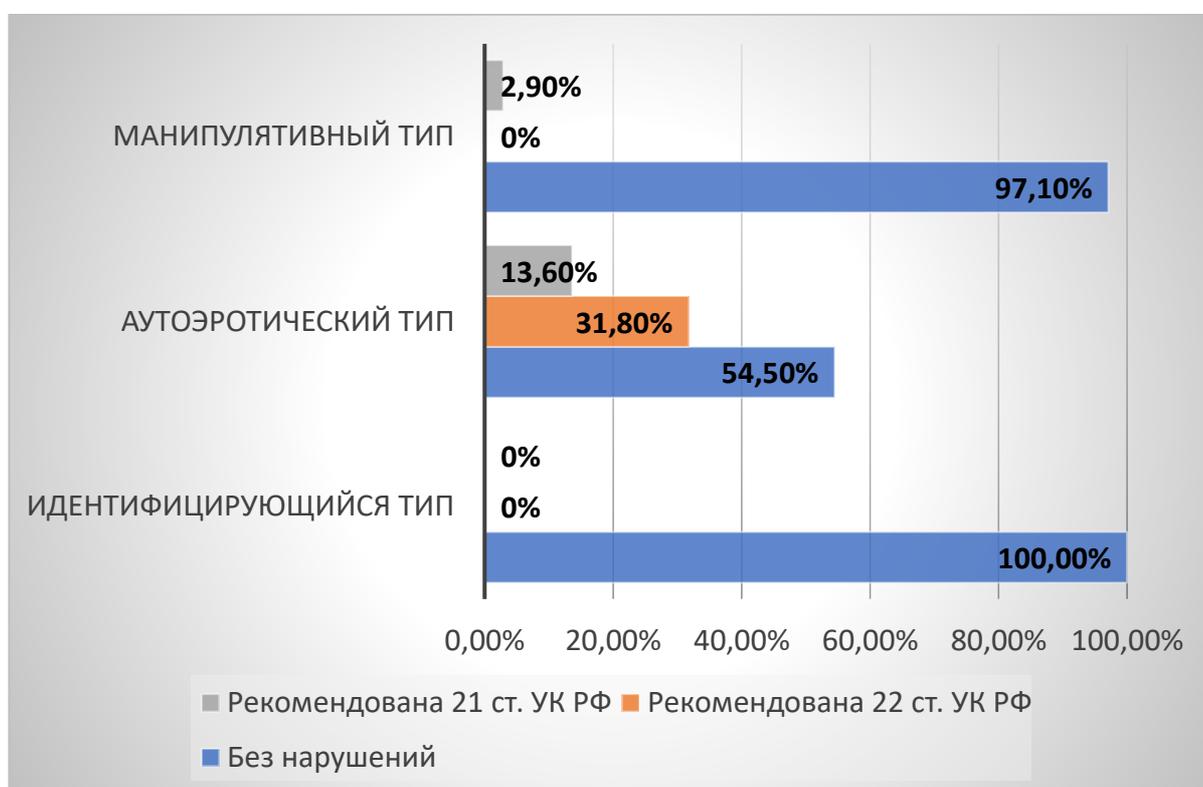

Рисунок 25. Нарушения осознанно-волевой регуляции в зависимости от типа восприятия объекта при педофилии

Испытуемые статистически значимо различались по вариантам отношения к аномальному влечению в зависимости от типа восприятия объекта. Эгосинтонический вариант характеризовался спаянностью личности с аномальным влечением, а дистонический – отчуждением парафильных побуждений, сопровождающегося внутриличностным конфликтом. Также в клинических описаниях фиксировалось наличие обсессивно-компульсивного характера влечения, достоверно различающихся в зависимости от типа восприятия аномального объекта предпочтения.

Группы испытуемых с разными типами восприятия объекта статистически значимо различались по отношению к аномальному влечению ($\chi^2=11,972$ (с точным тестом Фишера); $df=2$; $p=0,002$). Подэкспертные с идентифицирующимся типом чаще других характеризовались эгосинтоническим отношением к влечению, у испытуемых с манипулятивным типом эгосинтоническое отношение выявлялось немногим реже чем у идентифицирующегося типа. Группа испытуемых с аутоэротическим типом разделилась почти наполовину с небольшим преимуществом в пользу эгодистонического отношения (рисунок 26).

Рисунок 26. Отношение к влечению в зависимости от типа восприятия объекта

Статистически достоверно наибольшее количество обсессивно-компульсивного характера аномального влечения было выявлено в группе с аутоэротическим восприятием объекта ($\chi^2=13,333$ (с точным тестом Фишера); $df=2$; $p=0,001$) (рисунок 27).

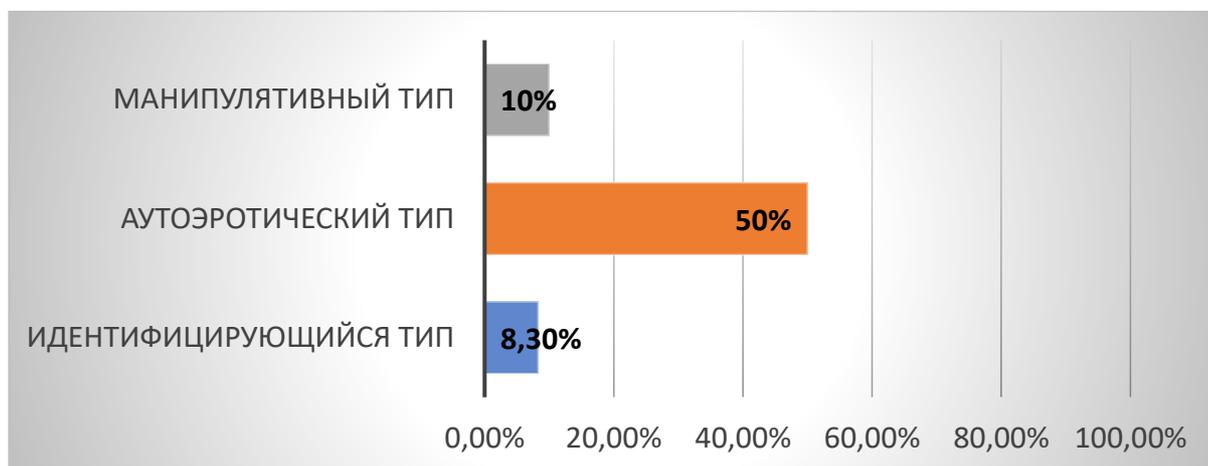

Рисунок 27. Наличие обсессивно-компульсивного характера аномального влечения в зависимости от типа восприятия объекта при педофилии

Также статистическая значимость была получена при сравнении наличия признаков обсессивно-компульсивного характера аномального влечения и ограниченной способности понимать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими – 61,5% испытуемых с данными признаками было рекомендовано применение 22 статьи УК РФ ($\chi^2=6,391$; $df=1$; $p=0,02$).

При сравнении групп с разным уровнем осознанно-волевой регуляции поведения статистически значимым оказался факт наличия или отсутствия коморбидного психического расстройства ($\chi^2=19,216$ (с точным тестом Фишера); $df=8$; $p=0,001$), однако при учете конкретных нозологических форм достоверные различия получены не были.

Таким образом, при аутоэротическом типе восприятия объекта чаще, в сравнении с другими типами, выявляются юридически релевантные состояния, обусловленные эгодистоническим отношением к влечению и обсессивно-компульсивным характером аномального влечения.

Помимо оценки способности к осознанно-волевой регуляции аномального сексуального поведения для судебной психиатрии имеет значение прогностическая оценка – выявление факторов, связанных с психическим расстройством, обуславливающих совершение общественно-опасных действий, для проведения эффективных профилактических, в том числе терапевтических, вмешательств.

Сравнение по числу привлечений к уголовной ответственности показывает, что достоверно чаще остальных повторно преследуются за совершение общественно опасных аномальных сексуальных действий испытуемые с идентифицирующимся типом восприятия объекта (χ^2 (с точным тестом Фишера) = 6,286; df=2; p=0,031) (рисунок 28).

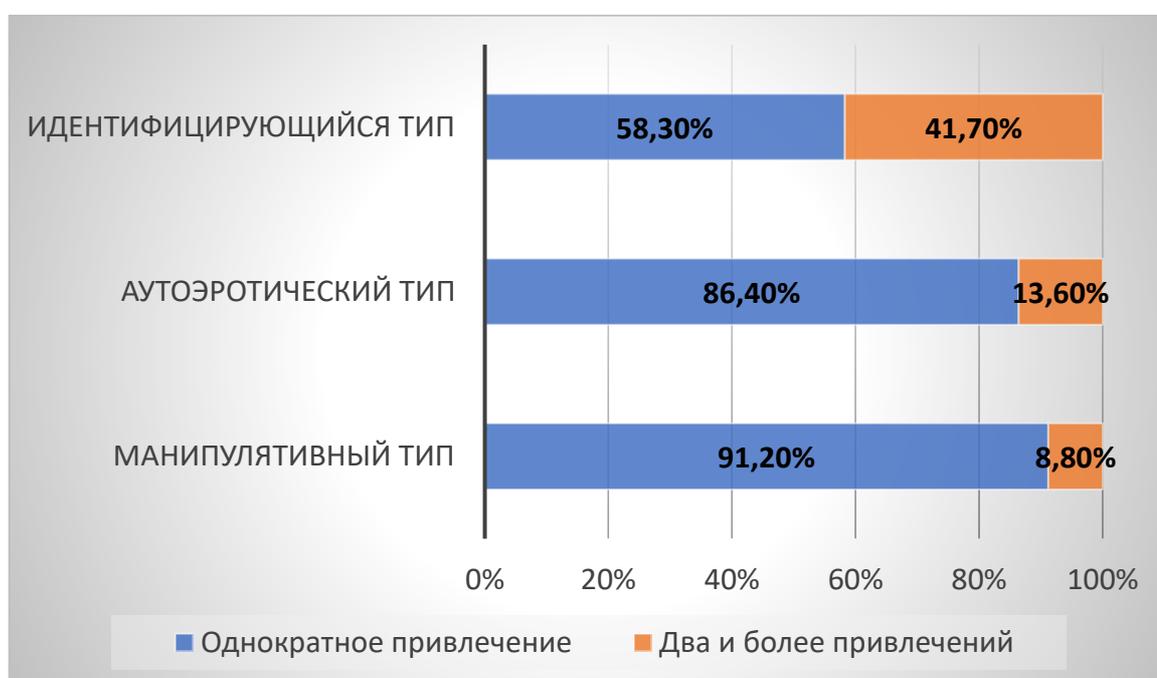

Рисунок 28. Привлечения к уголовной ответственности в зависимости от типа восприятия объекта при педофилии

Впрочем, типология предоставляет более широкий набор факторов для дифференцированной прогностической оценки лиц, страдающих педофилией. Для каждого типа оказалось характерно своеобразие частоты, кратности аномальной активности, ограниченный спектр предпочитаемых форм активности, в том числе и несексуальной, количества объектов, а также характеристик самого объекта сексуальных притязаний – пола, возраста, родственной связи, социальной роли.

Испытуемые с *идентифицирующимся* восприятием объекта чаще раза в месяц вступали в орально-генитальные ($p=0,003$), петтинговые ($p=0,013$) и платонические контакты ($p=0,001$) с ранее знакомыми мальчиками ($p\leq 0,003$), при этом они чаще вступали в вербальный контакт с целью вовлечения в сексуальное взаимодействие ($p=0,013$), но также чаще похищали ребенка ($p=0,018$). Они проводили много времени с объектом вне сексуального взаимодействия в играх и общении на темы, интересующие детей ($p=0,001$). Для них была характерна трудовая занятость, связанная с общением с детьми ($p=0,048$).

Испытуемые с *аутоэротическим* восприятием объекта неоднократно ($p=0,009$), чаще раза в месяц ($p=0,032$), вступали в аномальные сексуальные контакты в форме эксгибиционистской или виртуальной сексуальной активности с девочками ($p=0,001$), которые были им прежде не знакомы ($p<0,001$), при том с одним и тем же объектом было не более 5 контактов ($p<0,001$). Взаимодействие с объектом вне сексуального контекста испытуемыми этой группы не осуществлялось ($p<0,001$). Они редко вступали в нормативные сексуальные отношения ($p=0,019$).

Испытуемые с *манипулятивным* типом восприятия объекта обычно выбирали для сексуальных притязаний девочку, обычно кого-то из дальних, непрямых родственников ($p=0,019$), применяли физическое насилие к ней для вовлечения в интимные контакты ($p=0,025$), чаще раза в неделю вступали в сексуальные контакты с ней ($p=0,048$) в анально-генитальной ($p=0,004$) и генитальной формах ($p=0,007$), и к моменту задержания правоохранительными органами уже имели с ней более 20 контактов ($p=0,001$). Смена объекта для них была нехарактерна ($p<0,001$). Обращает на себя внимание длительный период ($p=0,006$) регулярного несексуального взаимодействия ($p=0,034$) с объектом при выполнении родительских функций ($p=0,003$), причем не по своей инициативе ($p=0,013$). Аномальная сексуальная активность осуществлялась на фоне партнерских отношений со зрелым объектом ($p=0,004$).

Приведенные описания не претендуют на исчерпывающий характер, могут не соблюдаться в полной мере в конкретных случаях, но показывают основные

значимые характеристики, выявленные в данной работе. Анализ этих данных имеет большой потенциал в контексте оценки риска повторных общественно опасных действий, либо в профилировании разыскиваемых преступников, подозреваемых в совершении сексуальных действий с детьми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью исследования являлось установление клинико-патогенетических механизмов восприятия объекта сексуального предпочтения для разработки комплексной модели диагностики педофилии.

В исследовании принял участие 131 мужчина, совершивший сексуальные действия с детьми и проходивший стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в период 2017-2020 гг. в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ. Личные наблюдения составили 94 случаев, 37 было изучено по архивным материалам.

Критериями включения в исследование являлись наличие аномального сексуального поведения в виде сексуальных контактов с детьми, препубертатного и раннего пубертатного возраста; мужской пол; отсутствие выраженной органической патологии (F00-F03), острой психотической симптоматики, обуславливающих невозможность проведения исследовательских мероприятий. Возраст испытуемых составил от 19 до 72 лет (средний возраст – 39,4, медиана – 39 лет, мода – 41 год). Все лица, участвовавшие в исследовании, являлись обвиняемыми или подозреваемыми по уголовным делам о сексуальных притязаниях в отношении детей.

Все указанные испытуемые были разделены на 2 группы соответственно наличию клинически установленного сексуального влечения в отношении педофильного объекта, согласно критериям МКБ-10. У 90 испытуемых (68,7%) было установлено наличие сексуального влечения в отношении педофильного объекта (группа 1), у 41 испытуемых (31,3%) расстройств сексуального предпочтения выявлено не было (группа 2).

Группы статистически значимо не отличались по возрасту, уровню образования и характеру трудовой занятости. В обеих группах преобладает погранично-личностный уровень расстройств, наличие у некоторых испытуемых расстройств шизофренического спектра не оказало влияние на формирование групп.

Для оценки сексуального онтогенеза и актуального психосексуального состояния, выявления клинических феноменов искажений объектного выбора, активности и субъектного искажения применялись клинический психопатологический и клинический сексологический методы.

Для выявления психологических признаков, характеризующих субъективный образ объекта сексуального влечения, использовался Цветовой тест отношений (ЦТО), отражающий эмоциональное отношение к различным полоролевым образам и смысловые связи между ними (Эткинд А.М., 1980).

Для выявления нейрофизиологических реакций, ассоциированных с восприятием эротических визуальных стимулов, использовалась электроэнцефалографическая система ЭЭГА-21/26 «Энцефалан-131-03» с комплексом визуальной стимуляции. Для визуальной стимуляции использовался набор цветных слайдов нейтрального (изображения природы) и эротического содержания, которые, в свою очередь включали нормативные (гетеросексуальные) и педофильные (гетеро- и гомосексуальные) стимулы.

Клинические особенности восприятия объекта аномального сексуального предпочтения. По результатам клинического обследования испытуемых с педофильным влечением (1 группа, n=90) сформировано представление о трех клинических вариантах восприятия объекта при педофилии – идентифицирующемся, аутоэротическом и манипулятивном.. *Идентифицирующийся* тип (n=12, 13,3%) характеризуется пристрастной идеализацией объекта, спаянностью сексуализированной активности и образа аномального объекта. *Аутоэротический* тип (n=44, 48,9%) использует стратегии эгоцентричного взаимодействия при достижении самоудовлетворения путем инструментального использования объекта. Манипулятивный тип (n=34, 37,8%) устанавливает с аномальным объектом псевдопартнерские отношения, применяя манипулятивные стратегии.

В исследуемой выборке менее половины испытуемых (n=59, 45%) имели коморбидные психические расстройства, среди которых преобладали аномалии погранично-личностного уровня (F60, F61, F06.6, F07.08), в единичных случаях

были выявлены параноидная шизофрения, шизотипическое расстройство и бредовое расстройство. Однако, при сравнении групп по каждой из нозологических категорий статистически значимых различий выявлено не было.

Для выделения диагностически важных клинических признаков был выполнен поиск наиболее характерных представителей типов путем применения кластеризации по методам Уорда, дальнего соседа и средней связи (внутри групп) (мера близости – квадрат евклидова расстояния) в выборке испытуемых, страдающих педофилией. Результаты кластеризации были сопоставлены с разделением испытуемых на три типа восприятия объекта при педофилии и группу испытуемых без педофилии. Испытуемых, попавших в один и тот же кластер при всех использованных методах и в то же время отнесенных к одной клинической группе, считали наиболее типичными представителями этой группы. В результате была получена выборка из 64 испытуемых – ярких представителей каждой группы, из которых 8 представляли идентифицирующийся тип, 22 – аутоэротический тип, 10 – манипулятивный тип, 24 испытуемых не страдали педофильным расстройством.

Попарное сравнение каждого из трех типов восприятия объекта предпочтения при педофилии с группой испытуемых без педофилии выявило статистически значимые ($p < 0,05$) различия.

Были выявлены общие характеристики испытуемых без диагноза педофилии, достоверно отличающие их от лиц с педофильным расстройством. Большинство представителей группы сопоставления совершали однократные аномальные сексуальные контакты (66,7%, $n=16$, $p \leq 0,013$), которые не воспроизводились в дальнейшем ни в поведенческой, ни в идеаторной активности (70,8%, $n=17$, $p \leq 0,001$). Также значимое большинство из них не сообщали о наличии какой-либо аномальной сексуальной идеаторной активности в отношении детей (41,7%, $n=10$, $p \leq 0,035$).

Общим параметром, достоверно отличающим лиц с педофилией, независимо от типа, стало восприятие объекта как пассивного агента: 75% испытуемых с восприятием объекта идентифицирующегося типа ($p=0,021$), 66,7% испытуемых с

аутоэротическим ($p=0,011$) и 80% испытуемых с манипулятивным восприятием объекта ($p=0,025$), и только 18,8% ($n=3$) испытуемых без педофилии описали объект как «податливый, спонтанный». Под «податливостью» и «спонтанностью» понимались характеристики объекта, обеспечивающие быстрый, легкий, беспрепятственный, не требующий особых усилий переход от встречи или знакомства к сексуализированному взаимодействию. При этом испытуемые не могли подробно описать потерпевших, обозначить их индивидуальные характеристики.

Феномен восприятия объекта как пассивного агента сопоставим с общей для парафилий характеристикой деперсонализации объекта, отражающей нарушения в системе субъект-субъектных отношений и определяющей лишение субъективности объекта, чья роль сводится к значению предмета, стимула для воспроизведения особого, для каждого случая своего, аффективного состояния либо воображения, реализации внутренних побуждений, связанных с приверженностью к определенным ситуациям (Ткаченко А.А., 1998). Данный феномен является клинко-онтогенетическим, указывая на связь аномального восприятия объекта с индивидуальным развитием, наиболее полно раскрывающейся при рассмотрении её в рамках Теории восприятия Другого или Модели психического (Theory of Mind) как способностей приписывать психические состояния как себе, так и другим; распознавать психические состояния по их внешним проявлениям в поведении; связывать эти психические состояния между собой для объяснения и прогнозирования поведения других людей (Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И., 2020).

Помимо общих различий между испытуемыми с педофилией и без неё выявлены значимые различия при попарном сравнении между группами испытуемых с педофильным расстройством с разными типами восприятия объекта предпочтения и группой сопоставления (без педофилии), которые находятся в причинно-следственной связи с феноменом деперсонализации, являясь его производными: частота и форма аномальной сексуальной активности (как поведенческой, так и идеаторной), несексуального взаимодействия с объектом,

характера связи с ним (родственной, дружеской, формального знакомства), наличие нормативных сексуальных отношений.

Для анализа межтиповых различий проведено сравнение выделенных групп испытуемых с педофильным влечением ($n=90$) в отношении каждого из клинических параметров. В результате выделены специфические признаки, достоверно отличающие типы восприятия объекта при педофилии между собой ($p<0,05$).

При манипулятивном типе восприятия объекта производился выбор объекта, с которым была хотя бы формальная связь ($p=0,019$), что позволяло избежать трудностей инициации общения и одновременно создавало ограничение возможностей объекта обратиться за помощью. Стойкая регулярная сексуальная активность в отношении одного объекта ($p=0,048$) имела сходство с нормативным сексуальным поведением.

При аутоэротическом типе осуществлялся выбор незнакомых детей ($p=0,001$), которые воспринимались субъектом как достигшие подросткового возраста ($p<0,001$), аномальная сексуальная активность с ними имела преимущественно дистантный характер ($p=0,001$), почти отсутствовало взаимодействие с объектом вне сексуального контекста ($p=0,001$) и отсутствовали отношения со зрелым объектом ($p=0,036$).

Испытуемые с идентифицирующимся типом восприятия объекта чаще оценивали его как «искреннего» и «невинного» ($p=0,007$). Ребенок представлялся субъекту эмоционально близким, понятным, скорее вследствие незрелости, о чем говорила регрессивная сексуальность, выражавшаяся в гомосексуальном выборе объекта ($p=0,001$) и эротико-платоническом характере сексуализированных контактов ($p=0,002$), а также игровом взаимодействии ($p=0,001$).

Сопоставление нарушений восприятия Другого при педофилии в виде разных вариантов деперсонификации объекта сексуального предпочтения с пятиступенчатой шкалой формирования Модели психического (Wellman H.M. и Liu D., 2004) показывает континуальный характер данного феномена аномальной сексуальности.

Для манипулятивного типа характерно нарушение пятой ступени формирования Модели психического – согласие объекта на сексуальное взаимодействие под действием манипуляций воспринималось как истинное, переживания объекта в рамках сексуальной стимуляции субъективно интерпретировались как положительные, с игнорированием манипулятивной, насильственной основы отношений, что также являлось причиной неудачи в нормативных отношениях.

Для аутоэротического типа характерно нарушение третьей ступени формирования Модели психического в виде неразделения информированности, включающей опыт и знания об эротических переживаниях и сексуальных отношениях: объект сексуальных притязаний казался субъекту столь же сексуально компетентным, как и он сам, по причине чего коммуникация с объектом максимально редуцировалась.

Идентифицирующийся тип демонстрирует нарушение формирования Модели психического с первой ступени – собственные желания и суждения приписывались объекту. Коммуникация со сверстниками в виду неразвитости Модели психического была затруднена, референтной группой становились дети.

Психологические механизмы восприятия объекта сексуального предпочтения при педофилии. По результатам Цветового теста отношений (Эткинд А.М., 1980) между группами испытуемых с педофильным влечением и без него был получен ряд различий в частоте пересечений между стимулами, отражающими отношение к образам детей, подростков, женщин и мужчин, отца и матери, а также к стимулам с сексуальным значением. Анализировались как статистически значимые различия ($p < 0,05$), так и тенденции к различиям ($p < 0,075$).

У испытуемых без педофилии отмечались пересечения образов «ребенок», «мальчик-подросток» и «девочка-подросток» со словами «спокойствие», «решительность» и «уравновешенность» ($p \leq 0,071$). Выявление подобных ассоциаций, семантически отражающих нейтральное эмоциональное отношение, с образами, характеризующими детей разного возраста и пола, показывает их равнозначность без выделения ребенка как фиксированного объекта предпочтения.

Также были выявлены психологические признаки близости образа объекта сексуального предпочтения к условно нормативному в виде связи словосочетания «сексуальное удовлетворение» и образа «девочки-подростка» ($p=0,012$).

Лица с педофильным влечением отличались сексуализированным восприятием образа ребенка (пересечение «сексуальная удовлетворенность» – «ребенок», $p=0,013$), он воспринимался как пассивный, подчиняемый объект (пересечения образа «мальчик» со словами «пассивность», «нерешительность», а также образа «девочка» со словом «сочувствие», $p\leq 0,062$), сексуальная сфера чаще имела амбивалентную эмоциональную окраску и ассоциативные характеристики доминантных отношений (пересечения стимула «секс» со словами «власть», «успех», «решительность», «риск», «боль», $p\leq 0,062$). Также у данной группы были выявлены психологические признаки неприятия мужской половой роли (образы «мужчина», «отец» пересекались с ассоциациями «злоба», «неуспех», «непривлекательность», $p\leq 0,061$) и сохранения привязанности к матери (связь слов «мать» и «друг», «сочувствие», «успех», «доброжелательность», «приятный человек», $p\leq 0,071$). Указанные психологические особенности подтверждают клинические данные о деперсонализации объекта предпочтения при педофилии, а также более полно раскрывают онтогенетические нарушения, выявляя инфантильную зависимость от образа матери и конфликтную интериоризацию мужской половой роли.

Для идентифицирующегося типа было характерно более негативное эмоциональное отношение к взрослому и детскому образу женского пола («девочка» – «тревога», «горе»; «женщина» – «риск», «враги», «неприятный человек», «неудовольствие»; «девушка» – «опасность»; «мать» – «тревога», $p\leq 0,072$) при более положительной оценке подростковых образов («мальчик-подросток» – «тепло», $p=0,029$), а также редкой положительной окраске сексуальных отношений. Для аутоэротического типа были характерны менее эмоциональная психологическая оценка детских и подростковых образов при большей идентификации с образом «мальчика-подростка», негативное отношение к мужским образам, нежелание идентифицироваться с отцовской фигурой (связи

«мужчина» – «смерть», «зло», «горе», «неуспех»; «отец» – «неудовольствие», «избегаю быть таким», $p \leq 0,072$) и более положительная эмоциональная оценка сексуальной сферы (ассоциации «секс» – «удовольствие», «радость», $p \leq 0,069$). Для манипулятивного типа была характерна более выраженная эмоциональная привлекательность образа девочки-подростка («девочка-подросток» – «нежность», «праздник», «счастье», $p \leq 0,072$) при отсутствии какого-либо значимого отношения к образу маленького ребенка, мужской и женский образы реже наделялись негативным отношением, сексуальная сфера была окрашена эмоционально положительно («секс» – «удовольствие», «радость», $p \leq 0,069$) с элементами амбивалентности («секс» – «тревога», $p = 0,065$; «сексуальное желание» – «злоба», «страх», $p \leq 0,065$).

Электрофизиологические паттерны восприятия объекта аномального сексуального предпочтения. Общие паттерны восприятия. Восприятие стимула, отражающего визуальный облик предпочтительного объекта сексуальной активности, в группе с педофильным влечением отличался от паттерна группы сопоставления по числу значимых изменений вызванных ритмов по отведениям и по частотно-пространственному их распределению и характеризовался различиями в виде:

- сниженной реактивности – малого количества достоверных изменений вызванных ритмов по отведениям;
- более низкой синхронизации реакций дельта- и тета-диапазона, ограниченной зоной зрительной коры, при сравнении реакций на эротические и нейтральные стимулы;
- синхронизации бета-ритма в лобных отделах.

Достоверные отличия нейрофизиологического паттерна визуального восприятия эротических стимулов группы испытуемых с педофильным влечением от группы сопоставления были представлены вызванными потенциалами N140 и N120. В группе с педофильным влечением было выявлено:

- менее выраженное увеличение амплитуды N140 в ответ на эротические стимулы в правом полушарии ($p < 0,05$), в том числе в ответ на педофильный стимул в сравнении с нейтральным ($p < 0,05$);
- амплитуда N120 в ответ на педофильный стимул была выше в медиальном лобном отведении ($p = 0,035$).

С помощью дискриминантного анализа была создана классификационная модель для исследуемых групп (Wilks'Lambda=0,57, $F(5,41)=6,11$, $p < 0,0003$). Совокупность значимых предикторов составили показатели амплитуды N120 и латентности N140 пиков вызванных потенциалов. Чувствительность модели в среднем составила 87,23%.

Паттерны восприятия в соответствии с клиническим типом: исследование вызванных потенциалов. При сравнении групп с аутоэротическим и манипулятивным восприятием объекта при педофилии, а также группы сопоставления были выявлены статистически значимые межгрупповые различия по реакциям в виде постцентральных компонентов N140 и P220:

- у группы с аутоэротическим восприятием в отведении P4 амплитуда N140 была меньше по сравнению с группой сопоставления при восприятии эротических стимулов ($p < 0,05$), и в сравнении с группой с манипулятивным типом при восприятии стимула с изображением женщины ($p < 0,08$);
- испытуемые групп с педофильным влечением демонстрировали разнонаправленные отличия по амплитуде P220 относительно группы сопоставления при восприятии нейтрального стимула: амплитуда P220 при манипулятивном типе была выше относительно группы без аномального влечения, а при аутоэротическом типе – ниже ($p < 0,05$).

При построении классификационной модели трех групп (2 группы с педофильным влечением и группа сопоставления) (Wilks'Lambda=0,38, $F(10,80)=5,06$, $p < 0,0001$), которую составили значения амплитуды компонентов N140 и P320, точность модели составила 83%.

Судебно-психиатрическое значение типологических характеристик.

Выделенные типы восприятия объекта при педофилии обнаруживали клинические признаки разной степени нарушения/сохранности произвольности аномального сексуального поведения. Так, при аутоэротическом типе восприятия объекта статистически значимо чаще в сравнении с другими типами выявлялись обсессивно-компульсивный характер аномального влечения ($p=0,001$) и эгодистоническое отношение к нему ($p=0,002$), что свидетельствует о снижении контроля над аномальными сексуальными побуждениями. Вместе с тем, испытуемые с идентифицирующимся типом восприятия объекта статистически значимо чаще повторно привлекались к уголовной ответственности за совершение общественно опасных аномальных сексуальных действий ($p=0,031$), что может говорить о нарушении сохранности способности к критической оценке своего поведения у испытуемых этого типа.

Для каждого типа оказались характерны не только различная частота, кратность аномальной активности, но и ограниченный спектр предпочитаемых форм поведения, в том числе и несексуального, количества объектов, а также характеристик самого объекта сексуальных притязаний – пола, возраста, родственной связи, социальной роли, что создает предпосылки для дифференцированной прогностической оценки общественной опасности лиц, страдающих педофилией.

ВЫВОДЫ

1 Своеобразие восприятия педофильного объекта позволяет выделить три клинических типа педофильного расстройства:

1.1. Идентифицирующийся тип отличается пристрастной идеализацией объекта, субъективными искаженными представлениями о нем, спаянностью сексуализированной активности и образа аномального объекта.

1.2. Аутоэротический тип характеризуется фиксацией на самоудовлетворении путем инструментального использования объекта с игнорированием его индивидуальных характеристик.

1.3. При манипулятивном типе на первый план выходит подчинение объекта, имитация зрелого партнерского сексуального взаимодействия.

2. Искажения восприятия объекта при педофилии отражают нарушения в формировании связанных с сексуальной сферой метакогнитивных способностей – элементов Модели психического, объединяющей когнитивные навыки социального познания. Идентифицирующийся тип характеризуется нарушением разделения собственных и приписываемых объекту эротических желаний и суждений о сексуальности. При аутоэротическом типе объект наделяется несвойственными ему знаниями и навыками в области сексуального взаимодействия. При манипулятивном типе согласие объекта на сексуальное взаимодействие под действием манипуляций воспринимается как истинное, переживания объекта в рамках сексуальной стимуляции интерпретируются как положительные, насильственная основа отношений игнорируется.

3. Общим диагностическим критерием педофильного расстройства, определяющим стойкость идеаторной и поведенческой аномальной сексуальной активности, является деперсонифицированное восприятие нестандартного объекта влечения, характеризующееся его оценкой как пассивного объекта и отражающее аномальный опыт взаимодействия с ним и его особую субъективную значимость. Деперсонификация определяет выбор объекта сексуальной активности, тогда как

частота и форма аномальной активности выполняют вторичную по отношению к ней роль.

4. Психологически образ ребенка при педофильном расстройстве воспринимается как сексуализированный, при этом – пассивный и подчиняемый, а сексуальная сфера чаще имеет амбивалентную эмоциональную окраску и ассоциативные характеристики доминантных отношений. Общими для педофилии являются психологические признаки неприятия мужской половой роли и сохранения привязанности к матери. Особенности формирования полоролевой идентичности дифференцированы в соответствии с типами и согласуются с их клиническими механизмами: негативное отношение к женскому образу у идентифицирующегося типа сочетается с клинически выявленным предпочтением гомосексуального аномального объекта, выраженное неприятие мужской половой роли у аутоэротического типа – с неудачной реализацией мужской роли, отсутствием нормативных отношений, тогда как характерная для манипулятивного типа амбивалентность восприятия стимулов сексуального содержания отражает трудности поддержания отношений со зрелым объектом.

5. Выявленные нейрофизиологические особенности подтверждают дифференцирующее значение восприятия объекта.

5.1. Восприятие сексуально привлекательного зрительного образа в норме и при педофилии различается по числу статистически значимых изменений вызванных ритмов и по их частотно-пространственному распределению. Общим нейрофизиологическим признаком восприятия эротических стимулов нормативного и педофильного содержания, характерным для педофильного расстройства, является симметричная обработка эротических стимулов, преимущественно во фронтальных зонах коры, о чем свидетельствуют изменения постцентральных компонентов вызванных потенциалов N140 и N120. Данные особенности в целом характеризуют восприятие эротических стимулов в группе педофилов как дефицитарное (в силу снижения префронтального этапа обработки стимула), и малодифференцированное (в виду отсутствия формирования доминирующего полушария в ходе реакции), в сравнении с группой сопоставления.

Показатели амплитуды N120 и латентности N140 позволяют дискриминировать группы с точностью 87,2%.

5.2. Установлены типологические нейрофизиологические признаки, характеризующие восприятие визуальных стимулов при педофилии. Аутоэротический тип восприятия визуальных стимулов в целом отличается меньшей нейрофизиологической реактивностью и меньшей дифференцированностью восприятия эротических стимулов, о чем свидетельствует сниженная амплитуда реакций вызванных потенциалов N140 при восприятии эротических и P220 при восприятии нейтральных стимулов, в сравнении с манипулятивным типом, который по тем же параметрам вызванных потенциалов приближается к группе сопоставления. Показатели амплитуды пиков N140 и P320 позволяют дискриминировать группы с учетом типологии с точностью 83%.

6. Проведенная типологизация педофильного расстройства создает предпосылки для более обоснованной его диагностики за счет повышения полноты учитываемых клинических признаков, производных от стержневого феномена своеобразия восприятия объекта сексуальных предпочтений. Его ведущая диагностическая роль определяется тесной связью со стойкостью паттерна педофильного сексуального возбуждения, являющегося ключевым для диагноза педофилии.

Вариативность клинических проявлений педофильного расстройства служит основой для дифференцированной экспертной оценки произвольности аномального поведения, а также прогностической оценки риска повторных опасных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беззубова Е.Б. Клинико-онтогенетическая типология деперсонализации как расстройства развития самосознания // Независимый психиатрический журнал – 1994. – №1 – С. 9–13.
2. Дворянчиков Н.В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: дисс... канд. психол. наук: 19.00.04 / Дворянчиков Н.В. – М, 1998. – 178 с.
3. Демидова Л.Ю. Роль понимания эмоциональных состояний в регуляции криминальных действий сексуального характера, направленных против детей: дисс... канд. психол. наук: 19.00.06 / Демидова Л.Ю. – М, 2017. – 176 с.
4. Жадин М.Н., Биофизические механизмы формирования электроэнцефалограммы. – М.: Наука, 1984. – 195 с.
5. Жижиленко А.А., Оршанский Л.Г. Половые преступления. Ленинград: Изд-во Рабочий Суд, 1927. – 112 с.
6. Жуков О.Б. Нейрогенные механизмы регуляции эрекции и роль современных методов нейровизуализации в диагностике эректильной дисфункции / Жуков О.Б., Зубарев А.Р., Кротенкова М.В., Коновалов Р.Н., Федин П.А., Шварц П.Г. // Медицинская визуализация – 2005. – № 2 – С. 9–17.
7. Каменсков М.Ю., Введенский Г.Е. Инструментальная диагностика парафилий с применением полиграфа: методологические проблемы и рекомендации к их решению (аналитический обзор) // Российский психиатрический журнал – 2014. – № 3 – С. 4–9.
8. Каменсков М.Ю., Введенский Г.Е., Купцова Д.М., Демидова Л.Ю. Диагностическое значение трекинга глаз в сексологии // Российский психиатрический журнал – 2018. – № 1. – С. 78–85.
9. Каменсков М.Ю., Грубин Д., Яковчик А.Ю., Купцова Д.М. Международная практика применения полиграфа в отношении лиц, совершивших половые преступления // Российский психиатрический журнал – 2020. – № 2 – С. 80–91.

10. Каменсков М.Ю., Мэрфи Л., Купцова Д.М. Психовегетативные методы диагностики в практике судебной психиатрии // Российский психиатрический журнал – 2018. – № 3 – С. 61–73.
11. Коллектив авторов. Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99). (Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации) / Под общей ред. Б.А. Казаковцева, В.Б. Голланда. М.: Минздрав России, 1998. 512 с.
12. Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства: Пер. с нем. М.: Республика, 1996. – 591 с.
13. Кропотов Ю.Д. Количественная ЭЭГ, когнитивные вызванные потенциалы мозга человека и нейротерапия / Перевод с англ. под ред. В.А. Пономарева. – Донецк: Издатель Заславский А.Ю., 2010. – 512 с.
14. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. – 320 с.
15. Радченко Н.А. Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних // диссертация на соискание ученой степени канд. мед. наук / Радченко Н.А. – М, 2002. – 270 с.
16. Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И. Модель психического: Структура и динамика. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. – 503 с.
17. Ткаченко А.А. Игровой мир трансгрессивной сексуальности: основания к психопатологической феноменологии парафилий // Логос – 1998. – № 1 – С. 204–229.
18. Ткаченко А.А. Сексуальные извращения-парафилии. М.: «Триада-Х», 1999. 461 с.
19. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Каменсков М.Ю. Применение подпороговой визуальной стимуляции при психофизиологической диагностике расстройств сексуальных предпочтений // Пособие для врачей. – 2008. – 24 с.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001.

21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996.
22. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ " О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]
23. Шпорт С.В., Каменсков М.Ю., Введенский Г.Е. и др. Педофилия: социально-правовые и медицинские аспекты // Общественное здоровье. – 2022. – Т. 2, № 4. – С. 45-57.
24. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами / Социально-психологические исследования в психоневрологии. Под ред. Е.Ф. Бажина. Л.: Научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева. – 1980. С. 110-114.
25. Abel G.G. Screening tests for pedophilia / Abel G.G., Lawry S.S., Karlstrom E.M., Osborn C.A., Gillespie C.F. // Crim. Justice Behav. – 1994. – № 21 – 115-131 с.
26. Aftanas L.I. Affective picture processing: event-related synchronization within individually defined human theta band is modulated by valence dimension / Aftanas L.I., Varlamov A.A., Pavlov S.V., Makhnev V.P., Reva N.V. // Neuroscience letters – 2001. – Т. 303 – № 2 – С. 115-118.
27. Aftanas L.I., Reva N.V., Varlamov A.A., Pavlov S.V., Makhnev V.P. Analysis of evoked EEG synchronization and desynchronization in conditions of emotional activation in humans: temporal and topographic characteristics // Neuroscience and behavioral physiology – 2004. – Т. 34 – № 8 – С. 859–867.
28. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5. Arlington, VA: American Psychiatric Association, 2013. – 943 с.
29. Anokhin A.P. Rapid discrimination of visual scene content in the human brain / Anokhin A.P., Golosheykin S., Sirevaag E., Kristjansson S., Rohrbaugh J.W., Heath A.C. // Brain research – 2006. – Т. 1093 – № 1 – 167-177 с.
30. Başar E., Başar-Eroglu C., Karakaş S., Schürmann M. Gamma, alpha, delta, and theta oscillations govern cognitive processes // International journal of

psychophysiology: official journal of the International Organization of Psychophysiology – 2001. – T. 39 – № 2-3, C. 241–248.

31. Başar E., Guntekin B. Review of delta, theta, alpha, beta, and gamma response oscillations in neuropsychiatric disorders. Application of Brain Oscillations in Neuropsychiatric Diseases // Supplements to Clinical neurophysiology – 2013. – T. 62 – C. 303–341.

32. Başar E., Schürmann M., Başar-Eroglu C., Karakaş S. Alpha oscillations in brain functioning: an integrative theory. Alpha oscillations in brain functioning: an integrative theory // International journal of psychophysiology: official journal of the International Organization of Psychophysiology – 1997. – № 26 – C. 5-29.

33. Beech A.R. Children induce an enhanced attentional blink in child molesters / Beech A.R., Kalmus E., Tipper S.P., Baudouin J.Y., Flak V., Humphreys G.W. // Psychological assessment – 2008. – T. 20 – № 4 – C. 397-402.

34. Brown A.S. Implicit measurement of child associations in child sex abusers: role of victim type and denial / Brown A.S., Gray N.S., Snowden R.J. // Sexual Abuse – 2009. – T. 21 – № 2 – 166-180 c.

35. Brüne M., Brüne-Cohrs U. Theory of Mind-Evolution, Ontogeny, Brain Mechanisms and Psychopathology // Neuroscience and Biobehavioral Reviews – 2006. – № 30 – C. 437-455.

36. Cantor J.M., Lafaille S.J., Hannah J., Kucyi A., Soh D.W., Girard T.A., Mikulis D.J. Independent Component Analysis of Resting-State Functional Magnetic Resonance Imaging in Pedophiles // The Journal of Sexual Medicine – 2016. – T. 13 – № 10 – C. 1546-1554.

37. Castellino N., Bosco F., Marshall W., Marshall L., Veglia F. Mindreading abilities in sexual offenders: an analysis of theory of mind processes // Consciousness and cognition – № 20 – C. 1612-1624.

38. Chapman R.M., Bragdon H.R. Evoked responses to numerical and non-numerical visual stimuli while problem solving // Nature – 1964. – № 203 – C. 1155–1157.

39. Cohen L.J. Heterosexual male perpetrators of childhood sexual abuse: a preliminary neuropsychiatric model / Cohen L.J., Nikiforov K., Gans S., Poznansky O., McGeoch P., Weaver C., King E.G., Cullen K., Galynker I. // *Psychiatric Quarterly* – 2002. – T. 73 – № 4 – C. 313–336.
40. Dehaene S., Naccache L. Towards a cognitive neuroscience of consciousness: Basic evidence and a workspace framework // *Cognition* – 2001. – T. 79 – № 1–2 – C. 1–37.
41. Dickter C.L., Kieffaber P.D. EEG methods for the psychological sciences // SAGE Publications Ltd. – 2014. – 176 c.
42. Dombert B. Identifying Pedophilic Interest in Sex Offenders against Children with the Indirect Choice Reaction Time Task / Dombert B., Antfolk J., Kallvik L., Zappalà A., Osterheider M., Mokros A., Santtila P. // *European Journal of Psychological Assessment* – 2015. - T. 33 – № 5 – 345-351 c.
43. Dreßing H. Homosexual pedophilia and functional networks – an fMRI case report and literature review / Dreßing H., Obergrösser T., Tost H., Kaumeier S., Ruf M., Braus D.F. // *Fortschritte der Neurologie-Psychiatrie* – 2001. – T. 69 – № 11 – 539-544 c.
44. Elsegood K.J., Duff S.C. Theory of mind in men who have sexually offended against children: A U.K. Comparison study between child sex offenders and nonoffender controls // *Sexual Abuse: Journal of Research and Treatment* – 2010. – T. 22 – № 1 – C. 112-131.
45. Flor-Henry P., Lang R.A., Koles Z.J., Frenzel R.R. Quantitative EEG studies of pedophilia // *International journal of psychophysiology: official journal of the International Organization of Psychophysiology* – 1991. – T. 10 – № 3 – C. 253–258.
46. Fonteille V. Brain processing of pictures of children in men with pedophilic disorder: A positron emission tomography study / Fonteille V., Redouté J., Lamothe P., Straub D., Lavenne F., Le Bars D., Raverot V., Moulier V., Marchand J.J., Vittoz A., Leriche C., Pugeat M., Stoléro S. // *NeuroImage. Clinical* – 2019. – № 21 – C. 101647.
47. Fromberger P. Diagnostic Accuracy of Eye Movements in Assessing Pedophilia / Fromberger P., Jordan K., Steinkrauss H., von Herder J., Witzel J.,

Stolpmann G., Kröner-Herwig B., Müller J.L. // The journal of sexual medicine – 2012. – T. 9 – № 7 – C. 1868–1882.

48. Geer J.H., Bellard H.S. Sexual content induced delays in unprimed lexical decisions: gender and context effects // Archives of sexual behavior – 1996. – T. 25 – № 4 – C. 379–395.

49. Gerwinn, H. Clinical characteristics associated with paedophilia and child sex offending - differentiating sexual preference from offence status / Gerwinn H., Weiß S., Tenbergen G., Amelung T., Födisch C., Pohl A., Massau C., Kneer J., Mohnke S., Kärgel C., Wittfoth M., Jung S., Drumkova K., Schiltz K., Walter M., Beier K.M., Walter H., Ponseti J., Schiffer B., & Kruger T.H.C. // European psychiatry: the journal of the Association of European Psychiatrists – 2018. – T. 51 – 74-85 c.

50. Gray N.S. An implicit test of the associations between children and sex in pedophiles / Gray N.S., Brown A.S., MacCulloch M.J., Smith J., Snowden R.J. // Journal of abnormal psychology – 2005. – T. 114 – № 2 – 304-308 c.

51. Groth A.N., Hobson W.F., Gary T.S. The child molester: Clinical observations // Journal of Social Work & Human Sexuality – 1982. – T. 1 – № 1–2. C. 129–144.

52. Grubin D., Kamenskov M., Dwyer R.G., Stephenson T. Post-conviction polygraph testing of sex offenders // International review of psychiatry (Abingdon, England) – 2019. – T. 31 – № 2 – C. 141–148.

53. Guntekin B., Tulay E. Event related beta and gamma oscillatory responses during perception of affective pictures // Brain Research – 2014. T. 1577. C. 45-56.

54. Habermeyer B. Immediate processing of erotic stimuli in paedophilia and controls: A case control study / Habermeyer B., Esposito F., Händel N., Lemoine P., Klarhöfer M., Mager R., Dittmann V., Seifritz E., Graf M. // BMC Psychiatry – 2013. - № 13 – C. 88.

55. Harris G.T. Viewing time as a measure of sexual interest among child molesters and normal heterosexual men / Harris G.T., Rice M.E., Quinsey V.L., Chaplin T.C. // Behaviour research and therapy – 1996. – T. 34 – № 4 – C. 389–394.

56. Hempel I.S. Unraveling sexual associations in contact and noncontact child sex offenders using the single category. Implicit Association Test / Hempel I.S., Buck N.M.L., Goethals K.R. // *Sexual Abuse* – 2013. – Т. 25 – № 5 – 444-460 с.
57. Hillyard S.A., Hink R.F., Schwent V.L., Picton T.W. Electrical signs of selective attention in the human brain // *Science (New York, N.Y.)* – 1973. – Т. 182 – № 4108 – С. 177–180.
58. Holmes R.M., Holmes S.T. Pedophilia and psychological profiling // *Profiling violent crimes: an investigative tool*, 4 изд., Thousand Oaks, CA [u.a.]: SAGE, 2009 – P. 113–120.
59. Howard R.C., Longmore F.J., Mason P.A., Martin J.L. Contingent negative variation (CNV) and erotic preference in self-declared homosexuals and in child sex offenders // *Biological Psychology* – 1994. – Т. 38 – № 2–3. С. 169–181.
60. Keenan T., Ward T. A theory of mind perspective on cognitive, affective, and intimacy deficits in child sexual offenders // *Sexual abuse: a journal of research and treatment* – 2000. – Т. 12 – № 1 – С. 49–60.
61. Kelly S.P., Lalor E.C., Reilly R.B., Foxe J.J. Increases in alpha oscillatory power reflect an active retinotopic mechanism for distracter suppression during sustained visuospatial attention // *Journal of neurophysiology* – 2006. – Т. 95 – № 6 – С. 3844-3851.
62. Kihlstrom J.F., Mulvaney S., Tobias B.A., Tobis I.P. The emotional unconscious // Под ред. Eich E., Bower G.H., Forgas J.P., Niedenthal P.M. *Cognition and emotion*. London: Oxford University Press – 2000. – С. 30–86.
63. Kneer J. Diminished fronto-limbic functional connectivity in child sexual offenders / Kneer J., Borchardt V., Kärigel C., Sinke C., Massau C., Tenbergen G., Ponseti J., Walter H., Beier K.M., Schiffer B., Schiltz K., Walter M., Kruger T.H.C. // *Journal of Psychiatric Research* – 2018. – Т. 108 – 48-56 с.
64. Knight R.A. A System for the Classification of Child Molesters / Knight R.A., Carter D.L., Prentky R.A. // *J. Interpersonal Violence*. – 1989. – Т. 4 – № 1 – 3-23 с.

65. Knott V. Pedophilic brain potential responses to adult erotic stimuli / Knott V., Impey D., Fisher D., Delpero E., Fedoroff P. // *Brain Research* – 2016. – T. 1632 – 127-140 c.
66. Knyazev G.G. Motivation, emotion, and their inhibitory control mirrored in brain oscillations // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews* – 2007. – T. 31 – № 3 – C. 377-395.
67. Kolev V., Demiralp T., Yordanova J., Ademoglu A., Isoglu-Alkaç U. Time-frequency analysis reveals multiple functional components during oddball P300 // *Neuroreport* – 1997. – T. 8 – № 8 – C. 2061-2065.
68. Krylova M. MEG reveals preference specific increases of sexual-image-evoked responses in paedophilic sexual offenders and healthy controls / Krylova M., Ristow I., Marr V., Borchardt V., Li M., Witzel J., Drumkova K., Harris J.A., Zacharias N., Schiltz K., Amelung T., Beier K.M., Kruger T.H.C., Ponseti J., Schiffer B., Walter H., Kärgel C., Walter M. // *The world journal of biological psychiatry: the official journal of the World Federation of Societies of Biological Psychiatry* – 2020. – T. 16 – 1-14 c.
69. Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N. *International Affective Picture System (IAPS): Technical Manual and Affective Ratings*. NIMH Center for the Study of Emotion and Attention, Gainesville – 1997. – C. 39–58.
70. Luck S.J., Woodman G.F., Vogel E.K. Event-related potential studies of attention // *Trends in cognitive sciences* – 2000. – T. 4 – № 11. – C. 432–440.
71. Luria A.R. *Higher Cortical Functions in Man*. Basic Books, 1966. 513 c.
72. Martijn F.M. Attraction to Physical and Psychological Features of Children in Child-Attracted Persons / Martijn F.M., Babchishin K.M., Pullman L.E., Roche K. & Seto M.C. // *The Journal of Sex Research* – 2022. – T. 59 – № 3 – 391-402 c.
73. Massau C. Executive Functioning in Pedophilia and Child Sexual Offending / Massau C., Tenbergen G., Kärgel C., Weiß S., Gerwinn H., Pohl A., Amelung T., Mohnke S., Kneer J., Wittfoth M., Ristow I., Schiltz K., Beier K.M., Ponseti J., Walter M., Kruger T.H.C., Walter H. & Schiffer B. // *Journal of the International Neuropsychological Society* – 2017. – T. 23 - № 6 – 460-470 c.

74. McAnulty R.D., Burnett M.M. Sex and Sexuality. T. 1. Sexuality today: trends and controversies // Preager Perspectives – 2006. – 377 c.
75. McPhail I.V. Taxometric Analysis of the Latent Structure of Pedophilic Interest / McPhail I.V., Olver M.E., Brouillette-Alarie S., Looman J. // Archives of sexual behavior – 2018. – T. 47 – № 8 – C. 2223–2240.
76. McPhail I.V. Validity in Phallometric Testing for Sexual Interests in Children: A Meta-Analytic Review/ McPhail I.V., Hermann C.A., Fernane S., Fernandez Y.M., Nunes K.L., Cantor J.M. // Assessment – 2019. – T. 26 – № 3 – C. 535–551.
77. Mokros A. Assessment of pedophilic sexual interest with an attentional choice reaction time task. / Mokros A., Dombert B., Osterheider M., Zappalà A., Santtila P. // Archives of Sexual Behavior – 2010. – T. 39 – № 5 – 1081-1090 c.
78. Mokros A. Computerized assessment of pedophilic sexual interest through self-report and viewing time: reliability, validity, and classification accuracy of the affinity program / Mokros A., Gebhard M., Heinz V., Marschall R.W., Nitschke J., Glasgow D.V., Gress C.L., & Laws D.R. // Sex. Abuse – 2012. – № 25 – 230-258 c.
79. Pennington B.F. Methods of syndrome analysis. Neuropsychology // The development of psychopathology: nature and nurture. N.Y.: The Guilford Press, 2002. - C. 76–101.
80. Poepl T.B. Functional cortical and subcortical abnormalities in pedophilia: a combined study using a choice reaction time task and fMRI / Poepl T.B., Nitschke J., Dombert B., Santtila P., Greenlee M.W., Osterheider M., Mokros A. // The journal of sexual medicine – 2011. - T. 8 – № 6 – 1660-1674 c.
81. Ponseti J. Assessment of pedophilia using hemodynamic brain response to sexual stimuli / Ponseti, J., Granert, O., Jansen, O., Wolff, S., Beier, K., Neutze, J., Deuschl, G., Mehdorn, H., Siebner, H., & Bosinski, H. // Archives of general psychiatry – 2012. – T. 69 – № 2 – 187-194 c.
82. Porjesz B., Rangaswamy M., Kamarajan C., Jones K.A., Padmanabhapillai A., Begleiter H. The utility of neurophysiological markers in the study of alcoholism // Clinical Neurophysiology – 2005. – T. 116 – № 5 – C. 993–1018.

83. Poulin-Dubois D. Theory of mind development: State of the science and future directions // *Progress in brain research* – 2020. – № 254 – C. 141–166.
84. Ramos-Loyo J., González-Garrido A.A., Sánchez-Loyo L.M., Medina V., Basar-Eroglu C. Event-related potentials and event-related oscillations during identity and facial emotional processing in schizophrenia // *International journal of psychophysiology: official journal of the International Organization of Psychophysiology* – 2009 – T. 71 – № 1 – C. 84-90.
85. Raymond J.E., Shapiro K.L., Arnell K.M. Temporary suppression of visual processing in an RSVP task: An attentional blink? // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance* – 1992. – T. 18 – № 3 – C. 849–860.
86. Redouté J. Brain processing of visual sexual stimuli in human males / Redouté J., Stoléro S., Grégoire M.C., Costes N., Cinotti L., Lavenne F., Le Bars D., Forest M.G., Pujol J.F. // *Human brain mapping* – 2000. – T. 11 – № 3 – 162-177 c.
87. Reed G.M. Disorders related to sexuality and gender identity in the ICD-11: revising the ICD-10 classification based on current scientific evidence, best clinical practices, and human rights considerations / Reed G.M., Drescher J., Krueger R.B., Atalla E., Cochran S.D., First M.B., Cohen-Kettenis P.T., Arango-de Montis I., Parish, S.J., Cottler S., Briken P., & Saxena S. // *World Psychiatry*. – 2016. – T. 15 – № 3 – 205-221 c.
88. Ristow I. Expectation of sexual images of adults and children elicits differential dorsal anterior cingulate cortex activation in pedophilic sexual offenders and healthy controls / Ristow I., Foell J., Kärgel C., Borchardt V., Li S., Denzel D., Witzel J., Drumkova K., Beier K., Kruger T.H.C., Ponseti J., Schiffer B., Schiltz K., Walter H., Walter M. // *NeuroImage. Clinical* – 2019. – № 23 – 101863 c.
89. Rosburg T. Inhibition and attentional control in pedophilic child sexual offenders – An event-related potential study / Rosburg T., Deuring G., Boillat C., Lemoine P., Falkenstein M., Graf M., Mager R. // *Clinical neurophysiology: official journal of the International Federation of Clinical Neurophysiology* – 2018. – T. 129 – № 9 – 1990-1998 c.

90. Rugg M.D. Dissociation of semantic priming, word and non-word repetition effects by event-related potentials // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology A: Human Experimental Psychology* – 1987. – T. 39 – № 1 – C. 123–148.
91. Sartorius A. Abnormal amygdala activation profile in pedophilia / Sartorius A., Ruf M., Kief C., Demirakca T., Bailer J., Ende G., Henn F.A., Meyer-Lindenberg A., Dreßing H. // *European archives of psychiatry and clinical neuroscience* – 2008. – T. 258 – № 5 – 271-277 c.
92. Scarpazza C. Idiopathic and acquired pedophilia as two distinct disorders: an insight from neuroimaging / Scarpazza C., Finos L., Genon S., Masiero L., Bortolato E., Cavaliere C., Pezzaioli J., Monaro M., Navarin N., Battaglia U., Pietrini P., Ferracuti S., Sartori G., Camperio Ciani A.S. // *Brain imaging and behavior* – 2021. – T. 15 – № 5 – C. 2681–2692.
93. Schacter D., Buckner R.L. Priming and the brain // *Neuron* – 1998. – T. 20 – № 2 – C. 185–195.
94. Schiffer B. Executive dysfunctions in pedophilic and nonpedophilic child molesters / Schiffer B. & Vonlaufen C. // *Journal of Sexual Medicine* – 2011. – T. 8 – № 7 – 1975-1984 c.
95. Schiffer B. Functional brain correlates of heterosexual paedophilia / Schiffer B., Paul T., Gizewski E., Forsting M., Leygraf N., Schedlowski M., Kruger T.H. // *Neuroimage* – 2008. – T. 41 – № 1 – 80-91 c.
96. Schmidt A.F. A meta-analysis of viewing time measures of sexual interest in children / Schmidt A.F., Babchishin K.M., Lehmann R.J.B. // *Archives of Sexual Behavior* – 2017. – T. 46 - № 1 – 287-300 c.
97. Schuler M. Empathy in pedophilia and sexual offending against children: a multifaceted approach / Schuler M., Mohnke S., Amelung T., Dziobek I., Lemme B., Borchardt V., Gerwinn H., Kärigel C., Kneer J., Massau C., Pohl A., Tenbergen G., Weiß S., Wittfoth M., Waller L., Beier K.M., Walter M., Ponseti J., Schiffer B., Kruger T.H.C., Walter H. // *Journal of Abnormal Psychology* – 2019. – T. 128 – № 5 – C. 453–464.
98. Schuler M. Neural processing associated with cognitive empathy in pedophilia and child sexual offending / Schuler M., Mohnke S., Amelung T., Beier K.M.,

Walter M., Ponseti, J., Schiffer B., Kruger T.H.C., Walter H. // Social cognitive and affective neuroscience – 2022. – T. 17 – № 8 – C. 712–722.

99. Schutter D.J., van Honk J. Decoupling of midfrontal delta-beta oscillations after testosterone administration // International journal of psychophysiology: official journal of the International Organization of Psychophysiology – 2004. – T. 53 – № 1 – C. 71-73.

100. Seto M.C. Pedophilia // Annual Review of Clinical Psychology – 2009. – № 5 – 391-407 c.

101. Speer L. Sexual preference for prepubescent children is associated with enhanced processing of child faces in juveniles / Speer L., Schuler M., Keil J., Moran J.K., Pantazidis P., Amelung T., Florack J., Beier K.M., Senkowski D. // European child & adolescent psychiatry – 2022. – № 31 – 261-274 c.

102. Spiering M., Everaerd W. The sexual unconscious // The psychophysiology of sex / Под ред. E. Janssen. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press – 2007. – 166-184 c.

103. Stelzmann D., Jahnke S., Kuhle L.F. Media Coverage of Pedophilia: Benefits and Risks from Healthcare Practitioners' Point of View // International journal of environmental research and public health – 2020. – T. 17 – № 16 – C. 5739.

104. Stephens S. Taxometric analyses of pedophilia utilizing self-report, behavioral, and sexual arousal indicators. / Stephens S., Leroux E., Skilling T., Cantor J.M., Seto M.C. // Journal of abnormal psychology – 2017. – T. 126 – № 8 – C. 1114–1119.

105. Stermac L.E., Segal Z.V. Adult sexual contact with children: an examination of cognitive factors // Behavior Therapy – 1989. – T. 20 – № 4 – C.573–584.

106. Stoléru S. Functional neuroimaging studies of sexual arousal and orgasm in healthy men and women: a review and meta-analysis / Stoléru S., Fonteille V., Cornélis C., Joyal C., Moulier V. // Neuroscience and biobehavioral reviews – 2012. – T. 36 – № 6 – 1481-1509 c.

107. Storch M. Hypothalamic volume in pedophilia with or without child sexual offense / Storch M., Kanthack M., Amelung, T., Beier K.M., Krueger T.H.C., Sinke C.,

Walter H., Walter M., Schiffer B., Schindler S., & Schoenknecht P. // European archives of psychiatry and clinical neuroscience – 2022. Advance online publication.

108. Sutton S. Information Delivery and the Sensory Evoked Potential / Sutton S., Tueting P., Zubin J., John E.R. // Science – 1967. – № 155 – C. 1436-1439.

109. Thibaut F., Cosyns P., Fedoroff J.P., Briken P., Goethals K., Bradford J.M.W. The WFSBP Task Force on Paraphilias. The World Federation of Societies of Biological Psychiatry (WFSBP) 2020 guidelines for the pharmacological treatment of paraphilic disorders // The World Journal of Biological Psychiatry. – 2020. – T. 21 – № 6 – C. 412–490.

110. Tucker D.M., Dawson S.L. Asymmetric EEG changes as method actors generated emotions // Biological Psychology – 1984. – T. 19 – № 1 – C. 63-75.

111. Walter M. Pedophilia is linked to reduced activation in hypothalamus and lateral prefrontal cortex during visual erotic stimulation / Walter M., Witzel J., Wiebking C., Gubka U., Rotte M., Schiltz K., BERPohl F., Tempelmann C., Bogerts B., Heinze H. J., Northoff G. // Biological psychiatry – 2007. – T. 62 – № 2 – 698-701 c.

112. Ward T. An integrated theory of sexual offending / Ward T., Beech A.R. // Aggression Violent Behav. – 2006. – T. 11 – № 1 – 44-63 c.

113. Ward T., Beech R.A. An integrated theory of sexual offending – revised a multfield perspective // The Wiley Handbook on the Theories, Assessment, and Treatment of Sexual Offending. T. I: Theories, под ред. A.R. Beech, T. Ward. New Zealand: John Wiley & Sons, 2016. C. 123–137.

114. Ward T., Keenan T. Child Molesters' Implicit Theories // Journal of Interpersonal Violence – 1999. – T. 14 – № 8 – C. 821–838.

115. Wellman H.M., Liu D. Scaling of Theory-of-Mind Tasks // Child development – 2004. – T. 75 – № 2 – C. 523–541.

116. Wiebking C., Northoff G. Neuroimaging in Pedophilia // Current psychiatry reports – 2013. – T. 15 – № 4 – C. 351.

117. Wilson, G., & Cox, D. (1983). The child-lovers: A study of paedophiles in society. London:Peter Owen Publishers. 114 p.

118. Zamansky H.S. A technique for assessing homosexual tendencies // *Journal of personality* – 2006. – T. 24 – № 4 – C. 436–448.
119. Zappalà A. Identifying deviant sexual interest in a sex offender sample using dual-target rapid serial visual presentation task / Zappalà A., Antfolk J., Dombert B., Mokros A., Santtila P. // *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology* – 2016. – T. 27 – № 2 – C. 281–307.
120. Ziogas A., Habermeyer B., Kawohl W., Habermeyer E., Mokros, A. Automaticity of Early Sexual Attention: An Event-Related Potential Study // *Sexual Abuse* – 2022. – T. 34 – № 5 – C. 507–536.